

Голицын Андрей Кириллович ВЕЛИКАЯ ФАЛЬШИВКА

НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Минул 2013 год. Год для истории Государства Российского памятный, во-первых, тем, что 400 лет тому назад юный представитель рода бояр Романовых возведён был на Престол, став первым монархом новой Правящей Династии, которая триста лет оставаясь у Трона, создала Великую и могущественную Империю и, во-вторых, в этом же году исполнилось 95 лет со дня убийства последнего русского Царя.

Страна широко отметила 400-летнюю годовщину окончания первой Российской смуты. Парламентской инициативой шестое число марта месяца на будущие времена определено было «Днём восстановления Российской Государственности». Общественная Палата провозгласила концепцию и программу мероприятий, посвящённых этому событию. От имени Русской Православной Церкви Глава Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества определил символом предстоящих торжеств, братское единение власти, Церкви и гражданского общества во имя служения Отечеству на основе православных традиций и героических примеров, прославивших далёких наших предков в те суровые годы семнадцатого века.

В рамках подготовки к предстоящим юбилейным торжествам были определены конкретные направления церковной и общественной просветительской деятельности: организация научно-исследовательских центров, круглых столов, музеев, проведение научных форумов, конференций, лекций, издание книг, альбомов, буклетов, открыток, изготовление сувенирной продукции и многое, многое другое.

По всем городам и весям организованы были выставки, посвящённые Смутному времени и его завершению, Царскому и Императорскому Дому Романовых, разным историческим эпохам новой Династии, разным монархам. В Костроме, городе откуда Романовы призваны были на Престол, выставочная экспозиция свою просветительскую инициативу направила на освещение последнего исторического периода Императорской России, на Царствование Государя Императора Николая II.

В преддверии подготовки к предстоящему Юбилею, для многих было, совершенно очевидным, что в ходе самого празднования неизбежно широкое оповещение получит трагический конец 300-летнего Царствования Дома Романовых и, конечно, проблема с останками, погребёнными в Екатерининском приделе Петропавловского Собора, станет предметом серьёзного и беспристрастного обсуждения. Укрепляло в оптимизме уверенность и в том, что Священноначалие нашей Церкви и Государственная власть, много лет пребывавшие в полном взаимном антагонизме, сея тем самым смущение в общественном сознании, станут на путь разумного диалога. Казалось, что столь знаменательная дата заставит противостоящие стороны, во имя общественной умиротворённости и ответственности перед историей, найти силы для преодоления политических пристрастий. Казалось, что будет поставлена точка во всей этой запутанной истории, которая не только породила смущение в общественном сознании, но и разделила общество на два лагеря: на тех, кто пошёл по следам официального следствия и вердикта Правительственной Комиссии и тех, кто остался в лоне Русской Православной Церкви.

К сожалению чаяния сии оказались наивной иллюзией. На официальном уровне ни Государство, ни Церковь ни одним словом не обмолвилось о Уральской Голгофе и о посмертной

судьбе последнего русского Царя. Весь патриотический энтузиазм направлен был в Смутное время, в котором почему-то искали мистическую аналогию с нашим временем, полагая опытом семнадцатого века, преодолев нынешнюю смуту, «восстановить Российскую Государственность» и примирить тех, для кого Династия Романовых завершила свой исторический путь большевистским переворотом с теми, кто уверен, что это произошло позднее, в подвале Ипатьевского дома.

И только Екатеринбургская епархия соборной молитвой вспомнила ту кровавую ночь.

«Перед нашими взорами пролетают годы славного периода в истории нашей Родины, проходившие под водительством Династии Романовых, которая взрастила удивительный плод святости и подвига в лице последнего русского Императора Святого Страстотерпца Николая II, - в одном из своих пасторских обращений сказал высокопреосвященнейший Кирилл, митрополит Екатеринбургский и Верхотурский. - Этот период начался в величественном Ипатьевском монастыре Костромы, а закончился в страшной и унижительной яме, где пережигались Святые тела Царственных Страстотерпцев... На том месте, где пытались когда-то погубить память Святых Страстотерпцев, ныне совершается усердная молитва иноков в честной обители, посвящённой Царской Семье».

Покаянный Крестный ход от Храма-на-Крови при многотысячном стечении паломников, собравшихся со всех концов России, с иконами Святых Царственных мучеников, повторил тот путь, по которому 95 лет назад увезли безжизненные Царские тела.

У Поклонного монастырского креста владыка Кирилл, приветствуя собравшихся, сказал:

«Примем этот горестный и торжественный, но очень благодатный и радостный день. Поздравляю всех с днём памяти наших страстотерпцев, поздравляю всех пришедших с крестным ходом и надеюсь, что Господь даст нам ещё раз в этой жизни прийти сюда с молитвой и взять благословение у нашего Святого Царя».

**Мир никогда не узнает,
что мы сделали с ними.
П.Л.Войков**

СО ЛЖИ ВСЁ НАЧАЛОСЬ

Разбудили ночью и под обманным предлогом, будто в городе зреют беспорядки, и оставаться в комнатах верхнего этажа стало рискованно, свели по внутренней лестнице в полуподвальное помещение, как бы для их же собственной безопасности. Юровский без всякого стыда в своих «мемуарных откровениях», в начале ельцинской демократии напечатанным журналом «Источник» под названием «Исповедь палача», писал: «Я разбудил доктора Боткина и сказал ему, что необходимо всем спешно одеться, так как в городе беспокойно, и я вынужден их перевести в более безопасное место». Уже позднее чекист Кабанов эту ложь почти дословно повторил: «Юровский сообщил Николаю II, что в городе беспокойно, что его жизни и его семье угрожает опасность, что во избежание этого, он предложил ему, со своей семьёй, спуститься вниз».

А через час, под покровом летней ночи, одиннадцать безжизненных тел увезли за семнадцать вёрст от города к заброшенным шахтам в урочище Четырёх Братьев.

17 июля 1918 года проснувшийся город не был ничем встревожен. Как и во все прежние дни, дом на Вознесенском проспекте, обнесённый высоким забором, сохранял видимость полного покоя. Внешняя охрана оставалась на месте. И только на четвёртый день, 20 июля, на улицах Екатеринбурга появились печатные объявления, написанные от имени Уральского Областного Совета, в которых сообщалось о расстреле Николая II. «Семья Романовых, - как там было сказано, - эвакуирована в надёжное место». 23 июля, уже широко по стране, появилось официальное сообщение ЦИКа о «казни Николая Кровавого».

Ко лжи уже однажды произнесённой в Екатеринбурге и повторенной потом всей советской печатной пропагандой о «надёжном месте», добавилась ещё и фальшивая переписка, явившаяся якобы дополнительной причиной столь неожиданного и поспешного решения. Сообщалось ложно, что раскрыт был заговор

контрреволюции, «имевший целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача. Ввиду всех этих обстоятельств, - говорилось далее, - Президиум Уральского Областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что было приведено в исполнение». О монархическом заговоре врал на заседании Совнаркома сам Свердлов.

25 июля большевики покинули Екатеринбург. В город вошли войска Сибирской армии. Началось судебное расследование. 7 февраля 1919 года «производство следствия по Делу об убийстве бывшего Императора и его Семьи» было по распоряжению Верховного Правителя возложено на судебного следователя по Особо важным делам Николая Алексеевича Соколова, который после тщательного исследования всех мест, связанных с этим злодеянием, пришёл к категорическому выводу, что трупы расстрелянных, увезённые к заброшенным шахтам близ деревни Коптяки, были там расчленены острыми предметами и, обливаемые бензином и серной кислотой, сожжены на костре. Вывод, к которому пришёл Соколов, через пятьдесят три года частично подтвердил некий Марк Касвинов. В книге изданной в 1972 году под названием «Двадцать три ступени вниз», которая явилась политическим ответом на целый ряд зарубежных публикаций, посвящённых шестидесятилетней годовщине убийства Царской Семьи, советский «историограф» писал: «Среди заброшенных шахт трупы сложили попеременно с сухими брёвнами в ' штабель, облили керосином и подожгли. Когда костёр догорел, останки зарыли в болоте».

Последний раз «Двадцать три ступени...» были переизданы в 1988 году, а это значит, что ещё в 1988 году советская власть, без всяких сомнений пером своего сателлита подтверждала факт полного уничтожения тел. «Урал не хотел отдать Романовых в руки контрреволюции не только живыми, но и мёртвыми, - писал Касвинов. - Было решено предать огню и развеять без следа их останки. Не дать пищи ритуальным шабашам. Не оставить зацепок для мстительных оргий».

А несколько месяцев спустя, в апреле 1989 года, газета «Московские Новости» опубликовала материал из которого «открылось», что никакого сожжения не было и никто ничего не «развеивал». Более того, было объявлено сенсационно, что в предместье города Свердловска любителями-энтузиастами прямо на дороге, ведущей в деревню Коптяки, несколько километров не доезжая до того самого Урочища Четырёх Братьев, обнаружено захоронение, в котором в 1918 году погребены были узники Ипатьевского дома. Главным ' «энтузиастом» и публикатором этого сенсационного открытия явился автор сценариев, воспевающие «романтику» революционных лет, Гелий Трофимович Рябов. В качестве вещественного аргумента была напечатана фотография черепа, изъятого из захоронения и принадлежавший, как утверждал автор, Государю Императору Николаю II. Тут же вослед, в том же апреле месяце, журнал «Родина» начал печатать повесть Рябова под названием «Принуждены вас расстрелять», окончание которой опубликовано было в майском номере, и тогда же, очень в то время смело-либеральный журнал «Огонёк», этот же «факт» обнаружения царской могилы, подтвердил очерком драматурга Радзинского. А самым, наверное, сенсационным явилось то, что и Рябов и Радзинский в качестве доказательства привели полный текст доселе никогда и нигде не публиковавшейся и широко никому не известной «Записки», описывающей события тех дней, авторство которой, как они утверждали, принадлежало главному организатору всей этой злодейской акции - Якову Михайловичу Юровскому. Радзинский так и написал: «Только «Записка» коменданта Юровского являлась единственным добровольным рассказом непосредственного участника расстрела». Причём, что следует отметить, «Записку» эту оба публикатора по их заверениям, получили из разных источников, независимо друг от друга. Рябову «Записку» отца вручил сын царевубийцы, Юровский Александр Яковлевич, а Радзинский обнаружил её в фондах Центрального Архива Октябрьской революции. «Дело о семье бывшего царя Николая второго, - пишет Радзинский, - закрывает навсегда все догадки и споры, ибо «Дело» заканчивается той самой «Запиской» - несколькими страничками машинописного текста - рассказом главного участника событий Я. Юровского. В самом конце документа, - продолжает Радзинский, - запись от руки: в ней указано точное место, где сокрыты останки Романовых и всех погибших с ними». Не просто написал, что «запись» сделана рукой Юровского, а облёк свою самоуверенность в некую художественную изощрённость: «Аккуратный, чёткий почерк, знакомый почерк человека с бородкой». О «знакомом почерке» врал Радзинский, конечно, бесстыдно, даже если он на самом деле не знал, что этот самый «почерк» принадлежал вовсе не Юровскому, а совсем другому человеку.

Эта «Записка», как следовало из сочинений Радзинского и Рябова, была написана Юровским в 1920 году и тогда же вручена академику и члену ВЦИКа М.Н. Покровскому. Рябов прямо пишет, что на «Записке», которую он получил от Александра Яковлевича, «рукой Я.М. Юровского было написано: **«Копия, т. Покровскому дан подлинник 20 г.»**

В 1993 году, когда решением Правительства была учреждена Комиссия для исследования останков, извлечённых из Коптяковской дороги, а Генеральная Прокуратура возбудило уголовное Дело по факту убийства Царской Семьи, «Записка Юровского» явилась главным аргументом следствия, которое возглавил прокурор-криминалист Владимир Николаевич Соловьёв, и который на протяжении всего следственного производства неизменно заявлял, что основополагающим свидетельством, удостоверяющим гибель царской семьи и захоронение её останков являются воспоминания Я.М. Юровского. В завершающем документе следственного Дела (нас интересуют первые две части: «Справка о вопросах, связанных с исследованием гибели семьи бывшего российского императора Николая II и лиц из его окружения» - далее «СПРАВКА», и «Сравнительный анализ документов следствия 1918-24 г.г. с данными советских источников и материалами следствия 1991-97

г.г.» - далее «АНАЛИЗ») Соловьёв пишет: «В «Записке» Юровский упоминает точное место захоронения».

Однако, все свидетельства, касательно «Записки Юровского» выше приведённые, на самом деле, никакого отношения к достоверности не имеют. Историк Юрий Алексеевич Буранов, в середине девяностых годов работая в Архиве, обнаружил тот самый «подлинник», о котором упоминал Рябов, автором коего оказался вовсе не Юровский, а академик Покровский, тот, которому, по Рябову, якобы был вручён оригинал «Записки». В интервью Литературной Газете Юрий Алексеевич Буранов заявил категорично и без всяких сомнений: «Документ, автором которого считается Юровский, написан совсем другим человеком. Я обнаружил в архиве доселе неизвестный рукописный вариант «Записки» - и сразу стало ясно, что она никак не может принадлежать самому Юровскому». На самом деле рукописный вариант, составленный Покровским, в его же Канцелярии был перепечатан на пишущей машинке и на последней странице машинописного экземпляра Покровский от руки дописал то самое «точное место захоронения», автором которого прокурор-криминалист в официальном документе, вслед за Радзинским, объявил Юровского. И даже после того, как автор «Записки» был без всяких сомнений установлен, прокурор Соловьёв своей позиции не изменил и во всех документах от имени прокуратуры продолжал утверждать «факт» действительности не соответствующий. Эта, мягко говоря, запутанная информация оставалась единственной официальной точкой зрения. Так например, летом 2012 года в Главном Российском Архиве на Большой Пироговской улице была открыта выставка, посвящённая этому событию, под названием «Гибель Семьи Императора Николая II. Следствие длиною в век», на которой в экспозиции была представлена последняя машинописная страница той самой «Записки» Покровского с его рукописными приписками. На этикетке под этим экспонатом значилось: «Фрагмент Записки Юровского». И это тоже, скорее всего, инициатива прокурора-криминалиста.

Сразу же после того, как историком Бурановым была озвучена его архивная находка, в трактовке Соловьёва появились некие вариации в происхождении этого документа. На первых порах он заявил, что оный является «свидетельством» Юровского, «записанным известным историком и государственным деятелем Покровским». Позднее он уточнял: «Записка была продиктована главному хранителю партийных тайн академику Покровскому, а уже ставя точку в своих следственных изысканиях и ссылаясь на Заключение Медсудэкспертизы, безапелляционно заявил: «Текст в ней (Записке) выполнен рукой академика Покровского М.Н. и Юровского Я.М.».

Понятно, что к исторической реальности все эти следственные «открытия» никакого отношения не имеют. Это художественное творчество прокурора-криминалиста, его фальсификационные фантазии. Нет в природе не только документа, но даже случайного упоминания кого бы то ни было о том, что Юровский вообще встречался с Покровским, и уж тем более нет свидетеля, который бы видел или слышал, хотя бы от некоего мифического персонажа, что Покровский что-то записывал за Юровским или что тот ему что-то диктовал.

Что известно на самом деле и что является абсолютной исторической достоверностью?

Известно то, что Покровский собственноручно составил текст, в котором сформулировал картину убийства и захоронения Царской Семьи и вовсе не от имени Юровского. Он Юровского именует в третьем лице, то есть как бы составляет хронологический отчёт. Подлинник этого текста, как уже упоминалось, был обнаружен в Архиве.

Известно, что рукопись Покровского была перепечатана в его же ВЦИКовском секретариате.

Известно также, что на последней странице этого машинописного экземпляра Покровский позднее (в тот же день или через несколько лет?) сделал две приписки: одна вносила некоторое исправление в текст им же составленный, другая - указывала место, где был сооружён могильник.

Нет никаких юридических и исторических подтверждений тому, что этот документ является, как утверждает постсоветское следствие, воспоминаниями Юровского. Это абсолютное голословное утверждение. Нет ни одного документа, который бы удостоверял, что автором «Записки» является Юровский. И это действительно не «воспоминания». Это схематическое воспроизведение событий, которые якобы имели место, сформулированное по заказу советской власти для возможного международного оповещения, ежели к тому появится необходимость.

Покровский не записывал рассказ Юровского, как это утверждает прокурор-криминалист, ибо вряд ли тот, оказавшись в кабинете члена ВЦИКа, освещал бы события действительности не соответствующие. Надо полагать, что Покровский, сочиняя «Записку», имел информацию абсолютно точную о том, как всё происходило, может быть от самого Юровского, а может быть от Голощёкина, что в принципе значения не имеет. Но рисовал он картину такую, каковая в то время была необходима с политической точки зрения. Писал не как историк, а как идеологический представитель большевизма. Его не интересовали свидетельства лиц к тому причастных, и поэтому он легко манипулировал событиями так, чтобы они соответствовали не истине, а той политической концепции, которая была выгодна и потребна власти.

Прежде всего, следует помнить, что вся история с «Запиской» началась в двадцатые годы. Не тогда, когда Юровский приехал в Москву сразу же после кровавой расправы с Царской Семьёй и когда он, безусловно, доложил кому положено с подробностями о том, что произошло в доме Ипатьева и потом на Ганиной Яме. Нет, конечно, прямого упоминания, что Юровский отчитывался лично перед самим «кремлёвским мечтателем», хотя исключить этого никак нельзя, ибо не безразлична была сия персона к судьбе Императорской династии, а в качестве подтверждения таковой вероятности можно привести рассказ одного из убийц Великого Князя Михаила Александровича, некоего Маркова, комиссара по национализации в Перми. «Будучи в командировке в

Москве в 1918 году, - повествует Марков не без тщеславного хвастовства, - я по делу пришёл к товарищу Свердлову, он меня повёл к В.И. Ленину, который поздоровавшись спросил: «Ну, рассказывайте, как вы там расправились с Михаилом?» Я рассказал ему, что сделано было чисто, упомянув при этом и дядьку англичанина. Он сказал: «Ну, вот и хорошо, правильно сделали». Мог же ведь Владимир Ильич также покровительски хлопнуть по плечу екатеринбургского палача, которого он всегда считал «надёжным коммунистом» и порадоваться вместе с ним тому, что выполнено всё было «чисто и правильно».

«Записка» Покровским была написана не менее двух лет спустя после убийства. А Покровский не историк в классическом представлении, которого эта тема могла интересовать как учёного. Он являлся идеологом большевизма, политиком, он был чиновником довольно высоко ранга, игравшего заметную роль в формировании политической концепции нового государственного образования. А двадцатый год был переломным и для страны и для тех, кто пришёл к власти, совершив октябрьский переворот. Большевики утвердились на территории бывшей Российской Империи. Гражданская война шла к завершению. Верховный Правитель был расстрелян в Иркутске, Добровольческая армия покинула Крым. Начали формироваться дипломатические отношения с европейскими государствами. Англия первая подписала документ о признании легитимности нового советского государства. Естественно, возникали вопросы о судьбе Царской Семьи. Нужно было что-то отвечать, отвечать определённно.

Если внимательно читать так называемую «Записку Юровского», то становится понятным, что это не описание исторического события. Покровский создавал документ, который должен был убедить мир, что никакого злодейства не произошло, над трупами никто не глумился, возле заброшенных шахт никаких тел не жгли и уж тем более царственных голов не отрезали, о чём к тому времени широко по миру расползлись всякие кошмарные слухи. По Покровскому становилось известным, что трупы из дома Ипатьева привезли на Ганину Яму, которая оказалась непригодной для тайного погребения. Путаница вся пошла от Ермакова. Ему в «Записке» отведена отвлекающая отрицательная роль, как бы все неудачи связаны с его безответственностью и снобизмом. Он опоздал, что привело к задержке, он шахту нашёл мелкую, из-за него же пришлось покинуть Ганину Яму и ехать искать новое место для сокрытия трупов. Хотя в той же «Записке» Ермаков представлен вторым лицом, вовсе не каким-то случайным персонажем. В «Записке» говорится, что «исполнение» поручено было Юровскому, а «ликвидация» - Ермакову. То есть Юровский должен был организовать расстрел, а Ермаков - увезти и уничтожить трупы. Правда, Покровского не особенно волновали противоречия, которые вплетались в его повествование. Он легко и без смущения приписывает своим «героям» действия, которые они не совершали, придумывает какие-то коллизии, которых на самом деле не было. Более того, есть все основания утверждать, что Покровский, когда сочинял «историю» убийства Царской Семьи с последующим сокрытием трупов, о месте захоронения имел сведения приблизительные.

*

Так как «Записка Юровского» явилась главным и основным «документальным» свидетельством о расстреле Царской Семьи, на котором построена вся доказательная база постсоветского следствия, и на основании которого Правительственная Комиссия вынесла свой вердикт, стоит проанализировать её очень внимательно, скрупулёзно и последовательно сравнивая написанное в оной с теми эпистолярными свидетельствами, которые оставили Юровский и многие из соучастников этой кровавой драмы, а также с документами следователя Соколова и выводами, к которым пришло официальное расследование Прокуратуры нашего времени.

Когда прокурора-криминалиста Соловьёва спросили, на какие юридические доказательства опирается концепция проводимого им расследования, он без всяких сомнений уверенно заявил: «Прежде всего на источники, связанные с воспоминаниями непосредственных участников расстрела и захоронения, среди которых особо стоят воспоминания (т.е. документ, сочинённый Покровским*) коменданта Дома особого назначения Якова Юровского». Эту же точку зрения Соловьёв высказал в 1998 году от имени Генеральной Прокуратуры в официальном документе, подводящим итог расследования уголовного Дела по факту убийства Царской Семьи. Там было заявлено: «Основным источником знаний о гибели царской семьи и захоронении её останков являются воспоминания участников событий. Это, прежде всего, воспоминания Я.М. Юровского, коменданта Дома особого назначения, организатора расстрела и захоронения царской семьи» (В «Постановлении о прекращении уголовного дела» в том же 1998 году, Соловьёв был ещё более определён. «Основная, наиболее полная информация, - как утверждается в «Постановлении», - находится в документах, связанных с комендантом дома особого назначения, непосредственным организатором расстрела и захоронения членов семьи Николая II и лиц из его окружения Юровского Я.М.»).

Далее он уточняет, какие именно имеются ввиду «воспоминания».

1. Наиболее ранняя (краткая) редакция записок, где свидетельства Я.М.Юровского были записаны членом ВЦИК, известным историком и государственным деятелем Советской России М.Н.Покровским. («Записка» датируется 1920 г.)
2. Вторая (пространная) редакция записок Юровского датируется апрелем-маем 1922 года. Эта записка подписана Юровским, машинописный текст имеет правку, сделанную его рукой.
3. Третья редакция (сокращённая) возникла в 1934 году. Она была создана по заданию Уральского истпарта, в ходе совещания в феврале 1934 года старых большевиков, участников охраны и расстрела

Николая II.

Слепо следуя за тем, что изложил Покровский в так называемой «Записке Юровского», прокурор-криминалист Соловьёв все ошибки и фантазии академика повторяет без всякого анализа и собственного криминалистического осмысления. В двадцатых годах Покровским была сформулирована политическая позиция советской власти, её версия «событий», произошедших в доме инженера Ипатьева для возможного официального распространения. Весь следственный труд Соловьёва подчинён тому, чтобы подтвердить достоверность этой «версии». Его совершенно не смущает то, что в системе доказательств часто нарушается элементарная логика, что вопросы, возникающие естественным образом, ставят под сомнение выводы, к которым пришло официальное следствие. Когда-то, не обременённый ещё высокий государственной должностью, доктор юридических наук А.И. Бастрыкин писал: «Как видно из представленных материалов, следователь Генеральной прокуратуры даже не выдвигал версию о том, что останки тел, обнаруженные в июле 1991 года, могут не принадлежать членам царской семьи». Правда, став крупным чиновником Бастрыкин свою позицию резко переменял, подтвердив своей подписью завершение уголовного расследования по «факту убийства Царской Семьи», то есть согласился с тем, что следствие было проведено безупречно в результате чего была доказана подлинность версии, изложенной Покровским. Этот пример наглядно показывает, как в нашей политической действительности в одночасье меняется взгляд на событие лица, которое вдруг из независимой персоны превращается в субъекта номенклатурного масштаба.

Сам Соловьёв, действительно никогда ни в каких сомнениях не пребывал, утверждая, что его криминалистические изыскания опираются на анализ не только исторических данных, но и на данные экспертных исследований. Уже летом 1994 года, то есть в самом начале возбуждённого Генеральной Прокуратурой уголовного дела «по факту убийства» Царской Семьи, в представленном на имя Председателя Правительственной Комиссии Ю.Ф.Ярова отчёта о проделанной следствием работы, Соловьёв весьма определённо заявил: «Судебно-медицинская экспертиза завершена. Экспертная комиссия считает, что полученная совокупность результатов проведённых антропологических и генетических исследований, в силу своей поглощающей идентификационной значимости исключает необходимость проведение ещё каких-либо исследований для подтверждения выводов экспертизы».

Не касаясь области, нам совершенно неведомой, то есть экспертизы медицинской, отметим только, что исследование царских останков происходило тайно, в закрытом режиме. Посвящённые в эти тайны оставляли дня публичного распространения сведения достаточно поверхностные. Члены Правительственной Комиссии (не посвящённые) никакой серьёзной документации не имели и прежде всего о том, как юридически оформлялось передвижение костных фрагментов от места их изъятия до места лабораторного исследования. Члены Комиссии располагали сведениями голословными, для сомнений оставлявших широкое пространство. Все обращения Церкви к вершинам власти с призывом, а порой и требованием о создании под непосредственным Патриаршим контролем независимой международной комиссии, Генеральной Прокуратурой в лице прокурора-криминалиста Соловьёва и его инициативой, неизменно отвергались.

Здесь кстати в качестве наглядного примера можно провести красноречивую параллель. Как известно Палестинская власть приняла решение исследовать останки недавно почившего своего лидера. В связи с этим решением была создана государственная комиссия, в присутствии которой было вскрыто захоронение, взято более двадцати проб, предназначенные для экспертизы, которые были розданы поровну между тремя иностранными экспертными группами: российской и швейцарской, которые были приглашены по поручению Палестинской стороны и французской - работающей в рамках возбуждённого уголовного дела. Результаты экспертных исследований будут представлены в Комиссию, которая рассмотрит все три варианта и на основании их выводов, примет окончательное решение. Причём надо отметить, что все процедуры; вскрытие могилы, передача образцов для исследования осуществлялись гласно, фиксировались документально, освещались средствами информации и удостоверялись уполномоченными к тому лицами. Это международное правило.

Именно это правило, с точки зрения «Зарубежной Экспертной Комиссии» было нарушено уже в первом своём звене. «С самого момента открытия останков, - говорилось в Меморандуме этой Комиссии, - не соблюдается доктрина «преемства законного обладания», то есть в отличие от палестинского примера, все действия, связанные с открытием захоронения, изъятием фрагментов для исследования, их транспортировка в научные лаборатории и прочие, никакого документального следа не оставили. Экспертиза, проведённая под эгидой Российской Правительственной Комиссии таковой пунктуальностью себя не зарекомендовала. Во всяком случае, члены этой Комиссии (непосвящённые) никогда ни при каких экспертных манипуляциях с останками не присутствовали.

Однако обратимся к проблемам сугубо исторического характера, и к документам, к которым Юровский имеет непосредственное отношение. Кроме тех трёх «мемуарных» свидетельств, которые были приведены прокурором-криминалистом, добавим ещё, им не упоминаемое, письмо Юровского на имя директора Музея революции, подлинник которого хранится в фондах этого музея. «Имея ввиду, - писал в оном Юровский, - приближающуюся десятую годовщину Октябрьского Революции, и вероятный интерес молодого поколения видеть вещественные доказательства (орудие казни б. царя Николая II, его семьи и останков верной им до гроба челяди) считаю необходимым передать музею для хранения находившиеся у меня до сих пор два револьвера». Авторство этого документа бесспорно принадлежит Юровскому. Почерк его, его же полу-грамотность, да и

сама информация не вызывает никакого сомнения.

Из тех документов, которые упоминает Соловьёв, не без интересна «вторая редакция (пространная)», так называемая «Исповедь палача». Эти «воспоминания» были написаны в 1922 году и, как утверждает Юровский в письме на имя директора Музея, тогда же переданы в ЦК Партии. Юровский писал свою «Исповедь» вслед за тем,* что сочинил Покровский и тогда, когда тот пребывал на вершине своего политического величия, полностью следуя тому, что придумал советский историк. Юровский повторяет все несоответствия действительным фактам, которыми изобилует «Записка» Покровского. Он ни в чём не поправляет Покровского, никак не реагирует на те неточности и фантазии, на те сведения, которые входят в противоречие с тем, что происходило на самом деле.

Если бы Юровский писал действительно, «воспоминания», как это утверждает Соловьёв, если бы он искренне озабочен был оставить беспристрастное свидетельство событий, участником которых определила его судьба, то непременно должен был бы обратить внимание на «вольности» Покровского, поправить историка в его ошибках и внести ясность в разномыслия, от того возникших. Ничего подобного в своей «исповеди» Юровский не сделал. Стало быть, по каким-то причинам не мог. Не положено было. И это свидетельствует только о том, что никакого отношения к «Записке», написанной Покровским и перепечатанной в его же секретариате, Юровский не имел. Оригинал этой «Записки», между прочим, был найден в архиве Покровского, а не у сына Юровского. Даже если Юровский и встречался с Покровским и в подробностях доложил обо всём, что произошло в доме Ипатьева и на Ганиной Яме, «Записка» писалась без его участия, и ничего он не диктовал, и ничего никто за ним не записывал. Это уже в середине девяностых годов придумал прокурор-криминалист Соловьёв. До него никто никогда о таковой версии не оставил свидетельств. Нет об этом никаких упоминаний и тем более подтверждений. Соловьёв первый не только придумал и озвучил эту легенду, но и превратил её в «юридический факт», который вошёл во все официальные документы. Покровскому соавторство с Юровским было совершенно не нужно. Его интересовала не история. Ему фактический материал нужен был лишь как отправная точка, как фон для создания картины, отвечающей тем требованиям, которые диктовались властью в то конкретное историческое время. Покровский занимался не наукой, а политикой. Поэтому он писал свою «Записку» не тогда, когда произошло само событие, и когда ему Юровский мог доложить о том, как оно происходило, а несколько лет спустя, то есть не по горячим следам, писал без всяких эмоций, прагматично и рационально препарируя реальные факты и подгоняя их под ему заданную схему, вовсе не беспокоясь о том, что версия им изложенная, с событиями реальными соотносится достаточно приблизительно.

К примеру, только в «Записке» Покровского говорится о том, что комендант, то есть Юровский, пошёл будить Семью, один, без всякого сопровождения и один, «лично свёл их по лестнице в нижнюю комнату». Юровский в своих позднейших сочинениях (в «исповеди» и четырнадцать лет спустя на встрече со старыми большевиками) повторял почти дословно то, что написал Покровский: «Сам один повёл вниз». Повторял вслед за Покровским «факт» историком сочинённый, хотя отлично знал, что на самом деле события происходили совсем не так. Есть свидетельства, которые уличают Покровского во лжи. Ермаков уверенно пишет в своём «мемуаре», что он не только вместе с Юровским поднялся на второй этаж, не только поднял Боткина и приказал разбудить Семью, но и ответил Романовым, когда ему был задан вопрос. «Вас повезут в центр, здесь держать больше нельзя, угрожает опасность». Претендует на своё участие и Никулин. Он пишет: «побудил я его (Боткина) и сказал ему...».

Может быть оба врут? Ермаков известен тем, что все «заслуги» приписывал себе и считал себя самым главным, а Никулин вспоминал ту трагическую ночь уже когда все его «друзья-палачи» отошли в мир иной.

Но вот то, что Покровский сочинил о Юровском, который по его уверению «отправился за ними лично, один и свёл их по лестнице в нижнюю комнату», и что Юровский в последствии повторил в своих «подробностях 22 года» и потом рассказывал старым большевикам, является выдумкой Покровского, которую Юровский почему-то должен был, никак не возражая покорно повторять, хотя никто на таковой «факт», кроме этих двух персон, не указывает. Более того. Свидетельства непосредственных участников расправы в Ипатьевском доме дают информацию совершенно противоположенную. Медведев-Кудрин пишет, что на второй этаж они поднялись всей расстрельной командой. «Выходим, - пишет он, - на лестничную площадку второго этажа. Юровский уходит в царские покои, затем возвращается - следом за ним гуськом идут: Николай II (он несёт на руках Алексея, у мальчика несвёртывание крови, он ушиб где-то ногу и не может пока ходить сам), за царём идёт, шурша юбками, затянутая в корсет царица, следом четыре дочери, за девушками идут мужчины... Вслед за процессией следуют по лестнице Павел Медведев, Гриша Никулин, семеро латышей, завершаем шествие мы с Ермаковым».

Медведев Павел, в свою очередь, арестованный после бегства большевиков из Екатеринбурга, на следствии подробно рассказал, как всё происходило. В протоколе допроса с его слов записано: «Часу во втором ночи вышли из своих комнат Царь, Царица, четыре царских дочери, служанка, доктор, повар и лакей. Наследника Царь нёс на руках... Впереди шёл Государь с Наследником, за ним - Царица, дочери и остальные. Сопровождали их Юровский, его помощник (Никулин*) и указанные мною два члена Чрезвычайной комиссии (Медведев-Кудрин и Ермаков*). Я тоже находился тут».

Никулин называет Юровского, себя, двух Медведевых и Ермакова. То есть все непосредственные участники убийства называют одних и тех же персонажей, которые сопровождали, ничего не подозревавших

узников Ипатьевского дома, а именно: Медведева-Кудрина, Медведева Павла, Никулина, Ермакова и, естественно, Юровского.

Если следовать за лорпсой прокурора-криминалиста Соловьёва, который самоуверенно и без всяких сомнений уличает Ермакова в приписывании себе деяний сверх тех «заслуг», коими он отличился на самом деле (к примеру - штыком прикончил «фрельну») можно было бы предположить, что и Медведев-Кудрин с Никулиным уже задним числом кривили душой и тщеславной корысти ради, выдвигали собственные персоны в обиход лиц, игравших первостепенную роль во всей этой кровавой Одиссее, что в какой-то степени вполне вероятно. Но вот Медведев Павла никак к этой компании присовокупить нельзя. Он не только не страдал манией величия, но как раз наоборот, понимая трагичность своего положения, всячески стремился принизить собственную свою роль в убийстве Царской Семьи. Арестованный белыми и давая показания на допросе, Медведев старался убедить следователя в том, что он лично в расстреле не участвовал, даже не присутствовал при этом страшном действе, будучи в то время вообще на улице, куда

его послал Юровский и появился в подвале уже, когда всё было закончено. И ему, если бы Юровский на самом деле один поднялся на верхний этаж, и разбудив Семью, сам же один свёл её в подвальное помещение, не было никакого смысла «хвастаться» своим присутствием и своим совместным с Юровским участием. Он бы так и заявил господину следователю, что Юровский пошёл будить Царскую Семью, а они ждали внизу, или они все пошли будить, а он никуда не поднимался и никого не сопровождал.

Все свидетели нам известные, четверо из которых принимали непосредственное участие в убийстве Царской Семьи, категорично опровергают утверждение Покровского. Понятно, что Юровский не хуже своих «коллег» знал о том, как они разбудили Царскую Семью, как свели её в подвал и кто сопровождал. Если бы он писал, как утверждает Соловьёв, «воспоминания», то безусловно нарисовал картину соответствующую действительности. Никакого смысла и тем более надобности скрывать то, что на самом деле произошло не было. Один ли он сошёл с Семьёй вниз или вместе со своей командой никакого политического значения не имело. Почему Покровский сочинил такую сцену, зачем выделил Юровского и подчеркнул самостоятельность его действия, объяснить никак нельзя, ибо нет в этой лжи никакой практической необходимости. Скорее всего такие мелкие подробности Покровского вообще не интересовали. Он же писал не отчёт о «проделанной работе» и не статью для «Исторического Вестника». Вполне вероятно, что он даже не знал или не помнил имена тех, кого с собой привёл Юровский в Ипатьевский дом. Они ему вообще нужны не были. В своей «Записке» Покровский никого из них не упоминает ни разу, кроме Ермакова, но того, естественно, не в связи с этим эпизодом. Ермаков Покровскому понадобился для совершенно другой цели. А то, что Юровский в своих позднейших «воспоминаниях» пересказывает эпизод придуманный Покровским, говорит не столько о его тщеславии, хотя полностью сие исключить нельзя, а о том, что существовала некая направляющая сила, директиве которой он, Юровский, да и все причастные к екатеринбургским событиям обязаны были подчиняться.

«Исповедь палача», которую Юровский передал в 1922 году в ЦК Партии, он сочинял, когда все его «компаньоны» по кровавой ночи в доме инженера Ипатьева, пребывали в полном здравии и оставались на крупных партийно-чекистских должностях. До сталинских чисток ещё было далеко. Значит писал, отдавая себе в этом полный отчёт. Знал, что писал, знал почему и зачем. Писал вслед за Покровским, повторяя без всяких собственных комментариев то, что написал историк, зная в то же время, что на самом деле не всё соответствовало реальным событиям. Таковых моментов достаточно много, что только подтверждает сугубо политическую и кураторскую, а вовсе не историческую роль большевистского академика. Есть, конечно, моменты, когда все участники какой-то эпизод вспоминают близко к той ситуации, которая представлена в «Записке». Например, Покровский пишет: «Ком. (комендант*) сказал Р-вым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уральский Исполком постановил их расстрелять». В «Исповеди» Юровский, сочинённое Покровским, перевёл на более официальный лад, наверное учитывая политическую ситуацию того времени, а может быть по указанию сверху, подчёркнув тем самым то, что Центральная власть к расправе в доме Ипатьева отношения не имеет: «Я объявил. Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Урала постановил их расстрелять». Старым большевикам в 1934 году Юровский повторил то, что было написано в «Записке» Покровского, хотя уже в те годы никакой надобности не было «оправдываться» перед буржуазным миром. В стенограмме было сказано: «Насколько помню сказал Николаю примерно следующее, что его царственные родственники в стране, так и за границей, пытались его освободить, а что Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять».

То, что сочинил Покровский не нашло полного подтверждения у тех свидетелей, которые так или иначе были причастны к тому, что и как происходило в подвале Ипатьевского дома, но в то же время, в данном случае, принципиальных расхождений между ними нет. Все свидетели больше подчёркивают, что Юровский придавал этому моменту более официальный и торжественный характер. К тому же, как следует из воспоминаний соучастников и само действие было протяжённое по времени, что безусловно психологически усиливало моральное переживание обречённых. Только Медведев-Кудрин в своих поздних воспоминаниях, не вдаваясь в подробности, вложил в уста Юровского фразу похожую на ту, что было написано в «главной записке». А, например, Кабанов, член Уральской ЧК, которого некоторые называют непосредственным участником расстрела, утверждал, что в разработке «плана ликвидации Романовых» принимал личное участие. Значит, знал всё? ^4ожет быть, и лукавил, желая тем самым как бы придать собственной персоне более весомую

историческую значительность. Но вот об интересующем нас моменте он пишет: «Гов. Юровский вошёл в эту комнату, встал в угол и зачитал Николаю II и его семье Постановление Уральского Областного Совета о их расстреле. Причём, в этом Постановлении, инкриминировалось обвинение династии Романовых, за всё время со стороны этой династии».

И Кабанов не единственный, кто упомянул о прочитанном приговоре. Ермаков так же утверждал, что «комендант предложил всем встать... тогда стал читать приговор, где говорилось по постановлению Исполнительного Комитета — расстрелять». Пулемётчик Сухоруков тоже вспоминая написал: «Перед царём, лицом к лицу стоял Юровский - держа правую руку в кармане брюк, а в левой держал небольшой листок бумаги, потом он читал Приговор... Юровский читал вторично». Проскуряков, охранник, арестованный после бегства большевиков из Екатеринбурга, на допросе у следователя Н.А. Соколова показал: «Сам Юровский стал читать им какую-то бумагу... Хорошо помню, что передавая мне про бумагу, которую Юровский вычитывал Государю, он (Павел Медведев*) называл её, эту бумагу, «Протоколом». Уже много позднее, в 1972 году, о «Протоколе» вспоминал Касвинов. «Когда все вошли в эту комнату, - писал он, - стоявший у входа комендант, он же товарищ Областного Комиссара Юстиции Я.М. Юровский, выступает вперёд, вынимает из нагрудного кармана гимнастёрки вчетверо сложенный лист бумаги, развернув его объявляет: «Внимание! Оглашается решение Уральского Совета... И сразу же после того, как были оглашены последние слова Приговора...». Значит был текст, который никогда не был обнародован. Или никакого текста вообще не было и вся эта история с чтением «приговора» чисто политический вымысел.

В принципе воспоминания свидетелей соответствуют тому, что предписал в «Записке» Покровский. Но тут нужно отметить, что таковая «согласованность» вполне объяснима. Упоминанием Уральского Совета и факта существования Протокола подчёркивалась «самостийность» екатеринбургских большевиков и как бы подтверждалась абсолютная непричастность Москвы к решению о расстреле Императора Николая II и Его Семьи. Кроме того вполне вероятно, что большинство лиц, имеющих непосредственное отношение ко всей этой зловещей истории, в тайные анналы посвящены вовсе не были и совершенно искренне считали, что решение о расстреле Царя и Его окружения приняли они сами, в своём кругу. А потому некоторые высказывали опасение, что сия самостийность вызовет недовольство «Центра». Белобородов даже облегчённо вздохнул, когда из Москвы пришло одобрение. Может быть тоже искренне. Может быть единственным посвящённым во все тайны «мадридского двора» был Шая Голощёкин, который всё давно согласовал в Кремле, а в Екатеринбурге, когда это потребовалось, великолепно организовал спектакль с заседанием Уралисполкома. В «СПРАВКЕ» Соловьёв, например, написал: «В начале июля 1918 года в Москве для обсуждения вопроса о расстреле бывшего царя побывал военный комиссар Уральской области Ф.И. Голощёкин, хорошо знавший Я.М. Свердлова ещё по подпольной работе. Не исключено, что Голощёкиным были обговорены условия суда над бывшим царём и вынесения тому смертного приговора». Да и самим хозяевам из Кремля не желательна была широкая огласка их причастности к злодейской расправе над Царской Семьёй.

Не вдаваясь в подробности, насколько кто из действующих лиц поступал искренне или лживо, факт остаётся фактом, и это утверждают все: непосредственные участники убийства, Покровский, Марк Касвинов, Рябов и Радзинский, следствие Соловьёва, Государственная Комиссия, академики и архивариусы - решение о расстреле Царской Семьи было принято в Екатеринбурге.

ПО СЛЕДАМ АКАДЕМИКА ПОКРОВСКОГО

В то же время таковое «единомыслие» явление отнюдь не характерное. Покровский постоянно входит в противоречие с теми сведениями, которые позднее оставили сами свидетели тех событий, и о которых повествует сов-историк. Он пишет: «Николай II был убит самим ком-ом наповал». Юровский также сие в своей палаческой исповеди 1922 года без всяких колебаний подтверждает. «Первый выстрелил я и наповал убил Николая». В 1927 году в письме на имя директора Музея революции он написал: «Из кольта мною был наповал убит Николай». А ещё семь лет спустя старым большевикам, Юровский поведал: «Я в него выстрелил и убил наповал». Не просто убил, а именно «наповал», как в «Записке» Покровского и повторял это каждый раз. Но опять же в его близком окружении, те, кто непосредственно принимал участие и лица, так или иначе имевшие отношение к расстрелу, никто о приоритете Юровского не говорит. Или почти никто. Сухоруков написал: «Юровский... выстрелил в упор в Царя». Но он свидетель второстепенный, ибо сам непосредственного участия в расстреле не принимал и в подвальной комнате не присутствовал. Скорее всего пересказывал с чьих-то слов. А вот Медведев-Кудрин, из круга действительных убийц, в своих воспоминаниях очень красочно описал, как он не дожидаясь окончания «речи» Юровского, «спустил курок и всадил первую пулю в царя». И этому самохвальству есть подтверждения, которые просто проигнорировать без должного осмысления нельзя. Кабанов, который, как некоторые утверждают, тоже к расстрельной команде принадлежал, касаясь этого эпизода, сообщил: «Михаил Медведев с первого выстрела застрелил насмерть Николая II», а уже в 60-е годы в письме к сыну Медведева-Кудрина написал: «От пули вашего отца умер царь». Также подтвердил и Никулин в

Радиокомитете в 1964 году. Когда его спросили, кто сделал первый выстрел, он ответил: «М.А. Медведев. Он выстрелил и убил Царя». А Никулин, между прочим, близкий к Юровскому человек. Его помощник в доме Ипатьева. Юровский любил Никулина и ласково называл «сыном» и всячески его опекал. Их дружеские отношения сохранялись и в последующие годы, когда оба обосновались в Москве. Вплоть до последних дней коменданта «Дома Особого Назначения». Как пишет Розанова, Юровский умирая сказал своим детям: «Никулин будет ваш отец». **Не мог Никулин назггть** Медведева убийцей Царя, если бы он знал, что это «заслуга» принадлежит Юровскому что **именно** >бил «наповал» последнего Императора России. Но если Никулин в Радиокомитете > лостоверкд г<акт. который не соответствовал действительности, что ему как участнику и другу было хорошо кзвестнс. следовательно тому была причина. Если же Никулин был честен и не лукавя рассказал, как всё было. г; у-: значит, что сей эпизод - есть изобретение советского академика, которому Юровский должен был безог:&?р5чно следовать.

Так и вез истое я* ; Е? маковым в изложении Покровского, подтверждается опять же только Юровским, ну и. конечно, гкстсоветским следствием. По Покровскому Ермаков приехал в дом Ипатьева на **полтора часа позднее** осфсаеленного ему времени, из-за чего чуть ли не сорвалась назначенная на эту ночь «ликвидациям Царствен*шх узников. Юровский в «Исповеди» вслед за историком проявляет нервозность. «Мы ждали. - гаснет он. - i:za придет «трубочист» (Ермаков*). Однако ни в 12, ни в 1 час ночи «трубочист не га-ятся a spot» zlio. Я думал, что сегодня не придут». Старым большевикам он о своей тревоге и огасенпх жякхкал красочно. «Только в в половине второго явился грузовик, - как бы вспоминал он взволнованно. - зремя лишнего ожидания не могло уже не содействовать некоторой тревожности, охзезжк всос-е. а главное, ночи-то короткие». Так же и прокурор-криминалист Соловьёв без всяких «следственных действий » безапелляционно заявляет, что грузовик появился только в половине второго ночи.

Естественно, та-го из «коллег» Юровского, как и он ожидавших приезда Ермакова, ни о каком опоздании не упоминают Сам Ермаков категорично заявил: «прибыл в 10 часов ровно в дом особого назначеяи, <дляр> цршв моя машина малого типа грузовая». Ермаков явился не один. С ним приехал Медведев-Кудрин Об этом саидггельствует не только он сам. Павел Медведев, например, на следствии сказал, что в дом Ипатьева из Чрезвычайной комиссии прибыли двое, ещё до того, как Юровский пошёл будить Семейю Ермакова он называет, а имя второго узнаётся из собственных воспоминаний Медведева-Кудрина.

Но как становится понятным. Покровскому такая «ненадёжность» и безответственность Ермакова понадобились для того, чтобы Юровский, как бы обеспокоенный таким обстоятельством, отправился лично сопровождать похорогаую процессию. Покровский пишет: «Ком-ту было поручено только привести в исполнение приговор, удаление тртюгов и перевозка лежала на обязанности т. Ермакова. Он должен был приехать с автомобилем Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнение в аккуратности Ермакова, и ком. решил щюеершь сам всю операцию до конца». В «Исповеди» Юровский несколько перефразировав, но никак, конечно, не изменяя и полностью сохраняя суть и смысл, повторяет то, что предписал Покровский «Хотя я имел распоряжение поручить остальную работу Ермакову, я всё же беспокоясь за то, что он эту работу не выполнит надлежащим образом, решил поехать сам».

Опять же. естественно. ?та информация идёт от тех же самых персон: от Покровского, Юровского и примыкающего к ним постсоветского следователя, который почти буквально следует за «Запиской»: «Юровского обеспокоило поведение солдат, и он решил сопровождать трупы до места их сокрытия».

Медведев-Кудрин очень подробно описал всю картину, последовавшей за кровавой расправой в подвале Ипатьевского дома Описал как выносили трупы, как их сложили в кузов грузовика, как он трупы пересчитал, накрыв их сукном. В кабину грузовика, по его рассказу, залез Ермаков, в кузов к трупам - «несколько человек из охраны с винтовками». Медведев-Кудрин вспоминает, как они через Вознесенский переулоч выехали из города и в «нескольких верстах от деревни Коптяки машина остановилась на небольшой поляне».

Здесь, между прочим, следует несколько задержаться и перечитать, как этот эпизод представлен в документе, который явился основой всего постсоветского следствия. «Около трёх часов, - написано в оном, - выехали на место, к-е должен был приготовить Ермаков (за Верх-Исетским заводом). Сначала предполагалось везти на автомобиле, а после известного места на лошадях, т.к. автомобиль дальше пройти не мог... Проехав Верх-Исетский завод, верстах в 5 (то есть задолго до железнодорожного пересечения горно-заводской линии и коптяковской дороги, где находился домик путевого сторожа*), наткнулись на табор - человек 25 верховых, в пролётках...». Это цитата из так называемой «Записки Юровского». По рассказу Медведева-Кудрина, который с Ермаковым вывез трупы из дома Ипатьева, доехали без всяких приключений «Машина остановилась на небольшой поляне». Ни о каком известном месте он не упоминает, никакого «табора» в пяти километрах от Верх-Исетского завода они не встретили, никто трупы не перегружал из грузовика на лошадиную тягу. Почему-то, казалось бы столь запоминающаяся картина, нарисованная Покровским («табор» не только встретил, но и проявил агрессивное неудовольствие по поводу того, что привезли не живых. Они, видите ли по фантазии историка, призваны были Ермаковым за Верх-Исетский завод для того, чтобы в особое удовольствие, поглумившись, расправиться с Царской Семейей), Медведев-Кудрин не заметил. Из его рассказа следует, что они с Ермаковым спокойно выбрались из города и без всяких приключений достигли «большой поляны». Медведев-Кудрин пишет: «Развели костёр (то есть сразу, как приехали*). Ермаков выслал красноармейцев на дорогу, чтобы никого не пропускали».

Касвинов воспроизводит подобную ситуацию: «Едва забрезжил рассвет шофёр Сергей Иванович Люханов вырулил в переулочек и сопровождаемый уполномоченными и конным отрядом, повёл машину через спящий город к Верх-Исетскому заводу. Впереди разведчиком просматривая дорогу до горизонта, поскакал верхом на коне Виктор Ваганов. Дойдя до урочища, грузовик углубился в лес...». Ваганова называют свидетели в протоколах допросов у следователя Соколова Крестьянка Зыкова из деревни Коптяки показала: «Не помню вот, проехали мы первую от Коптяков свёртку к руднику, или к Ганиной яме, или не проехали, как нам навстречу двое верховых. Один был в матросской одежде, я его хорошо узнала. Это был верх-исетский матрос Ваганов»... У Юровского Ваганов не фигурирует. Скорее всего совершенно сознательно. Не успевший к приходу белых скрыться, и убитый своими же мужиками, он для советской власти как «герой» уже не был нужен.

Далее, продолжая своё повествование, Медведев-Кудрин пишет: «Стали бросать в костёр окровавленную одежду. На дороге затарахтела машина. Подъехал Юровский с Голощёкиным».

То, что Юровский тела убиенных не отправился сопровождать сразу же после расстрельной ночи, известно и из показаний Павла Медведева Он дважды был допрошен. 12 февраля 1919 года членом Екатеринбургского уголовного розыска С. Алексеевым и 21 февраля И.А. Сергеевым, членом Окружного суда. К тому времени, когда Н.А. Соколов сменил Сергеева, Медведев уже умер в тюрьме, заразившись тифом. Соколову не удалось самому его допросить, о чём он очень сожалел, но он пользовался в своём расследовании следственными материалами своих предшественников. Алексееву Медведев рассказал, что после того, как трупы были увезены из дома Ипатьева, Юровский приказал ему собрать команду и навести в подвальном помещении и во дворе порядок: прежде всего тщательно вымыть пол в комнате, где совершена была кровавая расправа, а также «замыть кровь в ограде, на парадном крыльце двора и где стоял автомобиль...». Когда всё было сделано, Юровский, который, видимо, наблюдал за тем, как шла работа, «ушёл из двора в канцелярию». А через девять дней Сергеев, сменивший судебного следователя А.П. Намёткина и назначенный вести «Царское Дело» в протоколе допроса со слов Медведева записал: «На грузовик сели Пётр Ермаков и другой член Чрезвычайной комиссии и увезли трупы. Кровь в комнате и во дворе замыли и всё привели в порядок. В три часа ночи всё было окончено, и Юровский ушёл в свою канцелярию».

Надо всё время помнить, что Павел Медведев не мемуары «для потомства» сочинял, а отвечал на вопросы следователя, а потому и не горел жаждой тщеславия и, естественно, не приписывал себе действий, которых он не совершал, в чём уличают Ермакова, и не изощрялся он в описании самого события, давая волю фантазии, наоборот, он рассказывал всё, как помнил, как можно достовернее описывая общую картину происходившего, утаивая, конечно, какие-то детали, которые ему выгодны не были, и себя всячески выводя из круга участников экзекуции. Говорил, во-первых, о том, что относилось не к нему лично, а к его соучастникам (Платонов написал: «Павел Спиридонович честно «раскололся» и заложил всех своих соратников), и во-вторых, то, что скрыть не мог. Хитрил Медведев правда, напрасно. То, что он никуда не выходил и в момент расстрела находился в комнате, уличила его собственная жена, которой он, наверное, поведал не без гордости о своём «геройстве», а так же некий Проскуряков, которого Соловьёв называет «участником расстрела». Арестованный белыми, на допросе у следователя Соколова о Медведеве Проскуряков показал: «Пашка сам мне рассказывал, что он выпустил пули две - три в Государя».

К сожалению, постсоветское следствие на все свидетельства, противоречащие «генеральной линии», внимания никакого не обратило. Как когда-то писал господин Бастрыкин, нынешний глава Следственного Комитета и теперешний начальник Соловьёва в бытность свою ещё только профессором и доктором юридических наук, что «собранные следователем В.Н. Соловьёвым доказательства отличаются односторонностью поскольку в процессе расследования следователем воспринимались и фиксировались только те доказательства, которые укладывались в единственную версию, которая и составила основу расследования». А от себя добавим, что версия эта была сочинена ещё на заре советской власти, именно сочинена, ибо как уже говорилось, Покровский писал не исторический трактат и уж тем более не мемуары. Соловьёв вслед за Юровским слепо повторяет всё то, что сочинил Покровский. По эпизоду, приведённому выше, прокурор-криминалист без доли даже малейшего сомнения и, естественно, как всегда без всяких к тому собственных следственно-криминалистических подтверждений, в официальном документе, составленном как отчёт по завершённом расследованию уголовного дела, написал: «Юровского обеспокоило поведение солдат, и он решил сопровождать трупы до места их сокрытия». Откуда Соловьёв почерпнул таковые сведения, из каких свидетельств и каких документов, знает только сам автор. Правда, прокурор-криминалист допускает некоторую «вольность», которой как бы демонстрирует свою криминалистическую обстоятельность и поводом для решения Юровского самому отправиться на Ганину Яму, в отличие от основополагающего документа, избрал не Ермакова, которого на такую роль определил Покровский, а неких солдат, которые будто бы как-то не так себя повели. Но главного, что предписал «историю» не упустил: Юровский покинул Дом Особого Назначения вместе с грузовиком, на котором в лесную глухомань увезли безжизненные царственный тела и их преданных слуг.

Но если верить Соловьёву и согласиться с тем, что Юровский покинул дом Ипатьева вместе с грузовиком, то это значит, что Медведев-Кудрин в своих воспоминаниях всю историю с отъездом и вывозом трупов выдумал, то есть проще говоря просто бесстыдно налгал, налгал про всё, и как уезжали с Ермаковым, и как приехал Юровский с Голощёкиным на легковом автомобиле когда уже были разведены костры, в которых жгли одежду. Солгал и Медведев Павел, показав на следствии иную картину событий той ночи. Прокурора-

криминалиста никакие противоречия никак не смущают. Он неустанно, как заведённый робот повторяет: «Среди приведённых документов в вопросах, касающихся организации захоронения останков Николая II **нет противоречий и разночтений**». И уж тем более не считает он обязательным, как бы должен был поступить уважающий себя профессионал, доказывать аргументировано правоту своей версии. А надо было бы объяснить почему соврал Медведев-Кудрин и какова ему от этого выгода Раз Соловьёв «установил», что события развивались не по «медведевски», а по «юровски», то и должен был бы, во-первых, факт этот отметить, а во-вторых, доказать юридически грамотно, что версия изложенная Медведевым-Кудриным не соответствует действительности. Как писал когда-то профессор Бастрыкин, «статья 20 УПК РФ обязывает следователя к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела». И это серьёзный аргумент, ибо не мог же одновременно Юровский отправиться сопровождать трупы на «намеченную» шахту, и в то же время остаться в доме Ипатьева для проверки того, как будет проведена уборка следов преступления. Одно из двух: или поехал, или не поехал, а задержавшись в доме Ипатьева, позднее прибыл на Ганину Яму, где уже во всю орудовал Ермаков.

И это вопрос к прокурору-криминалисту, которому Генеральной Прокуратурой Российской Федерации поручены были провести расследование уголовного дела. Конечно, это не единственный вопрос, который хотелось бы задать Владимиру Николаевичу Соловьёву.

Вот, к примеру, ещё один сюжет, мимо которого добросовестный и высокопрофессиональный криминалист пройти бы не смог.

Когда стало ясно, как следует из «Записки», что хоронить в урочище нельзя - спугнул Юровского некий легендарный персонаж из окружения Ермакова - пришлось всё бросить и заняться поисками нового места. Покровский пишет: «Смогли отправиться в путь только в 9 ч. вечера. Пересекли линию ж.д. в полуверсте, перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом (это уже после пересечения ж.д.*), застревали несколько раз. Около 4 с половиной утра машина застряла окончательно».

От рудника до переезда № 184 около семи вёрст или примерно восемь километров. Судя по тому, что пишет Покровский, до переезда на лошадях добрались вполне благополучно, без всяких сложностей пересекли железную дорогу около домика путевого сторожа, и уже за переездом трупы перегрузили на грузовик. Следовательно, до переезда ехали на лошадях по хорошей дороге. Расстояние от Ганиной Ямы до переезда не велико. Лошади, хотя и не мчались галопом, но путь этот за час, полтора от силы, одолели бы несомненно. То есть, в десять часов вечера или в половине одиннадцатого (по «Записке») «караван» находился по другую сторону железнодорожного переезда. В половине пятого «машина застряла окончательно». Значит, с момента отъезда от рудника прошло семь с половиной часов. Раз «караван» до железнодорожного переезда добрался без задержек к десяти часам вечера, то шесть часов ушло на преодоление участка от переезда до того места, где «застряли окончательно». А это всего-навсего двести метров от железнодорожного переезда до могильника, который обнаружил Гелий Рябов.

Юровский в своей «Исповеди», повествуя об этом эпизоде, эту сложно-запутанную коллизию Покровского, постарался немного подправить с тем, чтобы место «окончательного застревания» приблизилось к железнодорожному переезду. Он написал: «Позднее я отправился на грузовике и на легковой машине (это из Екатеринбурга на Ганину Яму вечером 18 июля*) по одной дороге, а по другой (по окружной?*) отправил товарищей... Проехав линию железной дороги (т.е. переезд № 184*), верстах в двух я встретил движущийся караван с трупами. Часов в 9 - 9 ½ вечера мы пересекли линию железной дороги (у Покровского в это время только покинули Ганину Яму*), где и решили перегрузиться на грузовики (несколько грузовиков было?*). Потому мы взяли с собой шпал, чтобы выложить это место (следовательно, шпалы взяли ещё до того, как «застряли»*). Выложили. Проехали благополучно. В шагах десяти от этого места мы снова застряли (значит уже один раз застревали где-то после того, как пересекли переезд*). Провозились не менее Часа. Вытащили грузовик. Двинулись дальше. Снова застряли, (это уже в третий раз и тоже, видимо, тут же ряд^м, но теперь «окончательно»*). Провозились до 4 утра».

Старым большевикам в 1934 году весь этот эпизод с отъездом от Урочища и застреванием в болоте Юровский преподнёс так: «Дождавшись вечера мы погрузились на телегу. Грузовик же ждал в таком месте, где он как будто был гарантирован от опасности застрять... Переехав полотно железной дороги, мы перегрузили снова трупы в грузовик (следовательно трупы уже однажды перегрузили на грузовик выехав на коптяковскую дорогу*) и снова засели вскоре. И далее добавляет: «Я забыл сказать, что в этот вечер, точнее в ночь, мы два раза застряли. Сгрузив всё вылезли, а второй раз уже безнадежно застряли». По Покровскому застревали несколько раз. В «Исповеди» Юровский называет цифру три, а старым большевикам особо подчёркивая, уточняет, что застревали два раза.

Обратим внимание, что в одном своём повествовании Юровский едет вечером из Екатеринбурга и встречает «караван» телег с трупами, который уже покинул Ганину Яму, то есть как бы в это день он вовсе в Урочище не появлялся и вывозом трупов занимался кто-то другой, а в другом - он сам сопровождает «караван» и вместе с оным следует к месту, которое он же и определит в качестве могильника. И главное, что «провозились» не до четырёх утра, а до двенадцати ночи и тогда же приступили к захоронению.

Интересно сопоставить «воспоминания» главного участника расправы в подвале Ипатьевского дома и сочинение его идеологического куратора с тем, к чему пришло официальное постсоветское следствие в лице прокурора-криминалиста Соловьёва. В документе, завершающим расследование Уголовного дела, сказано: «В

ночь выехали из этого района (время не указывает, по Покровскому это произошло в 9 часов вечера*) и держали направление на Сибирский тракт. Трупы везли сначала в телегах, а затем их переложили в грузовик. Грузовик по дороге два раза застрял настолько, что для того, чтобы его вытащить, пришлось сгружать трупы. Неподалеку от переезда 184 км. около 4 час. 30 мин. в Поросёнковом Логу грузовик застрял окончательно, и его не могли вытащить в течение двух часов. Я.М. Юровский принял решение о захоронении трупов посредине дороги на Коптяки, в районе переезда № 184». Это значит около семи часов утра.

С одной стороны Соловьёв без всяких следственных комментариев ловко переплетая Покровского с Юровским рисует картину ими сформулированную. Трупы сначала везли на телегах (до какого места - это Соловьёв не уточняет*) потом их перегрузили на грузовик. По дороге застревали два раза. В 4 часа 30 минут «застряли окончательно». Всё, как написал Покровский. Всё, да не всё. Если внимательно прочитать сочинённое прокурором-криминалистом, то можно заметить, что Соловьёв, как бы между прочим, вносит весьма существенную коррективу в повествование советского историка.

Действительно, в «Записке», которая является для Соловьёва «путеводной звездой», трудно понять, где же всё-таки «застряли окончательно», ибо до переезда доехали без проблем и благополучно его пересекли, и только потом начались неприятности с дорогой, по которой, застревая, но всё же «ехали с трудом». Если всё, что происходило на территории, которая отстоит от железнодорожного переезда всего лишь на двести метров, или, как подсчитал следователь Соколов - в 414-ти шагах от оно, то это значит, что грузовик застревал чуть ли не каждом шагу, ибо, если бы ехали хоть и «с трудом, вымачивая опасные места шпалами», то застряли бы не сразу пересечя переезд, так как там только что перегрузили трупы на грузовик. Да и перегружали трупы, наверное, не на самом переезде, не на глазах путевого сторожа, показавшего на следствии Соколова, что грузовик застревал всего только один раз, и той публики, которая благодаря чекистского оцепления осталась ночевать возле того самого переезда. Тем более, что сам Юровский знал о присутствии посторонних обитателях на переезде и о том, что «сторож мог увидеть» говорил даже своим соратникам в 1934 году.

Прокурор-криминалист, надо полагать, понимая всю нелепость картины, которую нарисовал Покровский (Покровский не летописец и не историю писал), внёс некоторые, на первый взгляд мало приметные исправления: трупы на грузовик перегрузили первый раз сразу же, как покинули Ганину Яму и выехали на Коптяковскую дорогу и ещё не доезжая до переезда грузовик дважды застревал настолько, что пришлось трупы сгружать, пока вытаскивали машину из болота (почему-то у Соловьёва грузовик застревал не «несколько раз», как в «Записке», а точно два раза — по информации из встречи со старыми большевиками), а в половине пятого (если поверить следователю-криминалисту, караван от Ганиной Ямы до железнодорожного переезда ехал семь с половиной часов), только что переехав железную дорогу «застряли окончательно» (между прочим у Соловьёва сие дано без кавычек, как бы как факт, следствием установленный) и уже не непонятно где, а точно в «Поросёнковом Логу», то есть там, где надо. Соловьёв ловко вписал в канву своего расследования то, что написано было в «Записке» и то, что Юровский рассказал в 1934 году старым большевикам, соорудив из этих двух повествований как бы собственную окончательную версию, никак, естественно, не объясняя сохранившиеся противоречия. Он принял за основу «воспоминания» Юровского, оставив от того, что сочинил Покровский, практически только время, когда машина «застряла окончательно»

Здесь, кстати, нужно отметить ещё и тот факт, что прокурор-криминалист в своих «следственных действиях» никак не использовал «Исповедь палача», не ссылаясь на неё и нигде её не цитировал. А «Исповедь», безусловно, порождает ряд новых вопросов, ибо не во всём согласуется и с «Запиской» и со стенограммой 1934 года. И есть одна «нестыковка» весьма весомая, ставящая под сомнение выводы следствия, принятые Правительственной Комиссией в качестве безупречной достоверности, которую прокурор-криминалист обошёл вниманием, надо полагать, вполне сознательно. Юровский очень подробно описывает, как они приехали на Ганину Яму, развели костёр, как он начал раздевать трупы, разрезая одежду, которую тут же сжигали и как он вдруг, неожиданно обнаружил в женском белье защитные драгоценности. Их оказалось очень много, чуть ли не десять килограмм. На Императрице, как пишет Юровский, «были длинные нити жемчуга и огромное витое золотое кольцо, более полфунта веса». Не обошёл Юровский вниманием и то, что на том месте, где сжигали они Царскую одежду позднее, скорее всего уже на следующий день, в пепле кострища стали попадаться драгоценные камни. Старым большевикам он так и сказал: «Несколько бриллиантов мне на следующий день передали товарищи, нашедшие их там». А вот раньше в своей палаческой «Исповеди» Юровский этот эпизод представил совершенно неожиданным образом. Оказывается, как он написал, один из тех красноармейцев, что принимали участие в сокрытии следов преступления, принёс ему большой бриллиант и сказал: «Вот возьмите, я нашёл его там, где сжигали трупы».

По версии Покровского, да и далее в той же «Исповеди» точно указано, что сожжено было два трупа и что сожжены они были не на Ганиной Яме, а в Поросёнковом Логу. Но там никаких драгоценностей никто не находил, да и не мог найти. Одежду снимали у той самой «мелкой» шахты, где колчаковский следователь обнаружил следы двух кострищ.

Конечно, Юровский мог что-то запомнить, мог что-то перепутать, мог даже и прихвастнуть, самодовольства ради, мог сознательно исказить, следуя за тенденцией, которая диктовалась политической конъюнктурой, всё это могло быть вполне реально, но в то же время понятно, что возникшие противоречия требуют логического объяснения. Так ли события развивались или не так, а совсем по другому, или несколько

иначе. Встретил «караван» по пути на Ганину Яму, или сам вместе с «караваном» в девять часов вечера покинул урочище; машина «застряла окончательно в 4 утра», или «приближаясь к полуночи» приняли решение хоронить? Два трупа сожгли на Коптяковской дороге возле железнодорожного переезда № 184, или сжигали там, где нашли бриллианты?

Отделить правду от вымысла - это, между прочим, задача лица, которое ведёт расследование уголовного дела. Именно оному лицу вменяется в обязанность проанализировать все обстоятельства дела и юридическим языком объяснить достоверность того вывода, который следствием принимается как факт установленный, а также юридически грамотно доказать несостоятельность прочих версий. Это с одной стороны, а с другой - опять же убедительно и аргументировано - определить природу или причину разноречивых свидетельств в показаниях одного и того же фигуранта уголовного дела.

Если бы следователь Соловьёв придерживался такого принципа, то тогда не возникали бы никакие недоуменные вопросы и уж тем более подозрения в том, что старший прокурор-криминалист Генеральной Прокуратуры манипулирует следствием и весь свой «юридический анализ» полностью подчиняет версии, сочинённой ещё на заре советской власти как бы от имени главного действующего лица. Очень точно в одном из своих очерков написал журналист Мурзин: «Преступление не может быть раскрыто, если по его следам водит сам преступник». Ту же мысль высказал историк Мультиатули. «Показания соучастников преступления, - написал он, - не могут считаться доказательствами, если они не подкреплены показаниями других свидетелей или наличием вещественных доказательств». Да и сам Соловьёв на одном из первых заседаний Правительственной Комиссии очень обнадеживающе определил задачу следствия.

- Учитывая необычность ситуации, - сказал он тогда, - следует провести весь комплекс возможных исследований, чтобы устранить даже самую малую «зацепку для оппонентов».

К сожалению, в дальнейших своих «поисках истины» Соловьёв с пути скрупулёзного исследования им декларированного свернул на дорожку, протоптанную ещё историком Покровским, коего Буранов, его коллега по цеху, в своё время обозвал «Первым и главным фальсификатором».

Работу Соловьёва в период проводимого им следствия с профессиональной точки зрения, тогда ещё беспристрастно, оценил юридический доктор и профессор А.И. Бастрыкин. Он заявил, что «собранные следователем В.Н. Соловьёвым доказательства отличаются односторонностью, поскольку в процессе расследования следователем воспринимались и фиксировались только те доказательства, которые укладывались в единственную версию, которая и составляла основу расследования», то есть слепо повторял всё, что было когда-то изложено от имени главного палача. Ну как тут ещё раз не вспомнить цитату из очерка журналиста Мурзина.

Можно вслед за Бастрыкиным отметить, что на всём протяжении ведения уголовного дела у следователя Соловьёва не возникало никаких вопросов и сомнений, даже в мелочах, что вообще не было никаких проблем, которые бы требовали серьёзного вмешательства профессионального криминалиста. Всё было ясно с самого начала. И если уж быть предельно циничным, то можно вполне уверенно заявить, что в принципе никакой надобности в возбуждении уголовного дела не было. Для той задачи, которая была определена властью и предъявлена для исполнения Правительственной Комиссии и следствию, всё было уже сформулировано Рябовым и Радзинским. Следователь Соловьёв никаких криминальных открытий не совершил. Да и надобности вообще не было в профессионале высокого ранга, имевшего за плечами длинный опыт расследований сложных уголовных дел. Вполне Правительственная Комиссия могла обойтись такими специалистами как Рябов и Радзинский с Авдониным в придачу, которые без всяких криминалистических навыков ещё задолго до Соловьёва установили всю картину расстрела Царской Семьи и тайное Её погребение на Коптяковской дороге. К тому же Авдонин и Рябов красочно живописали о том, какими стёжками-дорожками не один год добирались они до тайного могильника. Прокурор-криминалист слепо следовал по проложенным следам. Не случайно же он в главном документе Генеральной Прокуратуры на основании которого было закрыто уголовное дело просто дословно переписал то, что сочинено было Авдониным, выдавая сие за собственное своё прокурорско-криминалистическое открытие. 31 октября 1993 года, то есть на восьмой день после постановления премьер-министра Черномырдина, которым учреждена была Правительственная Комиссия, Авдонин в докладной записке на имя Председателя Комиссии Ярова в частности написал: **«В районе Поросённого Лога...мы нашли настил - место, где застрял автомобиль. В этом же году место было вскрыто. Деревянный настил находился на глубине порядка 30- 40 см. от поверхности земли. Сразу же под настилом оказались человеческие останки»** А вот как этот эпизод выглядит в «СПРАВКЕ о вопросах, связанных с исследованием гибели семьи российского Императора...», составленной Соловьёвым 23 января 1998 года. Он пишет: «В 1978 году в районе Поросённого Логова группой А.Н. Авдонина найдено понижение почвы, где при бурении на небольшой глубине обнаружили деревянный настил. Летом 1979 г. это место было вскрыто... Деревянный настил находился на глубине (тут маленькая редакторская правка: убрал слово-паразит*) 30 - 40 см. от поверхности земли. Сразу же под настилом оказались человеческие останки».

Сочинённый Авдониным эпизод полностью удовлетворил следствие, превратившись в событие юридической достоверности. Такова цена всех ранее приведённых деклараций прокурора-криминалиста.

Надо ещё раз вспомнить и подчеркнуть то, что цитата сия взята из официального прокурорского документа, в котором она представлена как факт установленный следствием, без кавычек, без всякой ссылки на использованный источник. Этот документ лёг в основу завершения всех исследований, проводимых в рамках

Правительственной Комиссии. В Протоколе № 9 от 30 января 1998 года, завершающим работу Комиссии, в пункте втором было сказано:

«Рассмотрев СПРАВКУ о вопросах, связанных с исследованием гибели семьи российского Императора Николая II и лиц из его окружения, расстрелянных 17 июля 1918 года в Екатеринбурге (то есть документ составленный прокурором-криминалистом за неделю до последнего заседания Комиссии*) ... Комиссия решила:... Считать, что в результате проведённых работ по идентификации останков... получен исчерпывающий научный материал, и в связи с этим нет необходимости в дальнейшем сохранении останков царской семьи и лиц из их окружения в качестве объектов исследования, что позволяет провести их захоронение».

Историю находки царской могилы «группой Авдонина», представленной прокурором-криминалистом, Правительственная Комиссия приняла как факт, доказанный в рамках расследования уголовного дела, несмотря на то, что никаких юридических доказательств в подтверждение этого «факта» Соловьёв, конечно, не предоставил. В процессе следственных действий Авдонин в качестве свидетеля не был допрошен, и уж тем более не подвергся допросу Гелий Трофимович Рябов, сведения которого во всём противоречат тому, что сообщил Авдонин. Искали как будто бы вместе и раскапывали тоже вместе, а вот картину происходящего запомнили почему-то совершенно по-разному, да и следователь Соловьёв почему-то на такую странность не обратил своего профессионально-криминалистического внимания. А та информация, которая исходит от Рябова никак не укладывается в канву следственного материала и полностью противоречит показаниям Авдонина, принятых следствием за достоверный факт.

В самом раннем документе, а это личный дневник, который Гелий Рябов вёл непосредственно в период самих событий, от 31 мая 1979 года есть такая запись: «Пробито 5 скважин под шпалами... Вдоль старой дороги под травой и водой ... лежат шпалы». На следующий день, 1 июня, команда приступает ко вскрытию могильника. В дневнике записано: «Сняли 1-ый слой шпал, под этим слоем обнаружен 2-ой слой шпал, проложенный вдоль дороги, здесь же навалены сучки, остатки деревьев, камни, кирпич (копали как будто бы не на глухой уральской дороге, а у подножья Везувия*). Упёрлись в 3-ий слой шпал».

В дальнейшем Рябов от своей дневниковой «пунктуальности» отошёл.

На первом публичном выступлении в Историко-архивном институте 20 апреля 1989 года Рябов рассказал, как десять лет назад, 30 мая 1979 года (не 31, как записано в дневнике), они «вскрыли это место» и «обнаружили палки и доски». Ни в какие три слоя шпал они на «упирались». Останки оказались на расстоянии «семидесяти сантиметров от поверхности земли». У Авдонина в половину ближе.

В повести «Принуждены вас расстрелять», опубликованной в том же апреле журналом «Родина», Рябов написал: «В субботу сделали около сорока микрошурфов... В воскресенье мы приехали первым поездом... Вскрыть решили квадрат полтора на полтора... Сняли слой земли, в которой лопата упёрлась во что-то жёсткое, пружинистое. Хворост, ветки, хорошо сохранившиеся. Под ними снова земля - перемешанная, перекопанная»...

В дневнике указаны точные числа, когда был обнаружен и вскрыт могильник: 31 мая, 1 и 2 июня. В повести придуманы особые обстоятельства, которые сделали необходимым все работы успеть провести в выходные дни, то есть в субботу и воскресенье. Если сопоставить числа и дни недели, которые называет Рябов, то выясняется, что оные не совпадают, ибо день 31 мая 1979 года был вовсе не пятница, а среда; также как и первые дни июня были днями будними. Интересно, что уже в 1991 году, после того как было вскрыто захоронение в Поросёнковом Логу, давая объяснение прокурору свердловской области Туйкову, «по поводу раскопок останков группового захоронения», Рябов подтвердил свои самые ранние сведения. «Как происходило вскрытие, подробности этой работы - записано в протоколе, - я описал в дневниках за 1979-1980 годы. Ксерокопии этих записей прошу приобщить к этому объяснению. Там всё записано верно».

Если дневниковые записи соответствуют действительности, как уверяет свердловского прокурора Рябов, то это значит, что во всех других своих свидетельствах он сознательно давал ложную информацию. Прокурору вот так прямо и бессовестно он не мог врать. Значит «работали» в обычные будние дни, а если было три слоя шпал, то врал Авдонин со своим «деревянным настилом».. Соловьёва как-то странно таковая коллизия никак не заинтересовала. Всё-таки, это большая разница - три слоя шпал или деревянный настил. Его совершенно не смутило то обстоятельство, что свидетельства Рябова вступают в заметное противоречие с показаниями Авдонина, то есть с теми выводами, к которым пришло официальное следствие. Более того, в «СПРАВКЕ» Соловьёв уверенно и без каких-либо колебаний написал: «Во вскрытии участвовало шесть человек: А.Н.Авдонин и Г.П.Авдонина, Г.П.Васильев, В.Песочный, Г.Т.Рябов и М.В.Рябова. Деревянный настил находился на глубине 30 - 40 см. от поверхности земли. Сразу же под настилом оказались человеческие останки. А.Н.Авдоным и Г.Т.Рябовым были изъяты из раскопа 3 черепа». Из этого текста сделать можно только один вывод: никаких противоречий между этими людьми нет, и сам Рябов не «упираясь» ни в какие «слои шпал» полностью вписывается в версию, изобретённую Авдоным. И Соловьёв их обоих очень высоко аттестует и никак не разделяет. Как-то в одном из интервью он сказал, что оба они, Авдонин и Рябов, «многим рискуя, дали России возможность похоронить жертвы чудовищного преступления. Это два замечательных человека, мой им поклон до земли».

Нет, к сожалению ни одного документа, который вышел из под пера прокурора-криминалиста, и в котором хоть как-то зримо просвечивал бы профессионализм криминалиста. Факты им используемые препарируются в зависимости от тех схем, которые соответствуют задаче, поставленной перед следствием. И в эти схемы отлично вписывается Авдонин с деревянным настилом и Гелий Трофимович со всеми своими тремя слоями

шпал, ворохом хвороста, выходными днями и точными датами. Так же по той же схеме Юровский становится автором той рукописной приписки, которая была сделана академиком Покровским на машинописном листе так называемой «Записке», им же сочинённой, о чём уже давно известно, и что прокурор-криминалист игнорирует совершенно бесстыдно. Как же надо быть уверенным в своей неприкасаемости если можно себе позволить публично и без стеснения выдавать за достоверный факт, якобы установленный следствием то, что не соответствует действительности. Понятно, что сие не личная отвага Соловьёва; видимо есть уверенность в полной своей безнаказанности.

Все документы следствия - это как правило литературные измышления, во многом основанные на компиляциях из разных источников. Чтобы не показаться предвзято-голословным, приведём несколько примеров прямого заимствования и, естественно, без всякого упоминания используемого источника и его автора.

В неоднократно уже упоминаемой «СПРАВКЕ», во втором её разделе, посвящённому «реконструкции событий», то есть убийству и уничтожению улик, Соловьёв пишет: «Телеграмма ясно свидетельствует о том, что ранее Ф.И.Голощёкин договорился с Я.М.Свердловым не расстреливать царя без суда... Лаконичность телеграммы подтверждает то, что поставленный в ней вопрос был хорошо известен В.И.Ленину и Я.М.Свердлову». А вот документ более ранний - «Историческая справка», составленная в 1994 году экспертной группой историков с академиком И.Д.Ковальченко во главе. По поводу темы переписки Москвы и Екатеринбурга там написано: «Телеграмма ясно свидетельствует, что Ф.И.Голощёкин договорился со Свердловым не расстреливать царя без суда... Она (телеграмма) очень лаконична. Ясно, что речь идёт о вопросе, который был хорошо известен и Ленину и Свердлову».

В другом месте читаем: «Важнейшим источником данных об обстоятельствах расстрела и захоронения являются воспоминания участников событий. Воспоминания Юровского... Наиболее ранняя (краткая)... датируется 1920 годом.. Вторая (пространная) редакция Записок Юровского, датируется апрелем-маем 1922 г... Третья редакция (сокращённая) возникла в 1934 году. Она была создана по заданию Уральского испарта, в ходе совещания в феврале 1934 года старых большевиков, участников охраны и расстрела Николая II». Этот исторический пассаж Соловьёв добросовестно переписал из труда Главного государственного архивиста Р.Г.Пихоя, представленного в Правительственную комиссию в ноябре 1995 года. «Важным источником для изучения обстоятельств расстрела, - написано было там, - служат воспоминания участников... Записки Юровского дошли в трёх редакциях. Первая, ранняя (в дальнейшей будем именовать её краткой) была написана им в 1920 году... Вторая редакция записок Юровского, назовём её пространной, датируется^ апрелем-маем 1922 года... Третья редакция воспоминаний Юровского - назовём её сокращённой - возникла в 1934 году. Она была создана по заданию Уральского испарта, в ходе совещания в феврале 1934 года старых большевиков, участников охраны и расстрела Николая II».

Ещё красноречивый пример криминалистических способностей следователя по особо важным делам.

«Материалы дела были опечатаны... и погружены в Тяньцзинь на французское транспортное судно, уходящее в Марсель... Генерал Жанен некоторое время хранил материалы в своём доме. Затем он решил передать дело Великому князю Николаю Николаевичу, но Николай Николаевич не только отказался от следственных материалов, но даже не пожелал принять Жанена и Соколова... Он указал через посредство состоявшего при нём барона Стааля, что дело следует передать М.Н.Гирсу, бывшему послу Временного Правительства в Риме, а ныне председателю Совещания русских послов за границей... Соколов не хотел передавать дело М.Н.Гирсу, которому он не доверял по политическим причинам, но ему пришлось подчиниться воле Великого князя».

Это пространный отрывок из книги Николая Росса, изданной издательством «Посев» в 1987 году. А вот как отвечает Соловьёв на вопрос о его осведомлённости с данными следствия Соколова, некоему лицу, настроенному весьма критически в адрес прокурора-криминалиста, в беседе представленной в форме газетно-журнального диалога.

- Не бахвалясь, - заявляет Соловьёв, - могу сказать, что мной изучены все известные на сегодня в мире материалы «белогвардейского» следственного дела... Материалы подлинного уголовного дела были... переданы... генералу Жанену. Из Тяньцзиня на транспортном судне дело доставили в Марсель... Женен решил передать дело на хранение Великому князю Николаю Николаевичу... Николай Николаевич не только отказался от следственных материалов, но даже не пожелал принять Жанена и Соколова. Через посредство барона Стааля, состоявшего при Николае Николаевиче, последний указал, что уголовное дело и вещественные доказательства следует передать Гирсу М.Н. бывшему послу Временного правительства в Риме, а в то время председателю Совещания русских послов за границей... Соколов Н.А. не хотел передавать материалы Гирсу М.Н. которому не доверял по политическим причинам... Но несмотря на внутренний протест, был вынужден подчиниться воле Великого князя Николая Николаевича.

Вот так с «цитатником» в руках, немного корректируя заимствованный текст, беседует прокурор-криминалист со своим оппонентом. Аналогичных примеров можно приводить без конца. Всё следственное дело - это так или иначе приспособленные, переработанные, просто приватизированные материалы ранее известные, которые соответствовали концепции данного следственного производства. Никаких собственных криминалистических открытий Соловьёв не совершил. Никакого расследования уголовного дела не было, ни одного нового факта, ранее не известного, Соловьёв в своём «следственном производстве» не обнаружил. То,

что не соответствовало официальной версии, следствием игнорировалось без всяких юридических объяснений или просто фальсифицировалось. «Типичный двойной стандарт, - как написал Леонид Болотин: - для «противника» - процессуальные нормы и строгие статьи Уголовного Процессуального Кодекса Р.Ф., а для себя - рулю, как хочу».

Когда же создавалась ситуация, вынуждавшая Соловьёва на ответную реакцию, то она часто приобретала резко агрессивную форму. Болотин, кстати, прокурора-криминалиста очень раздражает. «Вся ваша карьера литератора и историка, - в эпистолярной полемике уязвляет его Соловьёв, - построена на борьбе с Мощами Царственных Страстотерпцев (у нас теперь оказывается святость мощей определяет не Православная Церковь, а Следственный комитет*)... Вы и Ваши единомышленники будете выдумывать всё новые и новые поводы, чтобы уйти от прямых ответов (это, как говорится, с больной головы на здоровую*)... У нас булатное оружие правды. У Вас бутафорский меч из папье-маше. Истину не заболтаешь и не закричишь». Булатное оружие, которым размахивает прокурор-криминалист - это, конечно, власть, а её уж ясно, не «заболтаешь» и не перекричишь.

С Болотиным всё же Соловьёв соблюдает некоторую приличность, а вот в полемике с профессором В.Л.Поповым раздражения своего уже сдерживать не может. Вспоминая книгу «Где Вы, Ваше Величество?» он пишет: «Автора попутал бес тщеславия... Попов слишком доверчив? Не ведает к чему клонит? Ерунда. На подобное чтиво - имею ввиду книгу - есть спрос. В том всё и дело». Или в адрес автора другой книги, тоже критикующего официальную версию следствия, и надо сказать достаточно аргументировано; автор, между прочим, сам эксперт-криминалист и с позиции профессионала оценивает материалы, представленные Соловьёвым. «Не надо господин Григорьев, - нравоучительно заявляет Соловьёв через редакцию «Русской народной линии», - имитировать близость к большой науке. Признайтесь, хотели просто маленько заработать на книжке, а наука пошла побоку».

Особый гнев вызывает у Соловьёва некий Саид, который где-то что-то сказал то ли об останках, то ли о самом прокуроре-криминалисте. Во всяком случае, Саиду досталось, как говорится, по первое число. «Та «истина» - пишет в ответ ему криминалист Соловьёв, - которую вы показываете «что называется на пальцах» явно вам не по зубам (а руки-то вымыли?). Можно сколько угодно растопыривать пальцы на руках и на ногах, но для того, чтобы «поломать» ясно высказанное мнение серьёзного следственного органа (то есть генеральной прокуратуры*), наверное, мало «козу» пальцами изображать, а ещё нужны элементарные знания, а не только лай из уодворотни анонимного существа, спрятавшегося за мусульманской маской». А это уже язык, надо заметить, не криминалиста, скорее криминального авторитета...

Приём сей, конечно, известный. Ошельмовать, навесить какой-нибудь ярлычок, унижить словесно, навести тумана так, чтобы понятно было для тех, кто от темы далёк, что человек сей мелкий интриган и вся его «мышьяная возня» затеяна только корысти ради - одни, чтобы на скандальчике подзаработать, другие - из тщеславных побуждений. И это вместо того, чтобы на высказанный упрёк спокойно и без всяких эмоций языком юриста, то есть доказательно, объяснить оппоненту своему несостоятельность его точки зрения. Вот вы, уважаемый, сомневаетесь..., а я вам предъявляю документ, удостоверяющий, что такого-то числа и в таком-то часу историк Михаил Николаевич Покровский принял в своём ВЦИКовском кабинете Якова Михайловича Юровского и при свидетеле NN, который присутствовал при этой встрече, записал то, что ему рассказал Юровский... Рукописный текст тут же был передан в секретариат и перепечатан на пишущей машинке. На первом машинописном экземпляре Юровский собственноручно переправил слово «телефонограмма» на «телеграмму», а Покровский на последней странице внизу приписал точное место царской могилы...

Раздражение, грубость, оскорбление никогда не являлись убедительными доказательствами собственной правоты. Наоборот. Это как раз свидетельствует об обратном. Когда нет весомого аргумента, который подтверждает провозглашаемый факт, а убедить в этом своего противника крайне необходимо, и к тому же с воспитанием не всё в порядке, то вполне естественно, что нервы сдают и возбуждение переходит в ярость. Советская власть, особенно в годы не разоблачённого «культа», проблемы разномыслия решала просто, без всяких театральные сцен. Теперь сложнее. Не только нельзя физически обезвредить оппонента, но даже принудить его к молчанию уже невозможно, а от бессилия ничего кроме злобы не рождается.

ТЕЛЕГРАММА ИЛИ ТЕЛЕФОНОГРАММА

Однако, вернёмся к «Записке». Прежде всего нужно отметить, что введена она была впервые в «научный оборот» в мае месяце 1989 года, внешне никак не согласованно, но так совпало чудесным образом, а чудеса в во всей этой истории происходят постоянно, одновременно двумя советскими драматургами: Г. Рябовым и Э. Радзинским. Ранее о ней известно не было, и никогда, ни в те дальние постреволюционные годы, ни в глухие советские времена никаких публичных упоминаний о «Записке Юровского» не существовало. Никто из лиц, так или иначе связанных с событиями в Ипатьевском доме, оставивших мемуарные свидетельства, написанные в разные лета, с «Запиской Юровского» дел не имел и никогда на оную не ссылался. Марк Касвинов, как это указано в комментариях к его сочинению, знал и о существовании «Записки» и о том, что поведал Юровский старым большевикам, но сведениями, оставленными Юровским и Покровским никак не воспользовался, хотя придал гласности хранящуюся в архивах известного ведомства секретную информацию о конечной судьбе

Царской Семьи. В комментариях он перечисляет источники, содержащие сведения о Юровском: Повесть Резника «Чекист», роман Юлиана Семёнова, воспоминания конца двадцатых годов некоего Воробьёва и следом добавляет, что кроме перечисленных материалов он располагал ещё и неопубликованными рукописями самого Юровского: «Воспоминания» (январь 1934 года 21 стр.), «Записка коменданта Дома особого назначения в Екатеринбурге: Историк М.Н.Покровскому о казни Романовых» (не Рябов оказывается явился первооткрывателем того, что Юровский в 1920 году «подлинник» своей Записки передал Покровскому*).

Невольно возникает вопрос, почему Касвинов, располагая документом, составленным главным действующим лицом, на информации которого, как сказал Соловьёв, «базируется современное следствие», не только никак этим документом не воспользовался, но наоборот, придерживался совершенно противоположенной точки зрения. Он что, был менее осведомлён, нежели Соловьёв? Или очень уступал прокурору-криминалисту в способностях делать выводы и анализировать? Судя по его книге - вряд ли. Просто он писал другую историю. Другой был заказ. Тогда советской власти царская могила была не нужна. И никакие останки советской власти также нужны не были. Поэтому то, что сочинил Касвинов, более согласуется со сведениями, которые оставил Ермаков, утверждавший, что он сам лично всех сжёг. Или с тем, что в хрущёвские времена рассказал чекист Родзинский. А он без всякого сомнения, говоря о необходимости полностью уничтожить трупы, заявил: «...если бы белогвардейцы обнаружили эти останки, знаете, чтобы они устроили? Мощи. Крестные ходы...». То же писал и Касвинов: «...придать огню... развеять без следа их останки. Не дать пищи ритуальным шабашам...».

Покровский, также, как позднее Касвинов, не историческую летопись создавал. Он выполнял заказ большевистской власти, коей в тот исторический момент на всякий случай царская могила зачем-то была нужна. У власти, которая заказывала Касвинову сочинить историю жизни и гибели Царя, задача была другая.

То было время, когда на Западе, и не только в среде русской эмиграции, эта тема стала вызывать достаточно обострённый интерес, очень для советской власти неприятный. В 1967 году, в канун

и интерес, очень для инбургской трагедии

пятидесятилетия Екатер
Александра», которая получила широкий резонанс, превратившись сразу же в мировую сенсацию. По ней вскоре был поставлен фильм. Советская власть промолчать не могла и ответила, естественно, по-советски фальшивым фильмом «Агония» режиссёра Климова, бульварным романом Пикуля «У последней черты» и «глубоко полемичной» книгой Касвинова, «остриё» которой, как написал автор предисловия, направлено против «зарубежных фальсификаторов истории».

А сам Касвинов изошряясь в адрес этих самых «фальсификаторов», не сдерживал себя в эмоциональном и справедливом пролетарском гневе. «Вот уже свыше полувека, - писал он, - как чернильные наймиты антисоветского промысла эксплуатируют историю казни царской семьи, соблазняясь выигрышной, как им кажется, возможностью показать на этом примере «ужас» (кавычки автора*) революции и «жестокость» разбушевавшейся народной стихии. Нескончаемым потоком идёт с идеологических конвейеров международной реакции соответствующая продукция - книги, статьи, кино и телефильмы, радиоконпозиции. Их авторы селятся, с одной стороны, очернить великую революцию, с другой - обелить и восславить её душителей и истязателей, в том числе царя и его слуг... Сдобренные очередной порцией вымыслов, фальшивок, концепций - поделками так называемых советологов, эта компания из года в год, из десятилетия в десятилетие поднимается вновь и вновь. Многочасовые композиции о «царевичах» и «царевнах», систематически демонстрируемые на голубых экранах Запада: двухсерийное шоу «Николай и Александра», стоимостью в четыре с половиной миллионов долларов... В литературно-публицистическом исполнении - кричаще оформленные, обильно иллюстрированные монографии о крушении династии, вышедших из-под пера таких авторов, как Роберт Мэсси, Сидней Харкэйв, Александр Тарсаидзе, Виктор Александров...».

Все упомянутые Касвиновым авторы в своих «фальсификациях», касаясь убийства Царской Семьи, исходили из тех сведений, которые оставило следствие Соколова. Интересно отметить, что сам Касвинов нисколько Соколову не противоречит, более того, полностью подтверждает тот вывод, к которому пришёл колчаковский следователь. Подводя финальную черту в своём «глубоко полемичном» труде, Касвинов, как уже цитировалось, написал: «Дойдя до урочща, грузовик углубился в лес. Среди заброшенных шахт **трупы сложили попеременно с сухими брёвнами в штабель, облили керосином и подожгли. Когда костёр догорел останки зарыли в болоте**».

Напомним ещё раз: Касвинов писал не роман. Он выполнял поручение самой высокой советской инстанции и, естественно, его труд прошёл через контроль специального отдела ЦК КПСС, в котором тогда начальствовал будущий «прораб» перестройки А.Н. Яковлев. Для власти, как это не однажды публично заявлял прокурор-криминалист Соловьёв, действительная судьба Царской Семьи никогда никакого секрета не представляла. Это был, как он почему-то откровенничал, «секрет полишинеля». Власть только в разные годы, в разные политические периоды, манипулировала своей осведомлённостью так, как считала целесообразно именно в конкретный момент для той или иной политической ситуации, вовсе не смущаясь тем, что её когда-то смогут уличить во лжи. С её же ведома и по её указанию в 1989 году «царская» могила была обнаружена и в 1991 - вскрыта.

Не случайно, конечно, никакого внимания не обратил Соловьёв на то, что Касвинов, вслед за Соколовым и

Ермаковым все трупы сжёг, а недогоревшие фрагменты утопил в болоте. Он вообще Касвинова ни в каких своих следственных действиях никак не упоминает. И уж тем более не опровергает и никак не комментирует информацию, опубликованную буквально за несколько месяцев до «сенсационного» открытия Рябова. Как не обратил он внимание на по-настоящему сенсационную находку Буранова, который установил, что автором «Записки», дружно опубликованной Рябовым и Радзинским, является вовсе не Юровский, а совсем другой человек. Соловьёв ловко вписал себя в эту неожиданную и очень неприятную ситуацию, сделав вид будто бы эта несущественная подробность являлась всего лишь на всего очередным «секретом полишинеля».

А ведь это на самом деле действительно очень важный и принципиальный поворот во всей этой мрачной и таинственной истории. Вопреки самоуверенности Рябова и Радзинского (последний очень красочный оставил след: «Описывая расстрел, Юровский гордо именуется в третьем лице «комендантом» - «ком», как он пишет сокращённо в своей «Записке»), да и самого Соловьёва на первом этапе расследования уголовного дела, открылось вдруг, что главный документ, на котором базировалась вся аргументация постсоветского следствия, составлен был не непосредственным участником, как это было объявлено на весь мир, а лицом, не имевшего к событию, скорее всего, никакого отношения. Непосредственного участия он в этой кровавой расправе не принимал, и появился на горизонте только тогда, когда потребовалось сформулировать официальную точку зрения. Причём, документ, им составленный во многом противоречит тому, что на самом деле происходило.

Для добросовестного профессионала это очень серьёзный повод к тому, чтобы заняться изучением этого вопроса. Сам факт появления нового автора так называемой «Записки Юровского», причём надо отметить - в период ведения следствия, когда автор «Записки» был без всяких сомнений определён, настолько изменил всю картину, что необходимо было, во-первых, понять природу возникновения ложной информации и какое отношение к этому имеют первые её публикаторы и, во-вторых, грамотно объяснить, почему Покровский вдруг вот так несколько лет спустя после совершённого преступления составил документ, которым вопреки установившейся версии Соколова удостоверялся факт существования царской могилы, и почему авторство этого документа было приписано Юровскому. Также следствие должен был бы заинтересовать вопрос, почему Покровский не указал в рукописном варианте точные координаты захоронения, а сделал это значительно позднее, приписав от руки на экземпляре, отпечатанном на пишущей машинке, что достаточно заметно меняло картину, представленную в самом тексте «Записки». Добросовестный профессионал должен был бы объяснить, опять же юридически безупречно, почему Покровский ряд событий представил не соответствующими действительности, как например опоздание выигрышной, как им кажется, возможностью показать на этом примере «ужас» (кавычки автора*) революции и «жестокость» разбушевавшейся народной стихии. Нескончаемым потоком идёт с идеологических конвейеров международной реакции соответствующая продукция - книги, статьи, кино и телефильмы, радиоконпозиции. Их авторы селятся, с одной стороны, очернить великую революцию, с другой - обелить и восславить её душителей и истязателей, в том числе царя и его слуг... Сдобренные очередной порцией вымыслов, фальшивок, концепций - поделками так называемых советологов, эта компания из года в год, из десятилетия в десятилетие поднимается вновь и вновь. Многочасовые композиции о «царевичах» и «царевнах», систематически демонстрируемые на голубых экранах Запада: двухсерийное шоу «Николай и Александра», стоимостью в четыре с половиной миллионов долларов... В литературно-публицистическом исполнении - кричаще оформленные, обильно иллюстрированные монографии о крушении династии, вышедших из-под пера таких авторов, как Роберт Мэсси, Сидней Харкэйв, Александр Тарсаидзе, Виктор Александров... ».

Все упомянутые Касвиновым авторы в своих «фальсификациях», касаясь убийства Царской Семьи, исходили из тех сведений, которые оставило следствие Соколова. Интересно отметить, что сам Касвинов несколько Соколову не противоречит, более того, полностью подтверждает тот вывод, к которому пришёл колчаковский следователь. Подводя финальную черту в своём «глубоко полемичном» труде, Касвинов, как уже цитировалось, написал: «Дойдя до урочища, грузовик углубился в лес. Среди заброшенных шахт **трупы сложили попеременно с сухими брёвнами в штабель, облили керосином и подожгли. Когда костёр догорел останки зарыли в болоте».**

Напомним ещё раз: Касвинов писал не роман. Он выполнял поручение самой высокой советской инстанции и, естественно, его труд прошёл через контроль специального отдела ЦК КПСС, в котором тогда начальствовал будущий «прораб» перестройки А.Н. Яковлев. Для власти, как это не однажды публично заявлял прокурор-криминалист Соловьёв, действительная судьба Царской Семьи никогда никакого секрета не представляла. Это был, как он почему-то откровенничал, «секрет полишинеля». Власть только в разные годы, в разные политические периоды, манипулировала своей осведомлённостью так, как считала целесообразно именно в конкретный момент для той или иной политической ситуации, вовсе не смущаясь тем, что её когда-то смогут уличить во лжи. С её же ведома и по её указанию в 1989 году «царская» могила была обнаружена и в 1991 - вскрыта.

Не случайно, конечно, никакого внимания не обратил Соловьёв на то, что Касвинов, вслед за Соколовым и Ермаковым все трупы сжёг, а недогоревшие фрагменты утопил в болоте. Он вообще Касвинова ни в каких своих следственных действиях никак не упоминает. И уж тем более не опровергает и никак не комментирует информацию, опубликованную буквально за несколько месяцев до «сенсационного» открытия Рябова. Как не обратил он внимание на по-настоящему сенсационную находку Буранова, который установил, что автором «Затеки», дружно опубликованной Рябовым и Радзинским, является вовсе не Юровский, а совсем другой

человек. Соловьёв ловко вписал себя в эту неожиданную и очень неприятную ситуацию, сделав вид будто бы эта несущественная подробность являлась всего лишь на всего очередным «секретом полишинеля».

А ведь это на самом деле действительно очень важный и принципиальный поворот во всей этой мрачной и таинственной истории. Вопреки самоуверенности Рябова и Радзинского (последний очень красочный оставил след: «Описывая расстрел, Юровский гордо именуется в третьем лице «комендантом» - «ком», как он пишет сокращённо в своей «Записке»), да и самого Соловьёва на первом этапе расследования уголовного дела, открылось вдруг, что главный документ, на котором базировалась вся аргументация постсоветского следствия, составлен был не непосредственным участником, как это было объявлено на весь мир, а лицом, не имевшего к событию, скорее всего, никакого отношения. Непосредственного участия он в этой кровавой расправе не принимал, и появился на горизонте только тогда, когда потребовалось сформулировать официальную точку зрения. Причём, документ, им составленный во многом противоречит тому, что на самом деле происходило.

Для добросовестного профессионала это очень серьёзный повод к тому, чтобы заняться изучением этого вопроса. Сам факт появления нового автора так называемой «Записки Юровского», причём надо отметить - в период ведения следствия, когда автор «Записки» был без всяких сомнений определён, настолько изменил всю карьеру, что необходимо было, во-первых, понять природу возникновения ложной информации и какое отношение к этому имеют первые её публикаторы и, во-вторых, грамотно объяснить, почему Покровский вдруг вот так несколько лет спустя после совершённого преступления составил документ, которым вопреки установившейся версии Соколова удостоверялся факт существования царской могилы, и почему авторство этого документа было приписано Юровскому. Также следствие должен был бы заинтересовать вопрос, почему Покровский не указал в рукописном варианте точные координаты захоронения, а сделал это значительно позднее, приписав от руки на экземпляре, отпечатанном на пишущей машинке, что достаточно заметно меняло картину, представленную в самом тексте «Записки». Добросовестный профессионал должен был бы объяснить, опять же юридически безупречно, почему Покровский ряд событий представил не соответствующими действительности, как например опоздание

Ермакова и решение Юровского, усомнившегося в его надёжности, сопровождать трупы до места их сокрытия на Ганину Яму, где он, опять же по воле Покровского оказался впервые, хотя из документов следствия Соколова известно, что в период подготовки к расстрелу Царской Семьи он с Ермаковым исследовал эту местность и не раз там побывал.

Прокурор-криминалист Соловьёв не только не провёл никаких следственных действий, связанных с переменной авторства «Записки», не только никогда не обмолвился вообще о самом факте этой перемены, но наоборот, как ни в чём не бывало, и как бы между прочим, тут же после того как Буранов объявил о своём архивном открытии, заявил, что «Записка» сия является «свидетельством Юровского, записанным известным историком и государственным деятелем Советской России». Если бы такой пассаж сочинили себе в оправдание первооткрыватели-драматурги, то можно было на это внимания не обращать. Но это официальное заявление должностного лица по поручению Генеральной Прокуратуры расследовавшего уголовное преступление. О себе Соловьёв не без самоуверенного удовольствия как-то написал, что пробыв некоторое время в должности старшего следователя по особо важным делам он вернулся в криминалистику, которая ему ближе. Может быть. Но то, что касается выше приведённого «заявления», то оно криминалистикой не пахнет. Как, впрочем, и многие другие выводы постсоветского следствия.

Сам Соловьёв очень болезненно реагирует на всякое несогласие с официальной версией, которую он представляет. Все критические замечания и возражения, которые постоянно звучат в адрес следствия, Соловьёв, как правило, просто игнорирует, а если опровергает, то делает это голословно, без всяких серьёзных аргументов и весьма раздражённо. К примеру, Сергей Алексеевич Беляев, к которому Соловьёв испытывает нескрываемую неприязнь. А у Беляева к Соловьёву вопросов много и много достаточно принципиальных, требующих спокойных юридических объяснений: может быть спора, полемики, обсуждения, но на серьёзном научном уровне, на том уровне, который ведёт к поиску истины, к решению противоречий путём логических размышлений, без обиды и без накала амбиций. Если бы так...

«Воспринимать Беляева, - пишет Соловьёв, - как серьёзного специалиста по теме убийства царской семьи я не могу». Не могу, и всё! И никаких на сей счёт объяснений не требуется. Беляев «церковный археолог» и к «революционным событиям на Урале» никакого отношения не имеет. Круг его единомышленников - это «церковная общественность», о которой (православный и глубоко верующий) Соловьёв отзывается как бы с некоторым пренебрежением, - что с них спросишь? Их дело молиться и с церковными «журналистами» и церковными «археологами» обсуждать свои собственные проблемы.

Правда прокурор-криминалист не упоминает, что к той самой, им с иронией воспринимаемой «церковной общественности», прямое отношение имел Святейший Патриарх Алексей II, который с большим доверием относился к Беляеву и в письме на имя Председателя Комиссии Ярова аттестовал его, не только как «представителя Русской Православной Церкви», но и как специалиста «по археологии и исторической части». Можно вспомнить и то, что нынешний Патриарх Кирилл, ещё будучи митрополитом Смоленским и Калининградским, во время ведения следствия и работы Правительственной Комиссии, полностью разделял точку зрения «церковной общественности». Не упомянул Соловьёв и о том, что Патриарх Алексей неоднократно настаивал на необходимости расширения исследовательского изучения останков и создания для этой цели независимой Международной Комиссии с привлечением к участию в её работе специалистов

широкого профиля, в том числе и из среды Русского Зарубежья, а также представителей православного духовенства и отечественной «церковной общественности».

«Суждения церковной и светской общественности оказалось разделённым, причём разделение носит явно конфронтационный, болезненный характер», - говорилось в Послании Святейшего Патриарха, посвящённому 80-летию убиения Императора Николая II и Его Семьи. Призыв Патриарха сочувствия у главного прокурора-криминалиста не возбудил, более того, вызвал реакцию резко отрицательную. «Создание независимой международной Комиссии, - заявил Соловьёв, - на наш взгляд нецелесообразно».

В 2010 году В.Н. Соловьёв издал собственное сочинение в виде журнального диалога под названием «Тайны старой коптяковской дороги», где в качестве интервьюера и интервьюированного лица выступает он сам. Сам задаёт вопросы, и сам очень уверенно на них отвечает, причём вопросы с его точки зрения, вернее как ему представляется с точки зрения его читателей, носят как бы каверзный и уличительный характер. В преамбуле к этому сочинению написано, что годом ранее он «встретился с оптинским старцем Илием» и разговорился с ним о судьбе царских останков. «Старец Илий, - пишет Соловьёв, - внимательно выслушал меня и посоветовал написать брошюру в виде вопросов и ответов. В своём диалоге с предвзятым собеседником я постарался не уклоняться от самых сложных вопросов».

Поверим на слово, что Соловьёв встречался с оптинским старцем и беседовал с ним на тему Екатеринбургской трагедии. Но ведь вопросы для своих ответов со старцем он скорее всего не согласовывал и темы для ответов выбирал не из тех острых моментов, на которые во всё время ведения следствия ничего вразумительного он не ответил, более витая в сферах эмоциональных фантазий или скорее в рамках концепции, определённой уже тогда, когда возбуждалось уголовное дело. Вот, к примеру, как бы от лица очень «критически» настроенного оппонента Соловьёв задаёт себе вопрос: сколько эти воспоминания согласуются с тем, как эти беседы проистекали на самом деле, сказать нельзя - это уже на православной совести прокурора-криминалиста.

А вот ещё сюжет из того же разговора с самим собой. Очень, якобы, предвзятый собеседник задаёт прокурору-криминалисту вопрос, каверзости невероятной.

- Сегодняшнее следствие во главу угла ставит воспоминания преступников - участников расстрела. Можно ли доверять воспоминаниям этих людей? Серьёзные учёные-архивисты, в частности доктор исторических наук Буранов Ю.А. доказали, что «советские документы», а среди них самый главный, «Записка Юровского» - это подделка.

Вопрос этот Соловьёв вкладывает в уста своему собеседнику не случайно. Он отлично знает, что основным пунктом обвинения, который ему предъявляет оппозиция, является та самая злополучная «Записка». Этой теме в своей брошюре Соловьёв посвящает целых девять страниц, то есть почти седьмую часть своего текста.

- Да, - уверенно отвечает он своему оппоненту, - в ходе современного следствия широко использовались воспоминания участников расстрела и захоронения... В этом нет ничего удивительного.

Далее он сетует по поводу позиции своих оппонентов, которые в отличие от него самого, с одной стороны, очень критично относятся ко всему, что исходит из лагеря «участников», а с другой почему-то у них «не вызывает сомнения» информация, идущая от Павла Медведева. В качестве примера сначала приводит рассуждения Сергея Алексеевича Беляева, о чём упоминалось выше, ничего, конечно, не объясняя толком, но как бы очень эмоционально и даже с обидой жалуется на «странную логику» церковного археолога. Потом посвящает пол страницы академику Алексею, у которого много вопросов и претензий к выводам следствия Соловьёва. Никакими объяснениями, естественно, прокурор-криминалист себя не утруждает, а наоборот, очень уверенно заявляет, что В.В.Алексеев не отрицал того, что останки обнаруженные в Поросёнковом логу принадлежат Царской Семье, просто он (Алексеев) настаивал на продолжении поисков, полагая, что могут быть обнаружены в архивных хранилищах любопытные документы доселе неизвестные. Теперь же (то есть в январе 2010 года), без тени сомнения заявляет Соловьёв, «академик Алексеев поддерживает выводы следствия о том, что в районе Поросёнкового Лога обнаружены останки Царской семьи». Последний пассаж - это очередной фальсификационный зигзаг прокурора-криминалиста и очень не корректный. Вениамин Васильевич мнения своего никак не менял, хотя его очень усиленно к тому склоняли, в том числе и сам автор брошюры.

Пройдясь довольно небрежно в адрес своих оппонентов выше упомянутых, Соловьёв переходит к главному своему противнику и к теме, которую он определил в поставленном вопросе для ответа самому себе.

- Следствие считало и считает так называемую «Записку Юровского» основным документом, объективно рисуя события, связанные с расстрелом и захоронением Царской семьи - отвечает не колеблясь Соловьёв въедливому своему собеседнику, который как бы пытается его уязвить и ввести в смущение. И действительно, вопрос звучит зловеще - «Серьёзные учёные-архивисты доказали...»

- Историк Буранов утверждал, - продолжает прокурор-криминалист свою фантастическую беседу, - что «Записка» не имеет прямого отношения к Юровскому и выполнена историком Покровским М.Н. с целью фальсифицировать события 1918 года».

И добавляет как бы между прочим:

- Надо сказать, что мнение Буранова Ю.А. относительно этого документа менялось. Первоначально он считал «Записку» полноценным источником исторических знаний о событиях 1918 года.

Вот так сразу, с первых строк можно сформировать образ своего противника, унижить его. Это из той

самой «оперы» навешивания ярлычков и наведения тумана. Это во-первых, а во-вторых, сие есть очередное жонглирование фактами. Непосвящённый в сложные коллизии взаимоотношений официального крыла с оппозиционным из этих двух предложений сделает естественный вывод: Буранов - делец, варьирует историческими фактами, исходя из личной своей заинтересованности, ничем не брезгуя. Вот считал когда-то «Записку» подлинным документом и писал об этом, а ныне....

Действительно первые годы, когда тема обнаружения Царской могилы в Поросёнковом Логу стала широко обсуждаться, все были уверены в том, что автором «Записки» являлся Юровский. Так считал, между прочим, и сам прокурор-криминалист Соловьёв, искренне или нет - это другой вопрос, но если посмотреть ранние документы, вышедшие из под его пера, то в них имя историка Покровского никогда не упоминалось. Не упоминалось оно и в других официальных документах. «Своей полнотой и достоверностью отличается «Записка» Юровского». Это цитата из Заключения Генеральной Прокуратуры 1993 года, переданное в Правительственную Комиссию и подписанное Заместителем Генерального Прокурора Э.Г.Денисовым. В феврале 1994 года была создана «экспертная группа» из историков. В «Исторической справке», представленной этой группой в Правительственную Комиссию, говорилось: «В деле ВЦИК «О семье бывшего царя Николая II» хранится машинопись рассказа Юровского о том, как было организовано убийство всей семьи и как затем уничтожали следы и хоронили убитых. Это, безусловно, запись устного рассказа Юровского, сделанная, **возможно, кем-то из сотрудников канцелярии ВЦИК или Совнаркома**». А в 1995 году, так же в официальном прокурорском документе, составленном Соловьёвым по итогам проведённого им расследования написано следующее: «В «Записке» Юровского упоминается точное место захоронения: Коптяки в 18 верстах... (далее дословно переписывает приписку, сделанную Покровским на машинописном экземпляре той самой «Записки», естественно без упоминания автора, т.е. без всякого стыда, откровенно фальсифицируя исторический факт*). Другими участниками расстрела и захоронения оставлены воспоминания, в которых основные детали гибели и погребения совпадают с фактами, изложенными Юровским. Объективность сведений, приведённых Юровским, подтверждается фотодокументами...»

Ю.А. Буранов в книге, в соавторстве с архивистом Хрусталёвым и вышедшей в свет в 1992 году, написал: «В своей «Записке» составленной в 1920 году, он (Юровский*) подробно описал...» И Буранов никогда этого не отрицал и никак не скрывал. Более того, он об этом заблуждении своём оставил весьма убедительный след, который, конечно, сознательно, ибо читал всё, что написано было Бурановым по теме царских останков, прокурор-криминалист не заметил. А жаль.

В январе 1997 года «Литературная Газета» напечатала интервью с Бурановым. Первый вопрос, который ведущая беседу Наталия Зенова задала историку, звучал так:

- Юрий Алексеевич - ведь в монографии «Гибель Императорского дома»... и тени сомнения нет по поводу «Записки Юровского» - наоборот, там содержатся ссылки на неё, как на документ бесспорный. Что произошло?

- А произошло то, - отвечает Буранов, - что я полностью изменил свой взгляд...»

И объясняет уже подробно, что причиной тому явился обнаруженный им в архиве «доселе неизвестный рукописный вариант «Записки». И он же первым назвал автора этого рукописного текста. Именно с этого момента имя Покровского появилось на страницах соловьёвского расследования. Появилось без удивления, без всяких криминалистических размышлений словно информация пустая, о которой всем давно было известно, и никакого секрета не было в том, что Юровский, сидя во ВЦИКовском кабинете, вспоминал о событиях двухлетней давности, а хозяин кабинета хладнокровно записывал «исповедь» бывшего «ком-та» дома Особого назначения. Так и написал Соловьёв, никак не смущаясь, что документ этот есть «свидетельство Юровского, записанное известным историком и государственным деятелем Советской России М.Н.Покровским».

- Что же так смутило Буранова в «записке» Юровского? - с удивлением продолжает прокурор-криминалист отвечать на вопрос своего мнимого собеседника. - Недавно я прочитал все публикации Буранова на эту тему (и интервью в Литературной Газете, естественно*) и, честно говоря, нахожусь в некотором смущении (это «смущение», конечно, от избытка «благородства»). Жаль, что Юрий Алексеевич умер, и я не могу возразить ему лично, но актуальность темы требует серьёзного подхода.

Свой «серьёзный подход» Соловьёв начинает разоблачением «доводов» Буранова в том, что якобы «Записка» фальсифицирована на основании того, что «первый экземпляр написан рукой академика Покровского».

- Совершенно правильно, - восклицает прокурор-криминалист, - экспертиза подтвердила этот факт.

И далее придумывает фантастическую историю, которая, конечно, никакого отношения к реальным событиям не имеет и уж, естественно, никак не встраивается в рамки уголовного расследования. Это очередная литературная выдумка Соловьёва, по которой будто бы Михаил Иванович Калинин вскоре после смерти Свердлова (непонятно с какой целью), вдруг проявил интерес к Екатеринбургским событиям 1918 года. Разумеется, как уверяет Соловьёв, он обратился с запросом к «главному хранителю партийных тайн», а тот срочно призвал к себе Юровского и, побеседовав с ним, тут же при нём «записал его рассказ».

Завершая свою «новеллу» о «Всероссийском старосте», которой он развенчивает все бурановские доводы о фальсификации так называемой «Записки Юровского», прокурор-криминалист говорит:

- Потом запись перепечатали на пишущей машинке, и Покровский дал её прочитать Юровскому. И Покровский и Юровский заметили некоторые погрешности в машинописном тексте и выправили их.

Единственная значимая поправка - это исправление Юровским слова «телеграмма» на слово «телефонограмма».

На последнее предложение стоит обратить внимание. Из того, что в оном сказано, становится ясным, что Покровский никаких серьёзных поправок в машинописный текст не внёс, то есть тогда им «точного места захоронения» приписано не было. Сознательно ли Соловьёв удостоверяет, что Покровский, когда записывал за Юровским его рассказ, ещё ничего не знал о могильнике в Поросёнковом Логу, или сие произошло по безответственной беспечности прокурора-криминалиста - в конечном счёте на столь важно. Интересна последняя фраза о том, что Юровский переправил слово «телеграмма» на «телефонограмму». Переправил, как указал Соловьёв, на машинописном экземпляре. Следует отметить, что таковая точная информация озвучена Соловьёвым впервые и само «исправление Юровского» никогда нигде не было представлено в наглядном виде в отличие от рукописных вставок в машинописный текст Покровского, что было не раз опубликовано в печати и даже экспонировано на выставке в Главном Архиве страны в 2012 году. Правда там то, что написал Покровский выдано было за автограф Юровского. Но это уже вопрос не столько к следователю Соловьёву, сколько к директору Гос.Архива С.В.Мироненко.

Прокурор-криминалист Соловьёв не посчитал необходимым свои «криминалистические» заключения подтвердить обнаружением в средствах массовой информации той очень существенной поправки, которую по его словам внёс Юровский в **машинописный экземпляр**. Тем более, что этот самый экземпляр не является секретным документом. Он хранится в фондах Государственного Архива давно известен историкам, там же его не только обнаружил Радзинский, но и напечатал в 1989 году полностью в своём очерке (правда он тоже о поправках упоминал, но в качестве иллюстрации в своём очерке их не воспроизвёл). А как бы это обескуражило противников официальной версии убийства Царской Семьи, если бы Соловьёв в газете или журнале, в одном из своих многочисленных интервью в качестве вещественной улики, опубликовал рукой Юровского написанное слово «телефонограмма». Увы, однако - публиковать нечего. В машинописном экземпляре есть слово «телеграмма» и нет никаких исправлений. Не случайно, наверное, на выставке в Государственном Архиве в экспозиции была представлена одна последняя страница машинописного текста, написанного Покровским с его рукописной правкой, а остальные страницы так называемой «Записки Юровского» представлены не были, ибо тогда все заверения Соловьёва о «правках», сделанных «рукой Юровского» превратились бы в миф.

Но как говорится, Бог шельму метит.

В интервью, данного Бурановым «Литературой Газете», которого по понятным причинам Соловьёв не поминает, было сказано:

- В тексте (речь идёт о машинописном экземпляре «Записки»*) имеются вставки, сделанные тем же самым почерком, что и рукописный вариант (Записки), обнаруженный мною. А вставки весьма существенные: они как раз указывают место погребения трупов.

- А есть ли ещё разночтения между рукописным и машинописным вариантами? - спрашивает корреспондент газеты.

- Вот рукописный вариант, - отвечает Буранов. - Прочтите сами первую фразу.

Наталья Зенова читает:

- Шестнадцатого июля была получена **телефонограмма...**

Буранов представляет второй вариант, то есть текст, напечатанный на пишущей машинке. Зенова читает:

- Шестнадцатого июля была получена **телеграмма...**

Итак, слово **телефонограмма** написано Покровским и им же внесено изменение в машинописный текст.

Интересно, как этот сюжет препарирует Генрих Зиновьевич Иоффе известный советский спец по «крахам» монархических контрреволюций и колчаковских авантюр. Комментируя Рябовскую публикацию в журнале «Родина», а это надо помнить ещё советские времена, Иоффе приводит цитату из Записки: «16 июля была получена телеграмма из Перми». И тут же глубокомысленно заключает: «На основе этой записки М.Н. Покровский сделал свой набросок событий в доме Ипатьева. **В** нём говорится не о **телеграмме**, а о **телефонограмме**». По Иоффе получается, что ему уже тогда, в 1989 году, рукописный вариант был известен (из посвящённых?) и что автором печатного экземпляра «Записки» является Юровский, а Покровский просто добросовестно переписывает от руки то, что сочинил Юровский, заменив лишь слово телеграмма на телефонограмму. Это во-первых. А во-вторых, и это гораздо важнее, Иоффе удостоверяет тот факт, что слово **телефонограмма** написано Покровским в его рукописной «копии», тогда как в машинописном «оригинале» получена была **телеграмма**, и никто ничего в этот экземпляр не вписывал и никаких исправлений не вносил, что, между прочим, Буранов подтвердил документально.

Следовательно, вся история связанная с неожиданным интересом, проявленным «Всероссийским старостой» к Екатеринбургским событиям и с «допиской» Юровского, рассказанная Соловьёвым своему собеседнику, как бы по благословию Оптинского старца, является всего лишь творчеством неутомимого фантазёра-криминалиста от Генеральной Прокуратуры, аргументация которого обусловлена, и только, задачей, поставленной во главу угла прокурорского расследования уголовного дела. А как может по совету старца сугубо «православный» сыщик так манипулировать историческими фактами - это уже из области не криминалистической, а морально-нравственной.

Юрий Алексеевич Буранов, в отличие от Соловьёва, демонстрирует документ, а небеспочвенные измышления, каковыми доказывает свою правоту Соловьёв и тот же Иоффе. Буранов вообще всегда работал только с документами и на основании документов делал те или иные выводы. В качестве красноречивого

примера - его перемена отношения к авторству «Записки». Выводы, к которым он приходит, зависят не от его предвзятых или корыстных побуждений, на что намекает Соловьёв, и не от влияния тех или иных закулисных, а только на основе сведений, каковые представлены доказательной базой. Это серьёзный добросовестный историк-архивист, доктор исторических наук, много проработавший в разных архивах, в Главном Российском, в Президентском, в архиве историка Покровского и Партархиве тогда ещё города Свердловска. Репутация Буранова в беспристрастном научном мире безупречна. Конечно, Соловьёву очень

повезло. Буранов ушёл в мир иной, откуда уж никогда не сможет возразить своему опровергателю, а посему не особенно оглядываясь, лицемерно посетовав для начала по поводу кончины, не опускаясь, естественно, даже до формальных аргументаций и не сдерживая себя в эмоциях, можно своему «въедливому собеседнику» раз и навсегда внушить:

- Доводы Буранова о «фальсификации» воспоминаний о гибели и захоронении Царской семьи не могут быть предметом научной дискуссии (даже дискуссии*), постольку не содержат доказательств, убедительных доводов, ссылок на документы и не идут далее утверждения: «Если я так считаю, то это правильно». Находка останков в 2007 году и экспертные исследования вещественных доказательств окончательно опровергли и без того неубедительные позиции Буранова...

СКОЛЬКО КЕРОСИНА ПРИВЁЗ ЮРОВСКИЙ?

Интересно ещё раз для сравнения посмотреть на каких «убедительных доводах» и «позициях» строит Соловьёв свою собственную криминалистическую «доказательную» достоверность. Конечно, вступать в какую бы то ни было дискуссию с человеком, для которого существует только одна, раз и навсегда принятая **правда** - останки подлинные, царские - и который, к тому же, полностью лишён чувства профессиональной ответственности, не говоря уже о гордости - совершенно бесперспективно. И всё же... Не злорадства ради, и не с надеждой на возможный в будущем конструктивный диалог и уж тем более не в расчёте на публичное разоблачение, а для собственной своей уверенности в том, что не от предвзятости личной и не на пустом месте возникают вопросы к главному и основополагающему документу, которым, как когда-то писал Радзинский, «навсегда закрываются все догадки и споры». Очень важно для себя проанализировать и понять, как соотносится так называемая «Записка Юровского» со свидетельскими показаниями непосредственных участников екатеринбургских событий, и насколько этот документ был подвергнут постсоветским следствием криминалистическому анализу.

«Записка» начинается с того, что грузовик, с которым должен был прибыть Ермаков, **«в 12 часов не пришёл, пришёл только в ½ второго**. Когда приехал автомобиль, все спали. **Разбудили Боткина...»**. Как уже упоминалось выше, никто из непосредственных участников (кроме Юровского) категорически этого факта не подтверждает. Медведев Павел, был допрошен членом Екатеринбургского суда Сергеевым **21 февраля 1919** года. На следствии он показал: **«Часов в 12 ночи Юровский разбудил Царскую Семью...** Ещё прежде, чем Юровский пошёл будить Царскую Семью, в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайной комиссии два члена: один, как оказалось впоследствии, - Пётр Ермаков». То же подтвердил в апреле **1919** года на допросе у следователя Соколова охранник Проскураков. «Пашка Медведев, - сказал он, - команду предупредил о расстреле Царской Семьи часов в 11 вечера. **В 12 часов ночи Юровский стал будить Царскую Семью**, потребовав, чтобы они все оделись и сошли в нижние комнаты». Уже много позднее, в **1964** году, подробно вспоминал события той далёкой июльской ночи в кабинете будущего «прораба» перестройки, а тогда заместителя заведующего Отдела Пропаганды и Агитации ЦК КПСС, бывший помощник коменданта Дома Особого Назначения, Григорий Петрович Никулин. Беседу с ним, как утверждал Яковлев, он же тогда записал «на магнитофонную ленту». Из рассказа Никулина следует, что они с Юровским долго размышляли над «проблемой», каким образом лучше и проще «ликвидировать всех». «Последний вариант возник такой, самый **удачный**, - говорит Никулин. - Под видом обороны этого дома (предполагается нападение на дом) пригласить их для их же безопасности спуститься в подвал. Значит это было примерно так часиков в 11 вечера... Юровский пошёл к Боткину, побудил его...»

Постсоветское следствие никакого внимания не обратило на такие странные противоречия. Более того, Соловьёв **без** всякого колебания повторяет вслед за Покровским: **«Грузовик для перевозки трупов должен был прийти в 12 часов ночи, но появился только в 1. 30. После прибытия грузовика разбудили Боткина»**. Ни тени сомнения и никаких вопросов к главному информатору, словно сам Соловьёв там побывал и сам видел, как Юровский отправился в царские покои.

Или следующий эпизод. Покровский написал: «Ком-ту было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и перевозка лежала на обязанностях Ермакова... **Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнение в аккуратности Ермакова, и ком. решил проверить сам всю операцию до конца**». Из непосредственных участников сей «факт» подтверждает только Юровский. В «Исповеди» сказано: «Хотя я имел распоряжение поручить остальную работу (для них это была работа за которую они получали зарплату*)

тов. Ермакову, я, всё же беспокоясь за то, что он эту работу не выполнит надлежащим образом, **решил поехать сам**». Двенадцать лет спустя старым большевикам Юровский несколько иначе представил этот эпизод, даже с лирическим оттенком, правда суть от того не изменилась. «Товарищ Филипп {Голощёкин}, - как записано в стенограмме, - очевидно щадя меня, предупредил меня, чтоб не ездил на «похороны», но меня очень беспокоило, как хорошо будут скрыты трупы. **Поэтому я решил поехать сам**, и, как оказалось, хорошо сделал, иначе все трупы были бы непременно в руках белых». Два Медведева, как указывалось выше, один на допросе, другой в собственном «мемуаре», таковой факт не только не подтвердили, но более того, уверенно засвидетельствовали обратное, то есть то, что Юровский никакую «операцию» проверять не отправился и появился на Ганиной Яме много позднее, когда там уже во всю орудовал Ермаков. А из других соучастников никто версию Покровского не озвучил и никаких вообще свидетельств об этом эпизоде не оставил.

Для постсоветского следствия ясно всё было с самого начала. Никаких криминалистических размышлений следственные документы не продемонстрировали. Соловьёв неоднократно и настойчиво повторял, что «основным источником знаний о гибели царской семьи... являются воспоминания Юровского». Этому своему заявлению он следовал во все годы ведения уголовного дела (продолжает и ныне) как правило, неукоснительно, хотя иногда позволял себе некую криминалистическую вольность. В «СПРАВКЕ» эпизод выше приведённый прокурор-криминалист представил категорично, без каких-либо колебаний. «Непосредственно после окончания расстрела несколько человек из команды пытались похитить драгоценности, находившиеся на мёртвых телах. **Юровского обеспокоили поведение солдат и он решил сопроводить трупы до места их сокрытия**». В «Постановлении» об прекращении дела, Соловьёв без всякого объяснения несколько картину меняет. Там написано: «Ермаков П.З. и красноармейцы выехали из дома Ипатьева около трёх часов ночи. Юровский Я.М. - несколько позже на легковом автомобиле». А в сентябре 2007 года в беседе с журналисткой Данилевич, опубликованной в Московском Комсомольце, Соловьёв заявил: «Сначала трупы расстрелянных люди Ермакова повезли на Старую Коптяковскую дорогу на грузовике...» и добавляет: **«позже к ним присоединился организатор расстрела Юровский»** (это же указано в Постановлении о прекращении дела). Почему «позже» и когда «присоединился» не уточняется. Таковые неожиданные и необъяснимые противоречия у прокурора-криминалиста встречаются. В «диалоге» со своим воображаемым собеседником, (это уже 2010 год), он этот сюжет представил тоже достаточно туманно:

- «Комендант» рассказывает, что после расстрела, **обеспокоенный мародёрством красноармейцев Ермакова П.З., он отправился к месту, подготовленного для сокрытия трупов**, хотя это не предусматривалось планами членов президиума Уралоблсовета.

Далее у Покровского читаем: «Проехав Верх-Исетский завод, верстах в 5, **наткнулись на целый табор** - человек 25 верховых, в пролётках. Это были рабочие, к - ых подготовил Ермаков. Первое, что они закричали: «Что же вы их нам не живыми привезли?». Юровский в «Исповеди» повторил почти дословно: «Отъехав версты три от Верх-Исетского завода мы **натолкнулись на целый табор** пролёток и верховых. Рабочие... **выражали неудовольствие**, что им привезли трупы, а не живых». То же он поведал и старым большевикам. Современное следствие этот факт удостоверило именем Генеральной Прокуратуры. В своём официальном отчёте Соловьёв написал: «В 3-4 верстах от Верх-Исетского завода навстречу грузовику прибыл отряд красногвардейцев П.З. Ермакова. Люди из команды Ермакова **выражали возмущение** тем, что им самим не Дали расстрелять царскую семью». Это же прокурор-криминалист повторил в 2007 году в интервью газете «Московский Комсомолец».

Сцена с оравой пьяных ермаковцев, придуманная Покровским, которые возмущались тем, что привезли трупы, а не живых, естественно, ни одним свидетелем и ни в каких мемуарных откровениях участников этой кровавой расправы не подтверждается.

А вот ещё цитата из так называемой «Записки Юровского»: «Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На А.Ф. оказался целый жемчужный пояс...Бриллианты тут же переписывались... При этом кое- что из ценных вещей было обронено...». В «Исповеди» Юровский как-то странно и неожиданно проговаривается. Он написал: «На месте, где были сожжены вещи находили драгоценные камни, которые, вероятно, были зашиты в отдельных местах и складках платья. Однако (?) из после прибывших красногвардейцев принёс мне довольно большой бриллиант, весом каратов в 8 и говорит, что вот возьмите камень **я нашёл его там, где сжигали трупы**» (значит «сжигали» не только одежду). Это произошло в первый день, сразу же после расстрела. Привезли на Ганину Яму и тут же начали жечь. Из этого напрашивается вывод, что уже заранее в урочище были отправлены, скорее всего, подручные Ермакова, которые к привозу трупов подготовили место и запаслись дровами, чтобы без промедления развести костры и приступить к «работе». О том, что на Ганиной Яме несколько трупов были частично сожжены, в своих «мемуарах» рассказал Медведев-Кудрин.

На встрече со старыми большевиками Юровский, конечно, таковой оплошности уже не совершил, хотя всё равно полной ясности в его рассказе нет. В стенограмме записано: «Те части ценностей, которые белые при раскопках обнаружили, относились, несомненно, к зашитым отдельно вещам и при сжигании остались в золе костров. Несколько бриллиантов мне на следующий день передали товарищи, нашедшие их там». Прокурор-криминалист очень дипломатично этот сюжет обошёл подробностями, которые он, как правило не упускает привести из того, что сочинил Покровский. «В связи с тем, - записано в «СПРАВКЕ», - что в одежде обнаружили драгоценности, Я.М. Юровский приказал раздеть трупы, выпороть из одежды драгоценности, а саму одежду сжечь».

Более этой темы Соловьёв не касается ни в каких официальных документах и уж естественно никак не

комментирует странное откровение Юровского, который для него является, как он везде и всюду об этом не устаёт повторять, самым главным и самым достоверным свидетелем, на показаниях которого построена концепция всего постсоветского следствия. Давая характеристику Юровскому, Соловьёв уверенно заявил: «Такого качества, как нечестность у него не наблюдалось». Это, конечно, зависит от того, как понимать - что есть честность. С точки зрения Соловьёва получается, что человек, у которого «такого качества, как нечестность не наблюдается», может хладнокровно составить план убийства ни в чём не виновных людей, заранее предупредить палачей о предстоящей экзекуции и раздать им оружие, а потом обманным путём, спокойно, чтобы не вызывать подозрений, свести свои жертвы в место, приготовленное для их казни. Сам спустя много лет со спокойной совестью поделился воспоминаниями о тех памятных екатеринбургских днях со старыми большевиками: «15-го я приступил к подготовке, так как надо было это сделать всё быстро». Мог Юровский и печатно врать о том, что была перехвачена «переписка Николая II с волей», хотя знал лучше всех, что «переписку» организовали его же друзья-чекисты.

Это, конечно, всё мелочи, на которые внимание обращать не стоит. Можно объяснить, что таковы были обстоятельства или даже тем, что в том была «революционная целесообразность». Юровский цинично и откровенно в «Исповеди» написал: «Однако, какая красота: восставшие для раскрепощения человечества, даже в отношении своих злейших врагов являют беспримерное великодушие, не оскорбляя, не унижая человеческого достоинства, не заставляя страдать напрасно людей, которые должны умереть потому, что того требует историческая обстановка», и добавляет: «Великодушие пролетариата являет пример, не знающий образцов», а на встрече со старыми большевиками, вспоминая «лифы из сплошных бриллиантовых и других ценных камней», объяснил: «Вот почему ни пули, ни штык не давали результатов при стрельбе и ударах штыка. В этих их предсмертных муках, кстати сказать, кроме их самих, никто не повинен».

Ленин называл Юровского «надёжным коммунистом, Соловьёв в «нечестности» его не уличил. Более того, он определил его как самый «надёжный» источник информации. «Анализ показаний, приведённые в «записке» Юровского, наиболее правдиво рисуют картину расстрела». Ну, естественно, и «картину» сокрытия...

В «Записке» утверждается, что трупы на Ганину Яму были привезены в 6-7 утра (по покровскому получается, что ехали из Екатеринбурга до урочища три - четыре часа). Тогда же «ком. распорядился раздеть трупы и разложить костёр, чтобы всё сжечь». (Соколов на Ганиной Яме обнаружил след от трёх костров, один из которых диаметром в три метра). Когда стали раздевать, в одеждах девиц оказались зашитые драгоценности, которых набралось довольно много. «Сложив всё ценное в сумки, остальное, **найденное на трупах, сожгли**, а самые трупы опустили в шахту». Юровский уехал. Далее в «Записке» говорится: «Вернувшись в город к 8 час. вечера (17-го) начали добывать всё необходимое - **керосин, серную кислоту**».

Юровский в «Исповеди палача» несколько подробнее освещает этот момент. Он пишет: «Мы свернули в лес... Разложили костёр. Я приступил к раздеванию трупов... Раздев труп одной из дочерей, я обнаружил корсет (у Покровского в «Записке» - **корсаж**, слово, конечно, не из лексикона Юровского*), в котором было что-то плотно зашито... там оказались драгоценности... **Все вещи** (платье и т.д.) **здесь же на костре сжигались...** Пришлось временно опустить их (трупы*) в шахту». Скрыв трупы и оставив охрану, Юровский уехал в город. Далее он пишет: «Я отправился в Чрезвычайную Комиссию там застал снова Филиппа и других товарищей. Здесь порешили сжечь трупы... Я поехал к Заведующему Отделом Снабжения Уральского Народного Хозяйства тов. Войкову, заказал **три бочки керосину, три банки серной кислоты...**».

О том, что на Ганину Яму было привезено несколько бочек керосина или бензина, известно не только от Юровского. То же можно прочитать и в воспоминаниях Медведева-Кудрина. По его рассказу в полночь из Екатеринбурга на Ганину Яму ушёл грузовик «с чекистами Родзинским, Юровским, Ермаковым, (всего человек шесть или семь). В кузове стояли **бочки с бензином и ящики с концентрированной серной кислотой**».

О бочках с бензином много свидетельств осталось в протоколах допросов, которые осуществлялись в рамках белогвардейского следствия. Допрошенный Соколовым 29 апреля 1919 года Заведующий складом «автоотдела» П. А. Леонов показал, что 17 июля Комиссар снабжения фронта Горбунов срочно потребовал предоставить пять грузовых автомобилей, «причём на одном из таковых были помещены **две бочки бензина**». Далее Леонов доложил, что на следующий день, «около семи часов утра прилит два средних грузовика, на одном из них были **две пустые бочки от бензина**». Бочки с бензином видел путевой сторож Лобухин и сын его. По Лобухину бензин привезли вслед за трупами. Первый грузовик пришёл в 7 часов утра, а несколько позже — второй. А горный инженер Котенов в три часа дня 18 июля сидел даже на пустой бензиновой бочке, о чём он оставил подробный рассказ. Если, как утверждал Леонов, две пустых бочки из-под бензина вернулись на склад 18 июля в 7 часов утра, то это значит, что Котенов в три часа дня сидел на **третьей** и тоже уже опустошённой...

Теперь вернёмся к постсоветскому следствию. Любопытно, как этот эпизод представлен в анналах уголовного разбирательства прокурором-криминалистом. В «СПРАВКЕ» написано: «К шахте подъехали около 6-7 утра. В связи с тем, что в одежде обнаружили драгоценности, Юровский приказал раздеть трупы, выпороть из одежды драгоценности, а саму одежду сжечь». И далее: «По указанию Сафарова и Голощёкина было принято решение о том, что необходимо все трупы обезобразить серной кислотой, часть трупов сжечь. Для этих целей было выделено около 170 л. серной кислоты и **бочка керосина ёмкостью около 10-12 пудов (160-180л)**». Это

официальное заключение Генеральной Прокуратуры 1998 года. В «Сравнительном АНАЛИЗЕ», а это тоже официальный документ, говорится: «Соколов имел на руках документы, свидетельствующие о том, что лица, вывозившие трупы, вернулись без них и 17-18 июля привезли в район Ганиной Ямы около 170 л. серной кислоты и **бочку керосина (120-160 л)**. Учитывая, что при осмотре нашли дощечки от ящиков с кислотой, можно было с уверенностью предположить, что кислота использована для уничтожения трупов. Теоретически, версия Соколова могла иметь место, исключая лишь полное сжигание трупов на открытом месте с применением тех горючих веществ, которыми располагали участники их уничтожения».

А располагали они, как установило следствие Генеральной Прокуратуры РФ, **одной бочкой керосина**. Позднее, в 2007 году, отвечая на вопрос корреспондента Московского Комсомольца, которого интересовало почему сожгли только два тела, а не все, Соловьёв очень убедительно пояснил:

- Для уничтожения трупов у Юровского было около 170 литров кислоты и **бочка бензина**. Решение было такое - сжечь столько трупов, сколько получится, а остальные закопать.

Соловьёву важно внушить уверенность в том, что сжечь более двух трупов было просто невозможно. Не на чем было жечь. Горючим материалом Юровский запасся очень ограниченно. Всего лишь 120 или 180 литров. Этого, конечно, для одиннадцати трупов было недостаточно. Правда, только непонятно, на каком основании Соловьёв так уверенно во всех официальных документах утверждает таковой «факт». Юровский называет **три бочки керосина**, а этот «информатор» является для прокурора-криминалиста стержнем всего следственного производства. Сам же Соловьёв не раз без всякого колебания заявлял, что он считает «Записку Юровского» главным документом следствия, «объективно рисуя события, связанные с расстрелом и захоронением Царской Семьи), и никогда никаким сомнениям не подвергал того, что записал Покровский со слов Юровского по поручению Председателя ВЦИКа Калинина и никогда не обнаруживал в ней каких-либо несоответствий или неверно приведённых фактов. И вдруг такое противоречие...

Если попытаться представить себе что и как произошло на Ганиной Яме, когда туда вывезли трупы из дома Ипатьева, то картина там происходившая могла бы выглядеть примерно так: ранним утром приехали к руднику, окружили место верховыми, развели костёр, Юровский приступил к раздеванию трупов. Обнаруженные драгоценности были извлечены, а одежда сожжена на костре. Голые тела сбросили в шахту. В два часа дня (17 июля) Юровский покинул урочище и отправился в город консультироваться с начальством. Часа в четыре утра (это уже 18 июля) Юровский со всей заказанной горючей смесью прибыл на шахту. Это по официальной советской версии.

А по неофициальной, то есть на основе колчаковского следствия: 18 июля в семь часов утра две пустых бочки уже были возвращены заведующему складом, отправленные им накануне на Ганину Яму, а это значит, что за ночь с 17 на 18 июля сожгли 360 литров бензина и в первую половину дня ещё 160 литров. Следователь Н.А. Соколов на основе сведений, полученных в процессе расследования совершённого преступления, в своей книге «Убийство Царской Семьи) написал: «Многие видели, как возился бензин. Оценивая показания свидетелей, я утверждаю, что его было доставлено на рудник самое меньшее 40 пудов».

Сорок пудов - это шестьсот сорок литров, а информация, на основе которой Соколов делает такие выводы, представляется более достоверной чем то, что известно из так называемой «Записки Юровского». И естественно вызывает удивление необъяснимое упрямство прокурора-криминалиста, упорно утверждающего, что Юровский привёз одну бочку керосина. Зачем? Чтобы сжечь только два тела. На Ганиной Яме, по Покровскому, никаких тел не жгли. Жгли только одежду, жгли на костре без всякого керосина, ибо керосин Юровский привёз на следующий день, а в Поросёнковом Логу керосин вообще не употреблялся. Во всяком случае, таких сведений не существует.

Понятно, что Соловьёв своё демонстративное игнорирование свидетельств целого ряда лиц, между собой никак не связанных, представленных следствием Соколова, объяснять не считает нужным, несмотря даже на то, что аналогичная информация исходит из источника, который является главным аргументом всего постсоветского уголовного дела. Не считает он так же нужным объяснить, а куда же на самом деле делся керосин, та самая **одна единственная бочка**, которую привёз Юровский.

Очень точно написал в одной из своих газетных статей Николай Росс: «Постоянно испытываешь чувство, что в «Царском деле» ходом исследования руководят не биологи, археологи, историки, судебные врачи или следователи-профессионалы, а какие-то неясные и неподконтрольные общественные личности (ну не общественные, конечно*). Создаётся неприятное впечатление, что признаётся лишь то, что не удалось утаить». Действительно вот такой красноречивый пример: в отличие от «бочек с керосином», 170 литров серной кислоты постсоветское следствие упоминает неукоснительно, ибо существует документ широко известный и сей факт подтверждающий.

А там, где документа нет, можно в угоду собственных версий сочинять всё, что оказывается удобным. Никто не проверит и не уличит. «Возникла мысль часть трупов похоронить тут же у шахты. **Стали копать яму и почти выкопали, но тут к Ермакову подъехал его знакомый крестьянин**, и выяснилось, что он мог видеть яму. **Пришлось бросить дело**». Это цитата из «Записки».

Юровский в «Исповеди», следуя за Покровским и несколько добавив подробностей, написал: «Извлечение трупов (из шахты*) вышло делом не лёгким. К утру мы, однако трупы извлекли. Вывезли их поближе к дороге, и я решил похоронить Николая и Алексея. Мы **выкопали довольно глубокую яму**. Это было вероятно часов около 9 утра. **Кто-то заметил, что подъезжал мужик**. Был тут и Ермаков. Мужик этот оказался знакомым

Ермакова. Ермаков уверял, что мужик ни чего не видел, и он его отпустил... **Я решил отнести глубже в лес трупы** и снова отправился в город».

Старым большевиком Юровский рассказал, что когда трупы извлекли из шахты, он решил несколько трупов (значит не только Николая и Алексея*) похоронить прямо на дороге. **«Приступили копать яму, -** записано в стенограмме. - Она к рассвету почти была готова, ко мне подошёл один товарищ и заявил мне, что несмотря на запрет никого близко не подпускать, **откуда-то явился человек, знакомый Ермакова**, которого он допустил на расстояние, с которого было видно, что тут что-то роют, т.к. лежали кучи глины... он, несомненно не мог не видеть. **Яму решено было реставрировать».**

А вот ещё вариант этого эпизода из воспоминаний участника «уничтожения трупов Царской Семьи», некоего чекиста Сухорукова. Он пишет: «По извлечению трупы сложили недалеко от шахт и закрыли палатками, приступили к обсуждению, куда девать. Сначала решили вырыть яму прямо на дороге, закопать, и сильно снова заездить, но грунт оказался каменистым, и эту работу бросили». Есть и такая версия: бросили копать вовсе не от того, что появился вдруг какой-то мифический «мужик», догадавшийся якобы о тайном замысле Юровского, а по причине сугубо природного характера.

Интересно, что Соловьёв этот отрывок из воспоминаний Сухорукова приводит в своём «АНАЛИЗЕ», естественно никак не комментируя его и никак не опровергая то, что не согласуется с версией, представленной в «Записке», и не смущаясь так же тем, что, как и во всех предыдущих примерах, нет никаких свидетелей, которые бы подтвердили версию, идущую от историка Покровского. Сам же Соловьёв в «СПРАВКЕ» не мудрствуя лукаво, написал: «По указанию Юровского выкопали яму, но каким-то образом через оцепление к Ганиной Яме подошёл знакомый **П.З. Ермакова**. Опасаясь, что место захоронения может быть раскрыто, **Юровский приказал зарыть и замаскировать яму».**

В преамбуле к Постановлению о прекращении уголовного дела «О выяснении обстоятельств гибели членов российского императорского дома...» говорилось: «Старший прокурор-криминалист Главного следственного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации старший советник юстиции Соловьёв В.Н. рассмотрев материалы уголовного дела № 18/123666-93, возбуждённого 19 августа 1993 года, установил:»...

А **«установил»** прокурор-криминалист, если ещё раз внимательно прочитать приведённое выше, следующее:

Решение о расстреле было принято Урал советом.

Грузовик для перевозки трупов опоздал на полтора часа.

Юровский, во избежание мародёрства, сам решил сопровождать трупы до места их сокрытия.

Не доезжая до места сокрытия, натолкнулись на целый табор из ермаковской команды.

Грузовик застрял между двух деревьев через 3-4 км. После встречи с «ермаковцами».

Трупы с грузовика сгрузили на пролётки и увезли на Ганину Яму.

Обнаруженные в одежде драгоценности выпороли. Одежду сожгли на костре.

Убедившись, что место захоронения выбрано было неудачно, Юровский отправился в Екатеринбург.

На Ганину Яму Юровский привёз одну бочку бензина.

Вырыли яму. Появилось некое непредвиденное лицо. Юровский приказал яму зарыть и замаскировать.

Два трупа были сожжены, остальные закопаны посреди копяковской дороги.

К сведениям извлечённых из сочинения Покровского следует добавить некоторые собственные соловьёвские поправки. В одном случае это происходит от того, что Покровский, когда писал «Записку Юровского», не располагал теми сведениями, которые ныне доступны Соловьёву. Вот, например, Соловьёв во всех своих документах, публикациях, интервью, частных беседах говорит, что на Ганину Яму (как уже упоминалось) было привезено 170 литров серной кислоты. У Покровского такие сведения отсутствуют. В «Записке» написано только то, что Юровский, вернувшись в город вечером 17 июля начал «добывать всё необходимое — керосин, серную кислоту». И это понятно. Покровскому, когда он писал «Записку», недоступно было следственное дело Соколова, а только от Соколова стало известно, сколько кислоты Юровский привёз на Ганину Яму, ибо этот факт Соколов установил документально. Отсюда, конечно, возникают недоумения и вопросы к следователю Соловьёву: каким же образом в «Записке» появляются сведения об отрубленном пальце и челюсти Боткина, о чём Покровский знать не мог, ибо сведения сии также источником своим имеют книгу Соколова, которая ко времени появления «Записки» написана не была (если «Записку» писали в 1920 году, как утверждает прокурор-криминалист).

Или ещё:

В «Записке» написано: «Ком. сказал Р-ым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступать на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять». Юровский в своих «воспоминаниях» это подтвердил почти дословно. Из всех свидетельств, оставленных разными лицами, в отношении постановления Уралисполкома о расстреле Царской Семьи полной ясности нет, а оппоненты официальной версии вообще утверждают, что никакого постановления не было, и Екатеринбург выполнил директивное предписание, полученное из Москвы. Эту неопределённость постарался ликвидировать Соловьёв. В «СПРАВКЕ» он написал: «16 июля 1918 года состоялось официальное решение Президиума Уралсовета о

расстреле (поскольку в распоряжении следствия не имеется подлинного решения Президиума [нет и копии*], сейчас неясно, касалось ли это решение личности царя, либо Николая II, его семьи и лиц из окружения)».

А уже в «Постановлении» Соловьёв достаточно уверенно заявляет: «Несмотря на то, что официальных протоколов заседаний Уралсовета не сохранилось, по многочисленным воспоминаниям и иным (?) документальным свидетельствам можно считать установленным (а можно и не считать?*), что 16 июля 1918 года состоялось окончательное решение большевиков Урала о расстреле Николая II», и тут же следом, уже без всякого сомнения объявляет это событие установленным юридическим фактом: «16 июля 1918 года состоялось официальное решение Президиума Уральского Областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о расстреле. Подлинный экземпляр решения о расстреле не сохранился (но понятно, что он был*), однако существует ряд документов («ряд» может быть и существует, а вот о каких документах идёт речь - это вопрос*), которые позволяют (Соловьёву*) с достаточной степенью достоверности восстановить его текст».

Прокурор-криминалист утверждает: «16 июля состоялось решение»... Но почему-то, он никакого внимания не обращает на первые строки той самой «Записки», которую он называет «секретными воспоминаниями Юровского» и на основании которой ведёт всё расследование уголовного дела. А в «Записке» написано: «16 июля была получена телеграмма (в рукописи - телефонограмма*) из Перми на условном языке, **содержащая приказ** об истреблении Р-ых». И далее: «Грузовик в 12 часов не пришёл... Это отсрочило **приведение приказа** в исполнение». И это опять же очень принципиальный вопрос, на который должно было бы обратить внимание следствие Генеральной Прокуратуры. Ведь одно из двух: или «Решение» приняли в Екатеринбурге, или расстреляли по **приказу** из Перми.

У Соловьёва, конечно, свой собственный «искусственный отбор» и своя система доказательств: документов нет, но есть «достаточная степень» и «можно считать» и ничего больше не надо. Не надо никаких «убедительных доводов» и «вещественных доказательств». То, что не укладывается в рамки «следственных действий», можно просто не замечать. А нужный текст «восстанавливается» очень просто: переписывается печатное объявление, появившееся на улицах Екатеринбурга через несколько дней после «казни Николая Кровавого» и объявляется тем самым «решением Уралсовета». Так прокурор-криминалист обосновывает свою «доказательную базу». Можно себе представить, какой бы шквал хулы обрушился, если бы сие «жонглирование» исходило не из недр официального следствия, а от доктора исторических наук Буранова.

За пять лет «напряжённых следственных действий» прокурором-криминалистом было **установлено** то, что написал Покровский почти 80 лет назад в так называемой «Записке Юровского». Сам Соловьёв неустанно в разные годы ведения «расследования» утверждал, что именно по данным, приведённым в «Записке Юровского», удалось обнаружить в Поросёнковом Логу царские останки (правда в одном из интервью он откровенно заявил, что для власти место могильника в Поросёнковом Логу никогда не являлось секретом). Всё, что изложено в «Записке» у прокурора-криминалиста никаких сомнений не вызывает. Наоборот. Он пурстuously, в той же последовательности, почти дословно, представляет события так, как они изложены в сочинении Покровского. От Буранова Соловьёв требует «убедительных доводов» и «ссылок на документы», тогда как собственную персону выводит из круга таковой ответственности. Это, между прочим, всеобщая методология тех, кто лоббирует без всякого сомнения концепцию официального крыла.

К примеру: В «Исторической справке», представленной в Комиссию «Экспертной группой», в отношении главного документа говорилось следующее: «В Музее революции сохранился машинописный экземпляр рассказа Юровского, на котором его сын сделал надпись: «Копия документа, переданная моим отцом, Юровским Яковом Михайловичем, в 1920 году историку М.Н. Покровскому». Учитывая, что М.Н. Покровский был членом Президиума ВЦИК, **можно считать, что мы располагаем официальным отчётом о казни семьи Романовых**, сделанным непосредственным исполнителем и представленным в официальном делопроизводстве ВЦИК». Справка подписана Академиком-секретарём Отделения истории И.Д. Ковальченко, Главным государственным архивистом Р.Г. Пихоя и Директором Гос. Архива С.В. Мироненко, то есть административной «вершиной» нашей исторической науки, которая («вершина») без всяких сомнений и без научных изысканий установила автора «официального отчёта». А уже в самостоятельном труде (Исторический анализ основных документов о расстреле и захоронении...) Главный государственный архивист представил свою версию: «Записка» была написана Юровским «в 1920 году по просьбе члена ВЦИК, известного историка и государственного деятеля Советской России». По Пихоя Юровский написал свою «Записку» по просьбе Покровского, а по Соловьёву - Покровский сам записывал то, что ему рассказывал Юровский..

Или в нынешние времена из полемики директора Главного Архива страны Сергея Владимировича Мироненко с Сергеем Алексеевичем Беляевым на «Круглом Столе», организованном редакцией «Общественного русского журнала». Беляев высказал предположение, что некоторые сведения приведённые Покровским в «Записке», получены были им из документов, похищенных агентами ЧК из берлинской квартиры Соколова, незадолго до его смерти. Этим Беляев как бы пытался объяснить упоминание в «Записке» предметов, о которых Покровскому известно быть не могло. Мироненко с чувством своего ведомственного превосходства, достаточно иронично дав понять, что предмет сей не достоин научного обсуждения, сказал Беляеву:

- А вы попробуйте доказать это.

- Но Вы лучше меня знаете, - ответил Беляев, - что Покровского довольно широко использовала ЧК для выброса всякой дезинформации в страны Европы.

- Никаких доказательств этому нет. И спорить по этому поводу незачем - отрезал Мироненко.

В общем, Главный архивист страны прав; любое событие становится историческим фактом только тогда, когда он подтверждается документом. Раз нет доказательств, то и спорить не о чем. Правда Беляев вовсе не настаивал на том, что его предположение претендует на историческую достоверность. Но не в этом суть. Интересно посмотреть, как сам Мироненко доказывает свою правоту. Понятно, что Мироненко лицо официальное и его позиция не вызывает сомнения, но в то же время, и это надо подчеркнуть, он профессиональный историк, историк-архивный, а потому не понаслышке знает, что такое историческая наука и по какому пути должен идти историк к истине. Тем более, что сам он как-то на встрече с молодыми историками нравоучительно заявил: «Ходите в Архивы, изучайте их, думайте над документами, делайте свои выводы, но только честно»...

На том же «Круглом Столе» ведущий дискуссию А.Д. Степанов попросил Мироненко прокомментировать «Записку Юровского», о которой «много писалось, что - это подделка, что она написана известным историком-марксистом М.Н. Покровским». Мироненко без всяких исторических размышлений и без всяких сомнений заявил, что это «воспоминания Юровского». И уточнил:

- Это - запись рассказа Юровского, сделанная Михаилом Николаевичем Покровским. Именно поэтому это - рассказ от третьего лица.

- Значит «Записки», написанной рукой Юровского не существует? - спрашивает Степанов.

- Да, - отвечает Мироненко, - автографа, написанного рукой Юровского не существует и не существовало (в только что выше приведённой «Исторической Справке», подписанной тем же Мироненко, утверждалось совершенно противоположное*), поскольку эта, так называемая «Записка Юровского», есть запись воспоминаний Юровского, сделанная Покровским. Но существует печатный экземпляр, авторизованный Юровским (никто из членов Правительственной Комиссии никогда его, кроме Мироненко, не видел*).

- А что свидетельствует, что он авторизован?

Мироненко уверенно отвечает:

- Об этом свидетельствует графологическая экспертиза, проведённая в рамках следствия (членам Правительственной Комиссии она никогда представлена не была). Есть слова, которые Юровский исправил (какие?*), есть приписанная строка (какая?*), есть правка, сделанная его рукой (Мироненко, конечно, не конкретизирует какую именно «правку» он имеет в виду. Известна правка в машинописном тексте, которая касается разваливающихся телег, но она сделана не «рукой» Юровского, а рукой Покровского*). Графологическая экспертиза однозначно, в категорической форме подтвердила, что правка сделана рукой Юровского, а приписка о месте захоронения - рукой Покровского».

Попробуй вообще тут понять, что такое «правка», ибо содержание её не приводится. На машинописном варианте «Записки» Покровским сделано две «приписки»: одна та самая - где указано место, другая (не её ли именуют «правкой»?) является исправлением написанного текста (фактически правкой). Получается, что авторство этого «исправления» Мироненко никак, конечно, не объясняя, приписывает Юровскому. Мог бы Беляев при очередной встрече повторить главному архивариусу России его же уничижительный вопрос: «А вы, господин Мироненко, попробуйте доказать это».

На эту же тему, разоблачая Буранова, размышляет автор книги «Гибель Царской Семьи» И.Ф. Плотников. «Данный документ (имеется в виду «Записка Юровского») по важнейшим моментам, - пишет Плотников, - подтверждается другими источниками, первостепенного значения (никакие эти самые «источники» не приводятся и не называются*). И сочинить его (то есть «Записку») не только в деталях, но и в общем плане «главный фальсификатор» (заковывено в пику Буранову*) М.Н. Покровский никак не мог. Почему бы не предположить... и тут Плотников, отложив историю, уходит в лирику. Конечно, Юровский «малограмотный» и ему самому не под силу в эпистолярный вид привести свои собственные воспоминания, а оные, видимо, очень для каких-то надобностей большевикам нужны. И вот, восполняя малограмотность Юровского профессор М.Н. Покровский по указанию сверху, «скажем, того же Ленина (у Соловьёва в его литературных фантазиях эту роль выполняет Всероссийский староста*), записал и отредактировал рассказ Юровского, приведя его к удобочитаемому виду. Не извлечём ли мы, - романтически вопрошает Плотников, - когда-нибудь из «хранилищ за семью печатями» ещё один машинописный текст «Записки» с резолюцией: «Читал такого-то числа, Ленин».

И далее неожиданно продолжает: «Ю.А. Буранов и мысли не допускает, что такое могло быть. Подобный вывод историка С.В. Мироненко (уже «вывод», вроде бы чуть ли на факт*) он отвергает, не приводя никаких доказательств».

Оказывается это Буранов должен был Плотникову доказывать, что Ленин не приказывал Покровскому за малограмотного Юровского написать его воспоминания. Буранов, конечно, кость в горле официальной версии. И все приверженцы официальной точки зрения Буранова люто ненавидят и в один голос требуют от него «доказательств», «документов», «подтверждений», «убедительных доводов». Очень он, видимо, насолил многим, раскопав в архиве Покровского оригинал «Записки Юровского». Его и на том свете в покое не оставляют, поминая постоянно недобрым словом...

А для себя и своих единомышленников, естественно, никакие документы не требуются. Более того, можно в разное время один и тот же факт представлять в совершенно противоположенном виде. На выставке, посвящённой «следствию длиною в век» в залах подведомственного С.В. Мироненко учреждения, в качестве очень важного экспоната была представлена последняя страница машинописного текста так называемой

«Записки Юровского», на которой внизу, от руки было сделано две самостоятельные приписки. Одна - та, которую Мироненко на «Круглом Столе» определил как «правку, сделанную рукой Юровского», что действительности не соответствует, и другая - указывающая место «точного погребения», автором которой, как известно от того же Мироненко, является Покровский. Жаль, конечно, что не сочли устроители выставки важным представить первую страницу этой самой «Записки», где Юровским слово «телеграмма» было, как утверждает постсоветское следствие, исправлено на «телефонограмму».

Естественно, никаких «слов» или «приписных строк», авторство которых якобы принадлежат Юровскому, представлено на выставке не было. А под упомянутым экспонатом на этикетке было написано: «фрагмент Записки Юровского», то есть на выставке у себя в Архиве Мироненко авторизовал уже и приписку Покровского о месте захоронения, как автограф Юровского. Из того, что известно на самом деле: есть две «приписки», которые не раз публиковались. Первая - это некая правка к тексту и вторая, указывающая место могильника в Поросёнковом Логу. Обе эти «приписки» принадлежат «руке» историка Покровского. Это установлено документально. Причём, первая «приписка», которая является исправлением текста, написана карандашом. Вторая, указывающая место захоронения - чернилами. Официальное следствие утверждает, что позднее карандашная надпись кем-то была аккуратно обведена чернилами. Если бы на самом деле такое вмешательство постороннего лица имело место, то тогда непременно из-под чернил в разных местах проглядывал бы карандаш. Обвести безупречно точно мелкий и очень сложный рукописный текст мог бы только профессиональный реставратор-каллиграф, что маловероятно. Скорее всего, приписки сделаны были Покровским в разное время: карандашная раньше, когда «Записка» перепечатывалась, а чернильная - видимо почему-то попозже.

О приписках и правках, принадлежащих якобы Юровскому, известно только от лиц официальной ориентации. Публично эти мифические «приписки и правки» никогда нигде представлены не были, ни в оригинальном виде, ни в копиях, ни в публикациях, ни в словесном пересказе. Не известно даже приблизительное содержание этих приписок или правок.

В 1997 году Мироненко выступил, с докладом на тему «Деятельность Государственной Комиссии по расследованию гибели императора Николая II и Его Семьи» перед русскими эмигрантами в Париже. Естественно, вопрос коснулся «Записки Юровского».

- У нас в Архиве, - сказал Мироненко, - хранится специальное дело, которое было заведено во ВЦИКе о Николае II. В это дело вплетены воспоминания Юровского, на которых неизвестной рукой сделаны некоторые приписки. Причём есть принципиально важная приписка о месте, где Юровский зарыл останки... Была проведена экспертиза почерка приписок. Экспертиза дала абсолютно однозначное заключение. Приписки сделаны рукой известного историка Михаила Николаевича Покровского.

Значит в дело Николая II вплетены «Воспоминания» Юровского (тот самый «подлинник», вручённый советскому историку самим автором «воспоминаний», как утверждает Рябов), на которых какая-то сначала неизвестная рука, тут же ставшая рукой Покровского, как установила экспертиза, произвела все имеющиеся в тексте приписки, то есть все приписки принадлежат историку Покровскому.

Много лет спустя, в приведённой беседе за «Круглым Столом» тот же Мироненко заверил присутствующих в том, что уже не просто экспертиза, а «графологическая», то есть специальная, «однозначно» установила, во-первых, что «Записку» писал Покровский (однако в дело Николая II вплели «воспоминания» Юровского), а во-вторых, что Юровский является автором только «правки». В 1997 году эмигрантам Мироненко уверенно сообщил, что все правки и приписки сделаны были Покровским, а на «Круглом Столе» картина без всяких комментариев меняется в сторону официально принятой версии.

Таковыми чудесами переполнено всё соловьёвское следствие. В его собственном «Постановлении о прекращении дела», а это документ государственного значения, ибо исходит от имени Генеральной Прокуратуры Российской Федерации (это не частный эпистолярный Соловьёва), на основании которого Правительственная Комиссия, опять же от имени Государства, постановила признать останки подлинными, была приведена заключительная часть «Записки», которую Соловьёв аттестует как «воспоминания» Юровского. Он переписывает весь последний абзац этих «воспоминаний», в котором идёт речь о том как сожгли два тела, а остальные закопали прямо посреди дороги. «Забросав землёй и хворостом, - цитирует Соловьёв, - сверху наложили шпалы и несколько раз проехали - следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохрaнён вполне - этого места погребения белые не нашли». И с новой строчки Соловьёв пишет:

«В «Записке» Юровский упоминает точное место захоронения» (а далее, без смущения полностью приводит знаменитую приписку*) - «Коптяки в 18 в. от Екатеринбурга к северо-западу. Линия ж.д. проходит на 9 версте, между Коптяками и Верхисетским заводом. От места пересечения жел.дор. погребены саж. во 100 ближе к В.Исетскому заводу».

«Юровский упоминает». Это пишет прокурор-криминалист, который проводит расследование очень запутанного и вместе с тем очень трагического и очень важного для Российской истории события, и который прекрасно в то же время знает, что это «упоминание» принадлежит вовсе не Юровскому, что точное место захоронения вписано собственноручно Покровским в машинописный текст документа, им же сочинённого. Да Соловьёв не только об этом знал, он об этой своей осведомлённости оставил весьма заметный след. Отвечая на вопросы своего предвзятого собеседника, он очень определённо сказал:

- В конце машинописного текста (то есть там, где Юровский упоминает) есть дописка, сделанная

рукой Покровского М.Н., точно обозначающая место захоронения останков девяти человек.

В той же брошюре, где Соловьёв берёт у себя интервью, в качестве иллюстрации была представлена та самая последняя страница машинописного текста с правками Покровского, которая также, как и на выставке в Главном Архиве, обозначалась как «Фрагмент Записки Юровского». Вот так у Соловьёва и у Мироненко получается - в одном случае автором приписки является Юровский, в другом - Покровский, в третьем как бы «с правками Покровского», но в то же время на «Записке Юровского», а «Записку» написал Покровский, то ли сам, то ли под диктовку Юровского.

А уж совершенно во лжи запутавшаяся мадам Розанова (как некоторые утверждают, это псевдоним «творческой группы», работающей под руководством следователя Соловьёва) в своём обширном «манускрипте», который сам патрон Соловьёв определил как глубоко-научное сочинение, написала: «Экземпляр «Записки» с рукописными правками наглядно демонстрирует, что готовый текст дорабатывался и Юровским, который внёс уточнения, и Покровским, который дописал карандашом, а после для **надёжности обвёл чернилами дополнение, сделанное Юровским - координаты места захоронения.**

Покровскому, как историку и архивисту они показались наиболее значимыми». И эту беспардонную фантазмагорию Соловьёв считает «по-настоящему ценным научным трудом». Такова, видимо, действительная цена нынешней российской криминалистической науки.

ЧТО УСТАНОВИЛО ПОСТСОВЕТСКОЕ СЛЕДСТВИЕ?

Если отойти от тяжести собственного опыта и абсолютно беспристрастно и внимательно прочитать всё, что написал прокурор-криминалист, пытаясь понять логику его следственных действий, то постоянно будешь оказываться в состоянии полного недоумения. Действительно. Кто приписал место точного погребения трупов: Юровский или всё же Покровский? И приписал ли на самом деле Юровский слово «телефонограмма» на машинописном экземпляре загадочной «Записки», или никаких пометок он вообще не делал, в чём уверен был Буранов. Сколько костров было, один как утверждает Соловьёв, на котором сжигалась одежда, или три, причём главный костёр по документам колчаковского следствия, занимал площадь три метра на три, то есть девять квадратных метров. Откуда взялась одна бочка керосина и почему Соловьёв так упрямо настаивает на этом количестве, хотя есть целая серия свидетельств, достаточно убедительных, опровергающих заверения криминалиста. Только лишь от того, чтобы не возникала мысль о полном сожжении трупов на Ганиной Яме.

Много загадок оставляет всё, что связано с керосином или бензином и с сожжением двух тел в Поросёнковом Логу. В брошюре Соловьёв как-то странно приводит довольно любопытные сведения. Опровергая версию Соколова о сожжении всех тел на Ганиной Яме, которая основывается на обнаружении костных фрагментов, разрубленных, обожжённых и подвергнутых действию какого-то «агента», Соловьёв приводит такой аргумент: оказывается, как он утверждает, «даже при интенсивном горении тел в условиях крематория остаётся не менее трёх - пяти килограмм обгоревших костей» (от одного тела¹), то есть если это на самом деле так, то Дитерихс и Соколов «должны были обнаружить не несколько обгоревших косточек, а костную массу весом не менее тридцати - пятидесяти килограмм». И приходит к выводу, что сжечь в лесу одиннадцать тел за то время, которое большевики провели на Ганиной Яме (а это более сорока часов) «даже при условии применения неограниченного количества бензина, керосина и серной кислоты невозможно».

Такое «научное обоснование» горения мёртвых тел невольно с Ганиной Ямы уводит в Поросёнков Лог, где Юровский за два часа без употребления горючих смесей (керосина и бензина), на древесном материале, обнаруженном в ближайшем лесном окружении (сухие дрова в Поросёнков Лог, как на Ганину Яму, не привозили, ибо застряли там совершенно случайно; никто таковой коллизии не предусматривал) полностью сжёг два тела. Когда было найдено захоронение, из которого извлекли останки, принадлежащих как утверждает следствие, детям последнего русского Императора, то оказалось, что от двух тел сохранилось всего лишь около семидесяти граммов мелких косточек, а вовсе не «костная масса» весом около десяти килограмм, как того требует прокурор-криминалист от Дитерихса и Соколова.

В выше упоминаемой полемики Беляева с Мироненко, первый по этому поводу высказал своё недоумение.

- Согласно официального документа, - сказал он, - который был представлен в Комиссию за подписью Главного судебного медицинского эксперта России, на сжигание тела в условиях интенсивного горения при условии поливания керосином или бензином нужно от 24 до 48 часов. Они провели следственный эксперимент по сжиганию тел. Как могли сжечь два тела за полтора часа максимум?!

- А почему Вы решили, что сжигали эти тела? - поправил Беляева Мироненко. - У Юровского этого нет (как нет? В «Записке» определённо говорится: «хотели сжечь А-я и А.Ф. но по ошибке вместо последней с А-я сожгли фрейлину», и в «Исповеди» он это повторил: «Место, где были сожжены трупы...» *). Зачем они начали закапывать тела? Да потому что убедились, что их нельзя сжечь, то есть их пытались сжечь, но не сожгли (вот так у нас ловко официальные лица жонглируют фактами в зависимости от возникающих ситуаций*).

Но если их не сожгли, то тогда чья же это та самая горсточка косточек, которые были выкопаны в 2007 году?

На этот вопрос своему неутомимому собеседнику уверенно отвечает соратник и единомышленник

господина Мироненко почему-то совершенно противоположное:

- Останки представляют собой обожженные осколки костей и зубы общим весом 70 граммов. Из воспоминаний Юровского мы знаем, что тела Царских детей сначала жгли, потом полили кислотой (это утверждает Соловьёв, хотя ему лучше, чем кому бы то ни было известно, что «Комплексная медико-криминалистическая экспертиза» установила, что «следов воздействия **огня, кислот, щелочей и иных агрессивных жидкостей**, разрушающих биологические ткани, на фрагментах костей **не выявлено***»).

Неискущённому во всех сложных коллизиях, связанных так или иначе с «Царским делом», не сразу удастся понять, что же на самом деле происходит, чьи эти 70 грамм костных фрагментов, «обретённые» на «Старой Коптяковской дороге», которые то ли «пытались сжечь, но не смогли», то ли просто закапали, или всё же «сожгли, а потом полили кислотой», воздействия которой, однако, на костных останках не обнаружено.

Это всё из той же «системы двойных стандартов». От Беляевых и Бурановых требуются доказательства, а для себя: «если я так считаю, то это правильно». Поэтому прокурор-криминалист очень вольно обращается с документами и свидетельствами, которыми следствие располагает. Некоторые без всякого анализа и криминалистического изучения превращаются в установленный факт, другие, так же без следственных действий, объявляются несостоятельными, а что-то вообще не имеющее никаких свидетельств, становится официально признанным историческим событием.

Таким красноречивым примером служит соловьёвское следствие, которое **установило**, что Покровский добросовестно под диктовку Юровского записал за ним его рассказ о том, что произошло в доме инженера Ипатьева и позднее в урочище Четырёх Братьев, и что оба они тут же на первом машинописном экземпляре оставили свои автографы.

Приписка Покровского о точном месте могильника в Поросёнковом Логу известна. Её часто Соловьёв приводит полностью, в одних случаях как написанную советским историком, в других - Юровским, что само по себе на информацию в ней заключённую никак не влияет. Именно эта «приписка», как утверждает прокурор-криминалист явилась той ариадниной нитью, которая привела Рябова в Поросёнков Лог. В «СПРАВКЕ» этот «факт» установлен следствием. Как там сказано: «К моменту раскопок Г.Т. Рябов располагал экземпляром «Записки Юровского», переданного ему сыном Юровского - адмиралом А.Я. Юровским, где было указано место захоронение трупов». Тоже Соловьёв повторил дословно в «Постановлении о прекращении уголовного дела». Это, конечно, очередное и очень ловкое жонглирование юридическими фактами, ибо есть единственный экземпляр с «припиской» того самого «точного места», сделанной рукой Покровского, который находится на хранении в Главном Архиве в деле Николая II. Естественно, в «Записке», которую Рябов передал Юровский-сын, ничего указано не было, что подтвердил даже такой верный и преданный заединщик Соловьёва, как Авдонин. В своей книге он написал: «Следуя «Записки Юровского», места сокрытия останков не найти» (это изречение Авдонина надо запомнить*). Да и сам Рябов в своих публикациях и выступлениях никогда на приписку Покровского о месте точного захоронения не ссылаясь. Этот якобы следствием установленный «факт» для убедительности придумал «прокурор-специалист по особо сомнительным делам» В.Н. Соловьёв.

Противоречия документальные и свидетельские очень характерны для постсоветского следствия. И это - одно из многочисленных. Но сам предмет, о котором речь, то есть «приписка», указывающая место захоронения, не раз тиражировалась: известен её текст, известен почерк. А вот мифическая «правка», сделанная якобы Юровским, часто упоминаемая, но в то же время нигде никогда зрительно не подтверждалась. В одних случаях это нечто абстрактное - что-то «внёс», что-то «исправил», иногда называется слово «телеграмма», а часто за авторство Юровского выдаётся вторая приписка Покровского, которая никогда самостоятельно ни в каких документах следствия и Правительственной Комиссии не фигурировала. Может быть, считается, что информация в ней изложенная, никакого следственно-юридического интереса не представляет. На первый взгляд, возможно, это и так, если особенно не вникать в суть...

Из «Записки» известно, что Юровский провёл почти весь день 17 июля в городе, общаясь там с членами Уралсовета, с которыми определил новое место для сокрытия трупов - на 8-ой версте по Московскому тракту, где имелись очень глубокие шахты, заполненные водой. Тогда же было решено, что на эти шахты вместе с трупами прибудет отряд чекистов, который «под предлогом обыска арестуют» всех, кто там окажется. Обследовав это место, Юровский вернулся в город. В половине первого ночи он выехал на Ганину Яму с телегами, взятыми из тюрьмы, на которых везли добытое «всё необходимое» - кислота и керосин. По «Записке» получается, что никакие грузовики с бензином на Ганину Яму не приходили. Всё привёз Юровский на лошадях. А то, что видели свидетели - ящики с флягами и бочки с бензином - постсоветское следствие в расчёт не принимает.

«Это был уже второй день» - 18 июля.

Когда рассвело, на Ганиной Яме началась бурная деятельность. «Возникла мысль часть трупов похоронить тут же у шахты». Юровский выслал кого-то из своего отряда в Коптяки предупредить, чтобы никто оттуда не выезжал, а сам приступил к захоронению тел. И тут опять является очередная загадка, каковые постоянно возникают в сочинении Покровского. Как выше говорилось, Юровский в Екатеринбурге определил дальнейшие действия, связанные с сокрытием Царственных тел. Решено было трупы увезти на глубокие шахты и там утопить. Юровский для этой цели заготовил в качестве груза камни и верёвку. Но вернувшись на Ганину Яму, почему-то меняет согласованный в Екатеринбурге стратегический план. Причину такового изменения Покровский не объясняет. Юровский даёт команду, чтобы вырыли глубокую яму, но тут вдруг объявляется

некий мифический субъект. К тому же выясняется, что и телеги, на которых он только что привёз бочки с бензином и ящики с кислотой, никуда не годятся, стали разваливаться. Юровский бросает всё и снова отправляется в город, теперь уже за машинами.

В «Записке» так и сказано: «Так как телеги оказались непрочными, разваливались, ком. отправился в город за машинами (грузовик и две лёгких, одна для чекистов)». Этот абзац в машинописном тексте Покровского отмечен автором скобкой, а внизу тем же почерком, что и «место точного захоронения», в качестве исправления написано: «Телеги ломались ранее (где ранее, когда - это не уточняется*), машины понадобились, чтобы везти на глубокие шахты, причём до самого места временного погребения (то есть до Ганиной Ямы*) машины не могли прийти, поэтому телегами всё равно пришлось пользоваться. Когда пришли машины, телеги уже двинулись - машины встретились с ними на ½ версте ближе к Коптякам»

Покровский изменил картину, ранее им сочинённую: трупы вывезли от рудника на телегах, несмотря на то, что телеги ломались^ и, что очень важно, комендант в город больше не уезжал. Это более похоже на правду... Все проблемы Юровский уже решил накануне: и с «новым местом» сокрытия трупов, и с машинами, и с керосином. Нечего ему было делать в городе, что Покровский прекрасно понимал. Ему важно было подчеркнуть, что «машины до Ганиной Ямы дойти не могли». Поэтому «поломанными телегами всё равно» продолжали пользоваться. Покровский очень на этом старается акцентировать внимание. В то же время ничего страшного на Ганиной Яме не происходило. Сожгли только одежду, а «самых» сбросили в шахту, так просто, временно. Правда, непонятно зачем понадобилось «заваливать шахту при помощи ручных гранат», если она «заранее была предназначена» стать местом временного пребывания трупов и потом их долго оттуда извлекали, складывали на глиняной площадке, пытались закопать, а когда из этого ничего не вышло, бросив всё, с трудом выбирались на поломаных телегах из этой глухомани на коптяковскую дорогу. Непонятно также во всей этой неразберихе, зачем на Ганину Яму приезжал Голощёкин. Соколов считал, что он там побывал дважды. Последний раз Голощёкин приехал на рудник вечером 18 июля и пробыл там всю ночь.

Интересно, что Юровский в 1922 году полностью подтверждает первоначальную версию Покровского, очень разукрасив оную мелкими подробностями для большей «мемуарной» убедительности. После того, как пришлось вырытую яму «зареставрировать», Юровский «снова отправился в город», решив, как он пишет, «на всякий случай запастись ещё одним местом... Добыв автомобиль, отправился на Московский тракт к тем шахтам, о которых накануне говорил Чуцкаев». Проведя весь день сначала на Московском тракте, а потом в городе, где он «добыл» два грузовика, легковой автомобиль, провиант для оголодавшей команды на Ганиной Яме и камни с верёвками, чтобы топить трупы, Юровский в половине десятого со всем этим грузом пересёк железнодорожный переезд № 184, верстах в двух от которого встретил «движущийся караван с трупами». Это написано в «Исповеди».

В 1934 году, на встрече со старыми большевиками, Юровский в своём рассказе следует уже не первоначальной версии, изложенной якобы им в кабинете Покровского, а тому, что «приписал» позднее советский историк. В город он уже не уезжал и весь день 18 июля, после того, как закопать трупы не удалось, без дела просидел у шахты возле безжизненных тел своих жертв, гоня комаров и дожидаясь, когда наступит время трогаться в путь в некую неизвестность. Так и записано в стенограмме: «Дождавшись вечера, мы погрузились на телегу»...

Прокурор-криминалист утверждает, что Покровский записал за Юровским его рассказ о том, как была убита Царская Семья. Если согласиться с тем, что следствие Соловьёва этот факт установило, то это значит, что вся история, произошедшая после того, как «яму решено было реставрировать», записана со слов Юровского, и что как упоминалось выше, он повторил через два года в своей «Исповеди». Однако в следующем своём «повествовании» Юровский нарисовал картину совершенно иную, ту что от руки приписал Покровский. Следствие Соловьёва по этому поводу никаких комментариев не оставило. Но в то же время, опять же от Соловьёва известно, что после того, как Покровский записал рассказ Юровского, «запись перепечатали на пишущей машинке» и тут же оба «заметив некоторые погрешности» их исправили. Что именно исправили - Соловьёв не уточняет, но из общего повествования можно сделать вывод, что сюжет с отъездом в город и встреча с «движущимся караваном» правке подвергнут не был.

Когда Покровский сделал «приписку», неизвестно. Во всяком случае, не тогда, когда встречался с Юровским, как утверждает Розанова. Позднее. И вряд ли по собственной инициативе. Значит, были к тому какие-то обстоятельства. И Юровский следом изменил свой рассказ. Значит, должен был изменить. Такая необъяснимая перемена «исторического события» указывает только на то, что в 1922 году, когда писалась «Исповедь палача», Покровский ещё никаких «правок» в текст им сочинённый, не вносил. Ни первой, в которой не упоминалось об отъезде в город, ни второй - указывающей точное место захоронения. А это уже наводит на мысль, что в 1922 году Царской могилы просто как таковой не было. Легенду очень туманную на всякий случай Покровский сочинил, а необходимость сооружения захоронения наступила несколькими годами позднее, о чём может косвенно свидетельствовать фотография, найденная и пущенная в публичный оборот прокурором-криминалистом, с указанием, как он утверждает, что съёмка была произведена в 1924 году.

На фотографии изображена группа екатеринбургских большевиков во главе с Голощёкиным, снятая в Поросёнковом Логу на месте «погребения семьи Романовых». Это не пикник у урочища Четырёх Братьев и не туристический экскурс на царскую могилу, в чём пытается убедить криминалист Соловьёв, а скорее финальный момент, символизирующий завершение некой таинственной акции. Конечно, прямых

подтверждений тому нет, но в то же время, размышляя логически, можно представить причину, которая вдруг привела на глухую коптяковскую дорогу всю партийную верхушку уральской столицы. А то, что эта «акция» имеет характер запланированного мероприятия, можно судить по самой фотографии. Такие постановочные фотографии всегда символизируют окончание торжественной встречи, или какого-то знаменательного события. Все смотрят в объектив, все хорошо видны, собранные в плотную группу, кто-то расслабившись прилёг, облокотившись на руку, кто-то присел на корточки. Атмосфера как бы дружеской непринуждённости и в то же время - особой значительности. Нет Юровского. Но он уже в 1921 году благополучно обосновался в Москве.

*** '

НА СТАРОЙ КОПТЯКОВСКОЙ ДОРОГЕ

Покровскому, когда создавалась так называемая «Записка Юровского», недоступна была информация о Соколовском расследовании. А теми сведениями, которыми располагал, он манипулировал в зависимости от их пригодности или непригодности для создаваемой им картины. В частности, не мог он не знать, что грузовик с трупами дошёл до самой шахты, а не остановился неизвестно где, как утверждает «Записка». У него трупы перегрузили на пролётки там, где встретился «табор» Ермакова. По тому, что написал Покровский вообще не понятно, пересекал ли, или не пересекал железнодорожный переезд грузовик. И это не случайно. Покровский умышленно запутывал ситуацию, чтобы не привлекать особого внимания к Ганиной Яме. Это Марк Касвинов мог спокойно написать: «Дойдя до урочища, грузовик углубился в лес». Касвинов досконально проштудировал книгу Соколова, а Соколов в отличие от Соловьёва, свои выводы делал на основании свидетельских показаний разных лиц. Он установил, что грузовик не остановился с трупами где-то на коптяковской дороге, как это следует из «Записки», а дошёл до самой шахты, и что Ганина Яма уже за несколько дней до убийства Царской Семьи была тщательно обследована Юровским, который, когда трупы увозили из Ипатьевского дома, знал куда их надо везти и зачем. Задача, которая стояла перед Покровским, была прямо противоположной той, какую озвучивал Касвинов. Для последнего всё было ясно, не нужно было хитрить. Царя и Семью расстреляли, увезли в урочище Четырёх Братьев, где «трупы сложили попеременно с сухими брёвнами, облили керосином и подожгли», а прах утопили в болоте. Ничего не выпарывали, никаких бриллиантов никто не находил, никаких «корсажей» с зашитыми драгоценностями Юровский не обнаружил, никакой одежды на костре не жгли и трупы в шахту не бросали.

По сценарию Покровского ничего приготовлено не было. Ермаков опоздал чуть ли не на два часа Юровский на рудник попал впервые. Место куда привёз Ермаков оказалось неподходящее. Некий его же мужичок напугал всю команду, что заставило Юровского свернуть «операцию», зарыть только что выкопанную могилу и бежать в неизвестность на поиски нового места, когда уже от ненужных свидетелей деться было некуда. Это так чудесным образом произошло, что застряли на дороге и от безвыходности, когда вытащили из болота грузовик, на том самом месте, где онный несколько часов буксовал, вырыли яму, свалили туда трупы, соорудив над ними мостик из шпал, по которому тот же грузовик благополучно «несколько раз проехал», уже больше нигде не застревая.

И тоже за чудо надо принять то, что в Поросёнковом Логу страх покинул всю команду. Никакого оцепления Юровский не организовал. Не смущало его соседство путевого сторожа, домик которого виден был за деревьями, и обитатели его. А там кроме самого хозяина и его семьи, заночевали дачники на трёх подводах, которые уже два дня ждали, когда откроется путь на деревню. Команда Юровского работала, не обращая никакого внимания на таковое соседство. Копали, жгли костёр, жгли тела. От забора у переезда выломали доски, утащили шпалы, накачали на глазах у путевого сторожа воды из его колодца, оставили брошенные керамические фляги. Об этом в своём «ценном научном труде» без тени сомнения пишет мадам Розанова: «Опустошённые кувшины из-под кислоты чекисты бросили по небрежности, не считая их важной уликой», которые по свежим следам ни путевого сторож, ни «примитивный» колчаковский следователь, естественно, не обнаружили. Вообще надо сказать, что с керамическими фрагментами тоже не всё ясно. Почему-то бочки из-под керосина увезли в Екатеринбург, а кувшины оставили чуть ли не на самом тайном месте. А потом их кто-то превратил в черепки, которые (опять же без мистики тут не обошлось), объявились в обоих могильниках. Соколов, например в 1919 году, никакой керамики не откопал, хотя кувшины у шахты освободили от деревянной упаковки. Так же среди «массы интересного», что нашёл Авдонин на Ганиной Яме в 1998-2000 годах, керамических черепков не было. Их нашли в Поросёнковом Логу, последний раз через восемьдесят девять лет, причём в каждом захоронении всего по несколько черепков...

Это на Ганиной Яме соблюдали конспирацию. Там выстроили плотное кольцо охраны, которая блокировала несколько километров коптяковской дороги, куда никого под страхом смерти близко не подпускали и куда, опять же каким-то чудесным образом, пробрался некий тип, спугнувший Юровского. Не случись этого казуса, или чуда, не явись «некто» и не вошёл бы в историю ныне знаменитый Поросёнков Лог, ибо пришлось бы Покровскому хоронить Царскую Семью и их верных слуг, не взирая на то, что «место оказалось непригодным», возле той самой мелкой шахты в урочище Четырёх Братьев.

Но всё как-то само собой складывалось удачно, и все сложности возникавшие на пути оборачивались вдруг самым наилучшим образом. Да и вся история с обретением царской могилы в перестроичные годы без чудесных совпадений не обошлась. Это же надо было так случиться, что два «лица» (Радзинский и Рябов), никак и ничем между собой не связанные, и наверное, вовсе друг о друге ничего никогда не слышавшие, одновременно, в один и тот же год находят и в один и тот же месяц (май 1989) публикуют в журналах, идеологически непримиримых, ту самую «Записку Юровского» с сенсационным объявлением об обнаружении могилы Императора Николая II и Его Семьи. «Записка», ими воспроизведённая, с одной стороны, безусловно, является одним и тем же документом, но в то же время это не два экземпляра одного и того же текста, то есть один экземпляр не есть копия другого. Имеется большое количество мелких (не принципиальных) разночтений, которые должны говорить о том, что их публикаторы действовали независимо друг от друга и имели каждый свой собственный источник информации.

О чудесах, предшествовавших обретению могилы Цесаревича и его сестры, очень душещипательную историю поведал прокурор-криминалист своему собеседнику, к которому (то есть к самому себе) к концу их встречи преисполнился чувством искреннего доверия, ибо пускаться в мистические откровения с лицом противомыслящим, конечно бы, не стал. А поведал Соловьёв о том, что в те времена, когда с останками детей Императора ситуация складывалась совершенно безнадежно, по его заказу в каком-то монастыре (?) был написан образ Цесаревича Алексея «с птичкой», перед которым, как он рассказал, молились его «товарищи (из Следственного комитета?*) в надежде найти Царственных брата и сестру». И тут же стала происходить череда необъяснимых событий. Первое произошло не в Отечестве нашем, а явилось из-за океана. Оказалось, что три года к ряду перед «списком» с иконы, написанной по заказу прокурора-криминалиста, в Храме Гроба Господня молились две христианские души. Видимо некая мистическая связь озарила их там на Святой Земле и в 2007 году обратились они к самому Соловьёву, - а к кому же можно ещё обращаться, только к «хранителю всех тайн Старой Коптяковской дороги» - с просьбой рассказать, «откуда появилась подобная икона». Надо заметить, икона, не простая, а чудотворная, ибо списки делаются с икон особо почитаемых, каковые у нас теперь стали являться не чудесным образом, а пишутся по заказу Следственного Комитета, и им же, наверное, потом «списки» с оных рассылаются по нужным адресам.

- Я рассказал историю создания иконы и порадовался тому, что Господь услышал молитвы о Царской семье и её верных слугах.

Не только услышал, но по молитвам неких «товарищей» и безымянных православных из Соединённых Штатов навёл на место тайного сожжения Царских детей.

Другая история, о чём так же поведал прокурор-криминалист своему собеседнику, прибыла из Малороссии (опять не из Отечества нашего, многострадального) от некоей рабы Божией, которой после того, как она прочитала книгу И.Ф. Плотникова, стал сниться один и тот же сон. Дальнейшую историю Соловьёв изложил очень реалистично:

- К ней приходила Богородица (вроде как бы в гости*) и говорила о том, что нужно искать Царских детей неподалёку от первого захоронения. Женщина (все персонажи, связанные с криминалистической мистикой, личности абстрактные*) каждый день молилась об обретении мощей... За несколько дней до того, как были найдены останки детей, письмо этой православной женщины пришло в адрес Генеральной прокуратуры России.

Генеральная прокуратура, надо полагать, в лице прокурора-криминалиста, информацию, извлечённую из этого письма, срочно употребило в дело и обрело искомое...

А вот ещё чудо из чудес. Дошло оно до нас из далёкой Африканской глуши от правоверного идолопоклонника, к коему, после того как он начался сочинений самого криминалиста Соловьёва про «Старую Коптяковскую дорожку», как и некоей рабе Божией, стало в гости навеваться по ночам потустороннее существо, которое рассказало, что лет восемь назад одно очень известное лицо копало года два к ряду вокруг Ганиной Ямы, и нашло там грунт из «открытой шахты», не промытый в своё время колчаковским следователем. И таинственно надоумило: «Искать Царских детей нужно неподалёку от первого захоронения».

Ну а, если серьёзно, то сугубое чудо на самом деле произошло (без молитвы «товарищей» тут не обошлось), когда могила Царских детей была вскрыта. Надо же суметь так ловко сжечь два трупа, а их жгли не одновременно, а порознь, чтобы в семидесяти граммах (а в интервью газете «Культура» Соловьёв называет даже меньше - «ящичек граммов 60 на двоих») оставшихся костных фрагментов и извлечённых из могильника, сохранилось всё, что было нужно для завершения уголовного расследования: «останки мальчика и девушки» по 30 - 35 граммов для каждого, пять зубов (остальные на этот раз сгорели), кость «от черепа Цесаревича Алексея», на которой остался след от пули, три разнокалиберные пули (а «целая обойма патронов», которая была «израсходована на добывание» Наследника, прошла, естественно насквозь худенького тела и застряла где-то в подвальном помещении), кусок чёрной массы, определённый как недогоревший обрывок от тельняшки Цесаревича и, конечно, неременный «вешдок» постсоветского следствия - осколок от керамического сосуда. «Мы нашли элементы всех отделов скелета», - заявил уральский антрополог Ражев. Вот так, от каждого «элемента» не догорело ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы поставить последнюю точку во всей этой мрачной екатеринбургской истории.

И обнаружена могила была, как бы в насмешку, в двух с половиной метрах от той границы, которой закончились археологические поиски девяностых годов прошлого столетия. Не повезло тогда. Всего три шага отделяло археологов от места, которое они искали не один год. Такие неудачи встречаются в жизни

постоянно, и удивляться было бы нечего, если бы не череда бесконечных чудесных совпадений, а когда чудеса становятся обыденным явлением, невольно начинаешь подозревать их присутствие даже, казалось бы, в самом что ни на есть бытовом событии ...

* '

А началось всё в тот памятный 1918 год. 4 июля Юровский вошёл в дом Ипатьева. Этим числом Государь Император оставил в своём дневнике такую запись: «Сегодня произошла смена коменданта». В тот же день Белобородов отправляет телеграмму на имя Председателя ЦИКа Свердлова, как там указано, для Голощёкина, который в это время находился в Москве. В телеграмме докладывалось: «Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен»... В «Исповеди» Юровский, несколько напутав с числом, этот факт подтвердил: «7 — 8 июля я отправился вместе с председателем Областного Исполнительного Комитета Совета Урала тов. Белобородовым в дом Особого Назначения, где и принял должность коменданта от бывшего коменданта тов. Авдеева».

Авдеев был уволен вместе со всей внутренней охраной, которая состояла из рабочих местной фабрики братьев Злоказовых. На смену Юровский привёл интернациональную команду, как он пишет, «известных закалённых товарищей» (то есть профессиональных убийц) из областной Чрезвычайной Комиссии. «Юровский сел в дом Ипатьева 4 июля и через несколько дней привёл туда палачей», - написал Соколов, а Павел Медведев на следствии сообщил: «В самом Доме особого назначения помещались тогда только одни латыши».

С этого момента судьба Царской Семьи была определена, что Юровский подтвердил в своей «исповеди» «Когда я вступил в должность, - написал он, - вопрос о ликвидации семьи Романовых уже стоял». 10 июля Голощёкин сказал Юровскому, что в ближайшие дни Романовы должны быть «ликвидированы», и что теперь уже «надо к этому готовиться». Олег Платонов в своей книге «Убийство Царской Семьи» написал: «Юровский готовился к убийству тщательно. 11 июля он с Ермаковым бродит вдоль Коптяков в районе Ганиной Ямы, подыскивает место... Войков готовит кислоту, керосин, спирт, сукно»...

В «Записке» Покровского сказано: «16-го в 6 часов вечера Филипп Г-н предписал привести приказ (который пришёл из Перми*) в исполнение». Юровский в «Исповеди», повторяя сам факт, в то же время меняет «заказчика»: «16 июля 1918 года часа в 2 днём ко мне в дом приехал товарищ Филипп и передал постановление Исполнительного Комитета о том, чтобы казнить Николая», а старым большевикам он сказал, что об этом Голощёкин ему сообщил накануне утром, то есть 15 июля. И добавил: «15 же я приступил к подготовке, так как надо было сделать всё это быстро». Следствие Соколова подтверждает это число. На допросе монашенка Ново-Тихвинского монастыря Антонина показала Соколову: «2 (15) июля Юровский нам приказал принести на следующий день полсотни яиц и четверть молока, и яйца велел упаковать в корзину». Соколов резюмирует: «15 июля ранним утром Юровский уже собирался на рудник и заботился о своём питании», и продолжает: «Утром 15 июля, наказывая монахиням принести ему яиц, Юровский знал, что в лесных дебрях он будет терзать детские трупы».

16 июля часов в семь вечера Павел Медведев по приказанию Юровского отобрал у всех караульных револьверы и отнёс их в комнату коменданта. В «Записке» Покровского написано: «Тем временем были сделаны все приготовления: отобрано 12 человек (в т.ч. семь латышей) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение». В «Исповеди» Юровский этот эпизод несколько конкретизирует: «Вызвав внутреннюю охрану, - написано там, - которая предназначалась для расстрела Николая и его семьи, я распределил роли и указал, кто кого должен застрелить. Я снабдил их револьверами системы «Наган». В той же палаческой исповеди Юровский вспоминал то, что произошло в ту кровавую ночь. «Первым выстрелил я и наповал убил Николая. Пальба длилась очень долго. Мне долго не удавалось остановить эту стрельбу, принявшую безалаберный характер. Но когда наконец мне удалось остановить, я увидел, что многие ещё живы... Я вынужден был поочерёдно расстреливать каждого».

Сцена расстрела в «Записке» Покровского представлена несколько иначе: «Затем началась стрельба, продолжавшаяся две - три минуты... многие были ещё живы... их пришлось пристреливать... Благодаря этому, вся процедура, считая проверку (щупанье пульса и т.д.) взяли минут двадцать». По Покровскому получается, что с того момента, как Семью разбудили и до вывоза уже безжизненных тел на Ганину Яму, прошло меньше полутора часов. Ермаков приехал в половине второго, одевались и собирали вещи полчаса, значит, ровно в два часа спустились вниз, какое-то время ушло на ожидание, сама экзекуция длилась в общей сложности двадцать минут. «Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, выслан, сукном, чтобы не протекла кровь. Тут начались кражи, пришлось поставить трёх надёжных товарищей... Под угрозой расстрела всё похищенное было возвращено». Юровский вслед за Покровским описывая эту сцену, насыщает её «подробностями». «К величайшему сожалению принесённые с казнёнными вещи обратили внимание некоторых присутствующих красногвардейцев, которые решили их присвоить. Я предложил остановить переноску трупов... Сам на месте собрал всё, что было. Сложив трупы, я позвал к себе всех участников и тут же предложил им немедленно вернуть всё, что у них есть, иначе грозил расправой».

Надо сказать, что сцена выглядит весьма драматично. Однако, как это ни странно, лица, которые проходили по белогвардейскому следствию, и которые не мемуары сочиняли на досуге, а давали показания по

горячим следам, обвинённые как участники убийства Царской Семьи, ни о каком мародёрстве свидетельств не оставили. Медведев очень подробно описывает всё, что произошло после кровавой расправы; как выносили трупы на носилках из простынь, как укладывали в солдатское сукно... Вот ключевой фрагмент его рассказа: «Со всех членов Царской Семьи, у кого были на руках, сняли, когда они ещё были в комнате, кольца, браслеты и двое золотых часов (как снимали, не уточняет*). Вещи эти тут же передали коменданту Юровскому. Все 11 трупов тогда же увезли со двора на автомобиле». Допрошенный Проскуряков показал: «Когда их всех расстреляли, Александр Стрекотин, как он мне сам говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унёс наверх». Разводящий Якимов, тоже со слов свидетеля Дерябина рассказал на допросе у Соколова: «Царскую семью затем «ощупывали» после расстрела и в поясах, видимо, находили защитные ценности» (Значит «корсеты» и «лифики» изъяли здесь, в подвале Ипатьевского дома, а вовсе не у рудника?).

Тут для неизбежных размышлений следует привести опубликованную историком Алексеевым цитату из дневника Императрицы Александры Фёдоровны, написанную за десять дней до убийства. «Во время завтрака пришёл председатель областного комитета с несколькими людьми... Затем заставили показать все наши драгоценности... переписали их детально... Оставили мне только два моих браслета, которые **я не могла снять**, и детям по одному браслету каждой, которые **нельзя было снять**, не забрали обручальное кольцо N, которое **нельзя было снять**... Правда, следователь Соколов нашёл только один отрезанный палец и вроде бы не Государев...

Разночтения есть и во времени. То, что написал Покровский повторяет только Юровский в своих «воспоминаниях», а ныне на этом базируется официальная версия. Все непосредственные участники и свидетели называют разное время. Ермаков пишет: «Прибыл в 10 часов ровно в дом особого назначения, вскоре пришла моя машина малого типа грузовая. В 11 часов было предложено заключённым... спуститься в нижний этаж». Медведев Павел чиновнику Уголовного розыска на допросе показал: «Часов в 12 комендант Юровский пошёл будить Царскую Семью». Павел Быков в книге «Последние дни последнего царя» сообщает, что «сошли вниз около 10 вечера» и уже «около часа ночи трупы казнённых были отвезены за город». По информации Медведева-Кудрина, которая ближе к официальной версии, «далеко за полночь Яков Михайлович проходит в комнаты доктора Боткина и царя», а последний советский информатор Марк Касвинов укладывает всё произошедшее в быструю и хорошо организованную акцию. У него написано: «В половине двенадцатого явились в особняк двое особоуполномоченных... Около полуночи комендант поднимается на второй этаж... В час ночи всё было кончено».

Может быть эта путаница связана с тем, что большевики перевели время на два часа. Пермский прокурор Шамарин на допросе у Соколова сказал, что Царская Семья была расстреляна «около двух часов ночи по новому времени (то есть около двенадцати - по старому)». Вполне возможно, что это действительно так, но всё равно следствие Соловьёва должно было бы обратить на сие внимание, проблему эту подвергнуть криминалистическому анализу и на его основе сформулировать официальное заключение... если, как говорится, «следствие вели бы знатоки».

Не всё складывается гладко и с отъездом после расстрела, касательно неожиданного решения Юровского покинуть дом Ипатьева и отправиться на Ганину Яму. Ему по «Записке» было «поручено только привести в исполнение приговор». Всё остальное лежало на обязанностях Ермакова, В «Исповеди» Юровский повторяет причину своего отъезда, которую определил Покровский. «Беспокоясь за то, что он (Ермаков*), - пишет Юровский, - эту работу не выполнит надлежащим образом, решил поехать сам». А старым большевикам особо даже подчеркнул правильность такого решения. «Меня очень беспокоило, как хорошо будут скрыты трупы. Поэтому я решил поехать сам, и, как оказалось, хорошо сделал». Правда, в 1934 году прямо виновника такого обстоятельства он не называет, но понятно, что опоздание «трубочиста» с грузовиком на полтора часа внушили коменданту чувство недоверия и сомнения в надёжности Ермакова. Здесь важно отметить, что у Покровского, и следом у Юровского в обоих его «откровениях», причиной его отъезда на Ганину Яму явилось недоверие к Ермакову.

А вот постсоветское следствие в лице прокурора-криминалиста без всяких к тому объяснений меняет причину, побудившую Юровского покинуть дом Ипатьева. В «СПРАВКЕ» Соловьёв написал: «Юровского обеспокоило поведение солдат, и он решил сопровождать трупы до места их сокрытия». То есть не безалаберность Ермакова тому явилась причиной, в чём его обвинил Покровский, а страх, что красногвардейцы-мародёры растащат все драгоценности, хотя о наличие оных Юровский в то время ещё не знал. В «Записке» об этом сказано очень определённо «Ком распорядился раздеть трупы... Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями, - в отверстии видны были бриллианты». Это произошло уже когда отыскивали «заброшенную старательскую шахту». В «Исповеди» Юровский сей «факт» подтверждает. «Я приступил к раздеванию трупов, - пишет он. - Раздев труп одной из дочерей, я обнаружил корсет в котором было что-то плотно зашито. Я распорол (значит пули тут не при чём*) и там оказались драгоценные вещи». Соловьёв придумывает обеспокоенность Юровского «поведением солдат» вовсе не для того, чтобы реабилитировать Ермакова, к которому он относится крайне негативно. Из круга свидетелей Ермакова он вообще исключил, как источник недостоверный. Так и написал: «Ряд деталей его воспоминаний вызывают серьёзные сомнения». И добавляет: «среди приведённых документов, исключая воспоминания Ермакова... нет противоречий», то есть из всей «команды» врал, по Соловьёву, только один

Ермаков.

«СПРАВКА» датирована январём 1998 года. В Постановлении о закрытии уголовного дела, составленного в июле того же года, Соловьёв почти дословно повторяет всё то, что написано в «СПРАВКЕ», но в то же время вносит малозаметное изменение. Он пишет: «Юровского Я.М. обеспокоило поведение солдат, и он принял решение сопровождать трупы до места их сокрытия. Ермаков и красноармейцы выехали из дома Ипатьева около трёх часов ночи. Юровский Я.М. - несколько позднее на легковом автомобиле». В 2007 году в газетном интервью Соловьёв этот эпизод повторил: «Сначала трупы расстрелянных люди Ермакова повезли на Старую Коптяковскую дорогу. Позже к ним присоединился организатор расстрела Юровский». Это новый поворот в уголовном деле. «Позже» - это как? Через пять минут или через пять часов? И вообще, почему так вдруг меняется ситуация? Что могло явиться тому причиной? Может быть «подробная предсмертная запись» Медведева-Кудрина, которого Соловьёв цитирует и отзывается о котором как об авторе достойным доверия?

В «ПОСТАНОВЛЕНИИ» повторяется всё, приведённое в «СПРАВКЕ»: сцена встречи с «красногвардейцами из отряда Ермакова»; обнаружение там же драгоценностей этими самыми красногвардейцами (а вовсе не Юровским возле заброшенной шахты); распоряжение Юровского трупы раздеть и драгоценности изъять. Стало быть выехал Юровский тут же, следом, и догнал где-нибудь возле Верх-Исетца, а может быть и ранее. Это так представлено официальным документом Генеральной прокуратуры и подтверждено публичным выступлением прокурора-криминалиста. А вот как этот сюжет препарирует бывший советский историк «ещё сталинской школы», как его определил журналист А. Мурзин, И.Ф. Плотников, тот самый фантазёр, который уверен, что где-то в архивных анналах пылится заветная «Записка Юровского» с пометкой самого Ленина, и автор той самой книги, после прочтения которой к некоей «рабе Божией» пришла сама Богородица и указала место, где надо искать могилу Царских детей. В данном случае всё обошлось без мистики, вполне реалистично. Плотников сочиняет целую новеллу. Юровский, как это известно от Медведева Павла, с трупами на Ганину Яму не поехал. Он «некоторое время с Ш.И. Голощёкиным, другими лицами из областного руководства оставался в доме Ипатьева, просматривая комнаты бывших заключённых, особенно угловую, в которой содержались Николай Александрович, Александра Фёдоровна и Алексей». Далее Плотников рассказывает, что при Доме Особого Назначения грузовика не было, а «имелся лишь легковой автомобиль для обслуживания коменданта», которым Юровский, в отличие от своего предшественника, пользовался в крайних случаях, надо думать из соображений чисто экономического характера, предпочитая одну лошадиную силу с кучером из Чрезвычайной Комиссии. Но в этот исключительный момент автомобилем пришлось воспользоваться. «Юровский, положив в автомобиль несколько предметов: - пишет Плотников, - лопаты топоры, надобные при производстве захоронения, гранаты, захватил кое-какую пищу, в том числе принесённые послушницами Ново-Тихвинского монастыря для царской семьи варёные яйца (Плотников как бы уверяет своего читателя, что и прежде Царской Семье монашенки каждый день приносили по полсотни яиц, надёжно упакованные в корзины*), и с группой спутников, включая Голощёкина, выехал к месту захоронения. Где-то перед сверстком (малой дорожкой) или на нём самом с Коптяковской дороги к Ганиной Яме, шахте (так в оригинале*) его легковой автомобиль настиг «Фиат». Как и когда легковой автомобиль Юровского догнал и обогнал ермаковский «Фиат», Плотников не объясняет, как не объясняет он и того, откуда эти сведения об отъезде Юровского с лопатами и топорами им были заимствованы. Это Буранов должен предоставлять документальные подтверждения, а Плотникову нужно верить на слово.

По версии Медведева-Кудрина Юровский появился на Ганиной Яме значительно позже. Он довольно подробно этот эпизод описал. «За Верх-Исетском в нескольких верстах от деревни Коптяки машина остановилась на большой поляне... Развели костёр, чтобы погреться... Затем стали по очереди переносить трупы к заброшенной шахте, срывать с них одежду. Ермаков выслал красноармейцев на дорогу, чтобы никого не пропускали... Спустили расстрелянных в ствол шахты. Уже выглянуло солнце, когда стали бросать в костёр окровавленную одежду. Вдруг брызнул алмазный ручеек... Затоптали костёр... На дороге затарахтела машина. Подъехал Юровский». Если верить Медведеву-Кудрину, то Юровский появился на Ганиной Яме когда уже жгли одежду. У Плотникова Юровский довольно долго оставался в доме Ипатьева, но в то же время перед самым поворотом к шахтам догнал ермаковский «Фиат», то есть на Ганину Яму прибыл одновременно со всей погребальной командой. По Покровскому Юровский покинул дом Ипатьева вместе с трупами. Постсоветское следствие сначала полностью подтвердило версию Покровского («СПРАВКА»), а позднее, в последний документ («Постановление о прекращении уголовного дела») внесло существенное дополнение, добавив из воспоминания Медведева-Кудрина и сочинения историка Плотникова то, что «забыл» вписать в рассказ Юровского советский академик.

Что «Записка» написана по сценарию Покровского, а не является «стенографическим» рассказом «главного исполнителя», вирно из самой «Записки», которая переполнена эпизодами никакого отношения к реальности не имеющих, эпизодами, изобретёнными «первым и главным фальсификатором Цареубийства», как его аттестовал историк Буранов. Некоторые имеют характер, совершенно лишённый прагматического умысла, как например появление второго повара по фамилии Тихомирова, от чего расстрелянных становится двенадцать человек, а не одиннадцать, как это было в действительности, или превращение комнатной девушки Демидовой в мифическую «фрейлину». Это скорее всего от небрежности. Покровский мог и не помнить, кого там и сколько из «царской челяди» расстрелял Юровский. Да его это и не интересовало.

А вот в других случаях, которыми изобилует так называемая «Записка Юровского», события приобретают

окрас сознательной заданное™. Так вся история с опозданием и ненадёжностью Ермакова нужна была Покровскому только для того, чтобы с первых же слов его «Записки» было понятно, что никакого разработанного плана уничтожения трупов не существовало, и тем более не было никакого заранее Юровским подготовленного места в урочище Четырёх Братьев. Он вообще ничего не знал, да и никуда не собирался. Ему поручено было «привести приказ в исполнение». И только неожиданная ситуация, возникшая вдруг и никак не предполагаемая, заставила Юровского бросить всё и отправиться вместе с трупами на Ганину Яму. Покровский так и написал: «Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнение в аккуратности Ермакова и ком. решил проверить сам всю операцию до конца. Около трёх часов выехали на место». Далее вся картина, разворачивающаяся под пером советского историка, соткана из полуправды и откровенной лжи.

«Сначала предполагалось везти на автомобиле, - пишет Покровский, - а после известного места на лошадях (значит всё же место было известно*), т.к. автомобиль дальше пройти не мог... Проехав Верх-Исетский завод, верстах в 5, наткнулись на целый табор... Начали перегружать трупы на пролётки». Следовательно, трупы перегрузили на пролётки не доезжая несколько вёрст до железнодорожного переезда № 184. Тут же, как только трупы перегрузили, на сцену выходят ермаковские мародёры, начавшие «очищать карманы». Пришлось снова пригрозить расстрелом. «Решено было раздеть трупы до гола, но не здесь (то есть не посреди коптяковской дороги*), а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Ком. послал верховых разыскать место, но никто ничего не нашёл».

Если не научиться улавливать затаённый смысл заложенный Покровским между строк его сочинения (коли таковой на самом деле есть), то картина происшедшего будет выглядеть так: в пяти верстах от Верх-Исетского завода произошла встреча с ермаковским «табором», где трупы с грузовика перенесли на «транспорт» этого самого «табора», на который, с одной стороны наткнулись совершенно неожиданно (для Юровского), с другой же - это было то самое «известное место», от которого по предписанию Покровского трупы должны были везти уже на лошадях. Это, конечно, полная бессмыслица, но так как никаких других разумных причин Покровский не предлагает, придётся следовать за его логикой. Никакого препятствия на пути грузовика, кроме «табора», обнаружено не было. До Поросёнова Лога и усадьбы путевого сторожа оставалось ещё около пяти вёрст. Однако «застряли», дожидаясь, когда вернутся «гонцы», посланные Юровским на поиски того места, которое «должен был приготовить Ермаков». Сколько времени «гонцы» отсутствовали и куда они ездили, неизвестно, но вернулись они «ни с чем». «Намеченной шахты» они не нашли. «Выяснилось, что вообще ничего подготовлено не было, не было лопат и т.д.» (а от Плотникова, известного специалиста по борьбе с контрреволюцией на Урале, мы знаем, что Юровский вёз целую машину «лопат и топоров»*).

Далее события по «Записке» развивались следующим образом. Читаем:

«Так как машина застряла между двух деревьев, то её бросили и двинулись поездом на пролётках... Отвезли от Екатеринбурга на шестнадцать с половиной вёрст и остановились в полутора верстах от деревни Коптяки... В лесу отыскали заброшенную старательскую шахту, глубиной три с ½ аршина (это - 2 метра 13 сантиметров; следователь Соколов оставил другие цифры: 5 сажень 7 вершков - это 11 метров*). Ком. распорядился раздеть трупы и разложить костёр, чтобы всё сжечь». По Покровскому получается, что грузовик так и остался, застрявшим между деревьев» и вообще железнодорожный переезд не преодолевал. Но вот путевой сторож вносит очередную смуту. Он на следствии у Соколова показал: «Как-то ночью я проснулся от шума автомобиля... раньше такого дела не бывало, чтобы автомобили мимо моей будки, да ещё по ночам ходили. Я в окно выглянул: вижу, идёт времянка по дороге к Коптякам грузовой автомобиль».

Покровский снова запутывает всю ситуацию. Трупы перегрузили там, где это было запланировано - на «известном месте», и вовсе не потому, что машина, ещё далеко не доезжая до той самой шахты, которую «отыскали в лесу, «застряла между двух деревьев». Где же машина могла застрять? Судя по тому, что написал Покровский, там, где встретились с «табором», прямо на коптяковской дороге. Но это же абсурд. А если всё же застряла в лесу, то это значит, что пустой грузовик вдруг свернул с дороги и зачем-то углубился в лесные дебри: трупы ведь уже от встречи с «табором», на пятой версте от Верх-Исетского завода, до Ганиной Ямы везли на лошадях.

Юровский в своём «мемуаре» старается соблюдать общую канву событий, определённых так называемой «его Запиской». Он, конечно, планов Ермакова не знал, ехал как бы в полную неизвестность, но в то же время сведения его во многом не совпадает с тем, что «за ним записал» Покровский. После встречи с ермаковским «табором», Юровский не стал дожидаться мифических «гонцов», которых он якобы разослал по округам разыскивать «намеченную шахту», а двинулся дальше в сторону деревни Коптяки. Во, что он пишет: «Я продолжал следовать в своём грузовике. Не один раз мы застревали в грязи. В одном месте мы зацепились между двумя деревьями и остановились (можно подумать, что ехали не по проезжей дороге, а через таёжную глушь*). Дальше было болото. На грузовике ехать было нельзя... Начали перегружать в пролётки». В каком месте грузовик застрял, Юровский не уточняет, но понятно, что довольно далеко отъехав от места «встречи» с ермаковскими мародёрами. Юровский в отличие от Покровского, ещё долго, много раз «застревая», вёз трупы на грузовике и только после того, как грузовик «зацепился» за деревья стал перегружать трупы на пролётки. Понятно, что у Юровского машина «зацепилась» за другие деревья, не за те, которые указаны в «его Записке».

А вот, что «установило» постсоветское следствие. В Постановлении о прекращении уголовного расследования написано: «Ермаков П.З и красноармейцы выехали из дома Ипатьева около трёх часов ночи. Юровский - несколько позже на легковом автомобиле (из рассказа Юровского, приведённого в «Исповеди

палача» открывается, что он ехал не на легковом автомобиле, как это следует из Постановления Генеральной Прокуратуры и научного труда историка Плотникова, а на «своём грузовике*). В 3-4 верстах (3-4 км) от Верх-Исетского завода навстречу грузовику прибыли красногвардейцы из отряда П.З. Ермакова... Через три-четыре версты (3-4 км) после встречи с красногвардейцами грузовик застрял... Трупы «посадили» в пролётки и отвезли в район так называемой Ганиной Ямы». Вот так, без всяких «убедительных доводов» и «доказательной достоверности» официальное следствие утверждает как совершившийся факт версию, весьма сомнительного характера.

Прокурор-криминалист Соловьёв в особенные подробности не углубляется и уж, тем более, не обращает никакого внимания на какие-то информационные нестыковки, сохраняя общую концепцию «Записки» и откровений Юровского, как бы создавая из оных единую версию, но в то же время вносит некоторые коррективы, вроде бы им обнаруженные в ходе проведённого расследования уголовного дела, исправляя тем самым неудобно возникающие шероховатости. Ну, во-первых, он установил, как уже упоминалось, то, что Юровский выехал из дома Ипатьева позднее на легковом автомобиле, тем самым уличив того во лжи (да и самого себя), ибо в «Исповеди» Юровский без всякого сомнения написал: «В 3 - 3 1/2 утра мы двинулись по направлению в Верх-Исетскому заводу. Проезжая двор Верх-Исетского завода, я спросил Ермакова»... Во-вторых, Соловьёв определил точное место, где застрял грузовик и где трупы были «пересажены» в пролётки - в трёх - четырёх километрах от места встречи с «красногвардейцами». А это значит, что грузовик застрял ещё до железнодорожного переезда (свидетельские показания путевого сторожа для прокурора-криминалиста никакой юридической ценности не представляют), что соответствует той информации, которая исходит от историка Покровского. У Юровского машина «зацепилась за деревья» в том месте, где начиналось «болото», то есть чуть ли не в самом Поросёнковом Логу, недалеко уже от домика путевого сторожа. Но путевой сторож очень точно показал на допросе, что грузовик шёл «временкой», то есть в объезд болота, где застрять было нельзя. Правда, по официальной версии трупы через переезд везли на пролётках, чего путевой сторож не ввел, стало быть грузовик, из версии Покровского, ему просто приснился.

ВОКРУГ ГАНИНОЙ ЯМЫ

Однако вернёмся немного назад. Во всех, выше упоминаемых документах из «клана Покровского» («Записка», «Исповедь палача», стенограмма, документы постсоветского следствия, сочинения известных историков) настойчиво внедряется убеждение в том, что Юровский никогда в коптяковских краях не бывал. Ему ничего известно не было. Всем занимался Ермаков. Он знал с детства эти места, и он же должен был определить самое удобное место для сокрытия следов преступления. Юровский даже спрашивает у Ермакова, далеко ли место, «им избранное». Это по версии официальной, которая имеет свой собственный набор «доказательств», исключаяющий всё, что этому «набору» противоречит. Так официальная версия полностью игнорирует то, что сохранилось от «колчаковского» следствия. И понятно. Свидетельские показания разных лиц, которых допрашивал следователь Соколов, никак не совпадают с тем, что утверждает советская история и что рабски лоббирует постсоветское следствие. Только что выше были приведены показания путевого сторожа Лобухина, которые прокурор-криминалист не принял во внимание и которые никак не согласуются с тем, что известно из «Записки Юровского» и от него самого.

Но вот ещё ряд свидетелей, допрошенных Соколовым или по его поручением агентом уголовного розыска Алексеевым, которые оказывается за несколько дней до убийства Царской Семьи встречались с Юровским и Ермаковым недалеко от Ганиной Ямы, в районе урочища Четырёх Братьев. Интересен рассказ горного техника И. А. Фесенко, который как раз в этих местах проводил разведку местонахождения руд, и даже в подтверждение своего присутствия на одной из сосён оставил собственный автограф, приписав к нему дату - «11 июля 1918 года». В этот день, работая в Урочище он «увидел ехавших верхами на лошадях Юровского и с ним двух неизвестных, одного из которых рабочие называли Ермаковым. Третий был пленный австриец». С Юровским, которого Фесенко знал, как записано в протоколе, «состоялся разговор». Сначала Юровский интересовался, чем в этих местах занимается Фесенко, а потом спросил, можно ли проехать в деревню на грузовом автомобиле, так как нужно провезти «500 пудов хлеба». Видимо тогда же Юровского видел крестьянин Волокитин. Он шёл из деревни Коптяки в город и по дороге в районе

Урочища «встретил троих всадников, ехавших верхами в сёдлах... Третий был Юровский, которого я хорошо знал. В руках у Юровского я видел простой плотничий топор». Через два дня на той же коптяковской дороге Волокитин встретился с Юровским снова, который теперь ехал в легковом автомобиле. На допросе Волокитин сказал: «В автомобиле сидело несколько человек. Среди них, я это хорошо разглядел, был опять Юровский. Автомобиль шёл в том же направлении на Коптяки». В книге «Убийство Царской Семьи» Н.А. Соколов пришёл к выводу, что «встретясь с Волокитиным, Юровский ехал расчищать уже известную ему дорогу, по которой он собирался везти трупы. Встретясь с Фесенко, он эту дорогу ещё пока высматривал». В своём выводе Соколов не упоминает первую встречу Волокитина, которая произошла тогда, когда Юровский «высматривал дорогу», но в

данном случае это принципиального значения не имеет.

Если же принять за достоверность официальную версию, то всё, приведённое выше, является выдумкой колчаковского следователя вместе с теми персонажами, которых он допрашивал, ибо от Юровского мы знаем, что ему не было известно место, «где предполагалось схоронить трупы» и он «в этих местах не бывал и не знал их». А из основополагающего документа, на котором базируется прокурорское расследование и заключение Правительственной Комиссии «выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта». В том числе и сам Ермаков в обязанности коего сие входило, но как выяснилась уже по дороге на Ганину Яму, в реальности таковая шахта как бы вообще даже не существовала. В интервью Надежде Данилевич прокурор-криминалист очень красочно передал возмущение Юровского (сам придумал?) такой безответственности со стороны Ермакова. Данилевич спрашивает:

- Как Юровский и его поделщики выбирали новое место захоронения?

- Юровский, - отвечает Соловьёв, - на чём свет стоит кляня Ермакова и его пьяную команду, помчался в Екатеринбург, где доложил высшему партийному руководству о случившемся (то есть о том, что Ермаковым ничего приготовлено не было*). Начались лихорадочные приготовления к перезахоронению и уничтожению трупов.

«Расследование» Уголовного дела привело прокурора-криминалиста к выводу, что трупы на шестом или восьмом километре от Верх-Исетского завода, то есть ещё не пересекая железнодорожный переезд № 184, «посадили в пролётки и отвезли в район так называемой Ганиной Ямы». Это соответствует тому, что известно из «Записки Юровского», в которой также главным утверждением является то, что грузовой автомобиль до рудника не дошёл. Почему-то, имея в своём распоряжении тот самый «основополагающий» документ, на эту информацию не обратил никакого внимания Марк Касвинов, который написал совершенно противоположно: «Дойдя до урочища, грузовик углубился в лес». Или нынешний историк Плотников, из научного труда которого следует, что Юровский на легковом автомобиле как раз перед самым «свёрстком», то есть поворотом к Ганиной Яме, «обогнал Фиат», а это грузовая машина Ермакова «малого типа», как он её назвал в своём «мемуаре». И это ближе к истине. Особенно, если обратиться к свидетельским показаниям, которые оставило следствие Соколова.

Первой столкнулась с похоронной командой Настасья Зыкова, крестьянка из деревни Коптяки. Она 17 июля ранним утром отправилась с сыном в Екатеринбург. Не доезжая ещё до «Четырёх Братьев» навстречу ей, как она показала на допросе, «подъехали верхом два красноармейца», приказав немедленно, не глядя вперёд, «заворотить лошадь и убираться из этого места». Сама Зыкова на то, что делалось впереди, внимания со страху не обратила, а сын её Николай «говорил, что впереди на дороге он видел войско, обоз, как будто два автомобиля».

Уже позднее, когда большевики покинули эти места, на Ганиной Яме, побывали любопытствующие коптяковские мужики и все уверенно подтверждали, что видели след автомобильный, который, свернув с коптяковской дороги, дошёл до самой шахты. Как показал на допросе крестьянин Бабинов, колея от автомобильных колёс шла от дороги в сторону рудника на сто сажень (это двести метров). Лесничий Редников из Верх-Исетска очень подробно рассказал о своём посещении Ганиной Ямы и о впечатлении, которое это посещение на него произвело. В частности, что касается следов, оставленных грузовиком, в протоколе допроса с его слов записано: «Совершенно ясно, что сюда приходили автомобили... Дорожка от Четырёх Братьев имела следы автомобиля... Тяжёлый автомобиль шёл здесь, проложил громадный след, помял и повывернул много молодых деревьев... След автомобиля доходил до самой шахты и там кончался». То же подтвердил другой Верх-Исетский житель. «Явственно было видно, - показал он, - что по этой свёртке ходили автомобили и проложили здесь дорогу до самой открытой шахты».

Это же, позже, увидел английский журналист Вильтон, сопровождавший следователя Соколова во весь период его расследования. В своей книге он написал: «К северу от города, верстах в 14-ти, находятся железные рудники. Здесь, в урочище под названием Четыре Брата, находится старый, давно заброшенный рудник... Сюда и направился Юровский... Обоз пересёк Пермскую железную дорогу, потом Тагильскую. Сторожа у переезда заметили его. Потом, углубившись в лес и с трудом подвигаясь по мягкой почве, грузовик свернул налево, чтобы достичь ряда шахт, называемого Ганина Яма. Через год я шёл по следам грузовика от того места, где он оставил большую дорогу, чтобы пройти лесом; след был ещё очень заметен.

Я видел место, где он чуть не упал в ров... На земле ещё лежало бревно, которым выравнивали грузовик. Следы вели к шахтам, где крестьяне нашли драгоценности Государыни и где трупы исчезли».

Следователь Николай Алексеевич Соколов, опросив свидетелей и сам обстоятельно обследовав всю округу Ганиной Ямы, резюмировал: «Рудник наиболее удалён от железной дороги и со стороны дороги закрыт лесом, но к нему ведёт хорошо проезжая дорожка».

А в «Записке» самоуверенно и без всяких свидетельских показаний советский историк, написал: «Машина до временного погребения (то есть до Ганиной Ямы*) дойти не могла». Не могла, и точка. И постсоветское следствие в лице прокурора-криминалиста сей пассаж возвело в ранг юридически установленного «факта». Никогда там не бывавший кабинетный «историограф» оказался для Соловьёва гораздо доказательнее, чем профессиональный криминалист, непосредственно по горячим следам проводивший расследование совершённого преступления. Как тут не вспомнить известную пословицу: «Скажи мне кто твой друг, и я скажу - кто ты».

После того, как всё-таки шахту отыскали, если следовать за повествованием Покровского, Юровский приказал разложить костёр и приступил к раздеванию трупов, «чтобы всё сжечь» (по Медведеву-Кудрину Юровский в этом никакого участия не принимал). И только тогда в одежде «девиц» были обнаружены драгоценности. Это опять возбудило алчность ермаковской команды, что вынудило Юровского прервать обыск трупов, «сейчас же распустить всю артель», после чего только смогли снова приступить «к раздеванию». Бриллиантов оказалось много, чуть ли не полпуда. Юровский их тут же «переписывал». Далее в «Записке» читаем: «Сложив всё ценное в сумки, остальное, найденное на трупах, сожгли, а самые трупы опустили в шахту. При этом кое что из ценных вещей было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части - этим ком. объясняет нахождение на этом месте белыми оторванного (аккуратно отрезанного*) пальца. Но Р-ых не предполагалось оставлять здесь - шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения».

Зачем же тогда так старательно пытались завалить шахту», если она предназначалась в качестве перевалочной базы - только для того, чтобы объяснить обнаружение естественным образом «оторванного пальца», а то ведь некто, не посвящённый в «тайны Старой Коптяковской дороги», прочитав ненароком дневниковые строки Государыни, решить может, что Юровский орудовал не гранатами, а топором. Подумает вдруг, что тот, хоть и не полностью, но всё же фрагментарно занимался расчленением. Особенно, если учесть, что с ещё живых Царственных Особ браслеты и обручальное кольцо «нельзя было снять». А что, от мёртвых тел эти драгоценные украшения самопроизвольно отсоединились? Или ещё в подвале Ипатьевского дома безжизненные тела изменились настолько, что комендант со своими коллегами- мародёрами вот так просто сумел стащить браслеты и кольца с девичьих рук. Не с ними же Юровский жёг на Г аниной Яме или хоронил в Поросёнковом Логу.

Красочно описав сей детективный сюжет, добавив к нему ещё историю с неким неустановленным лицом, прорвавшимся каким-то образом через оцепление и представленного в качестве знакомого Ермакова, благодаря явлению которого пришлось «бросить дело» и отправиться на «глубокие шахты», Покровский приступает к завершающей фазе своего сочинения. После двух бессонных суток, напряжённого труда, рытья ямы, всевозможных неудач и бессмысленных манипуляций, как то: сбрасывание трупов в шахту, заваливание её, и потом скорое извлечение обратно этих тел, ибо оказывается, туда их сбросили просто так, временно, без всякой к тому надобности, на телегах (уже не на пролётках) похоронная команда покинула Г анину Яму. В «Записке» написано:

«Смогли отправиться в путь только в 9 час. вечера. Пересекли линию ж.д. в полуверсте, перегрузили трупы на грузовик».

«Линия ж.д.» - это как раз тот самый железнодорожный переезд, возле которого расположена усадьба путевого сторожа, где именно в это время, когда «караван» с трупами пересекал переезд, вместе с хозяевами обитала группа лиц, направлявшаяся в деревню Коптяки и туда не пропущенная. Покровский во всём своём повествовании, ни тогда, когда трупы на пролётках от Верх-Исетского завода пересекали переезд, ни на обратном их пути, когда команда Юровского уже на телегах в сопровождении грузовика покинула Г анину Яму и возвращалась назад *три* же дорогой, ни разу не упоминает того, что переезд был обитаем, и не просто обитаем, но там находился постоянно железнодорожный служащий, который должен был быть в курсе всех событий, происходивших на вверенной ему территории. Он и был в курсе. И видел всё, что там происходило, и очень удивлялся, например, когда ночью, впервые за всю его служебную практику, подконтрольный ему пункт пересёк грузовой автомобиль, о чём он подробно доложил на следствии Соколова. Тем более удивительным ему было то, что дорога была тупиковая и вела в глухую деревню на берегу Верх-Исетского озера, где и оканчивалась. А через двое суток тот же грузовик, возвращаясь в город, застрял почти под окнами его домишки и несколько часов тархтел, стараясь выбраться из болота.

Конечно, для Покровского, когда он писал «Записку Юровского», личность путевого сторожа никакого прагматического интереса не представляла, да и знать он об одной вряд ли мог. Во всяком случае, по Покровскому опасаться ненужных свидетелей на переезде № 184 не было нужды. Просто спокойно «пересекли линию железной дороги» и, проехав пол версты (а может тут же сразу - кто знает) «перегрузили трупы на грузовик». Значит, до железнодорожного переезда трупы везли на «поломаных телегах, а грузовой автомобиль, получается, то ли сопровождал гужевой караван, то ли дожидался за переездом. У Покровского понять ничего нельзя, тем более, что он в рукописной своей поправке к тексту «Записки» написал: «Когда пришли машины (грузовик и две легковые*), телеги уже двинулись - машины встретились с ними на VI версты ближе к Коптякам» (то есть к Коптякам было на полверсты ближе, чем до домика путевого сторожа?*)). Определить географию этой встречи невозможно. Ясно лишь то, что встреча произошла задолго до того самого знаменитого железнодорожного переезда К тому же из этой поправки узнаётся, что Юровский вовсе в город не ездил, а следовал с телегами навстречу автомобилям.

Юровский в «Исповеди», не отступая от того, что за ним «записал Покровский», очень красочно представил эту сцену. Из города он отправил на Г анину Яму сначала один грузовик с которым отослал для своей команды продовольствие. Следом отправил второй грузовик. «Поручил, - пишет Юровский далее, - чтобы все трупы погрузить в телеги, а потом где можно будет свободно проехать, чтобы можно было перегрузить в грузовики, чтобы люди поели... Позднее я отправился на грузовике (это уже третий грузовик, который Юровский отправляет на Г анину Яму*) и на легковой машине (сам?*) по одной дороге, а по другой отправил

товарищей (на грузовике?*) для того, чтобы проследить каким путём будет удобнее ехать обратно, так как я решил вести трупы на автомобилях (не на автомобиле*). Велел приготовить камни, верёвки, чтобы, привязав к телам эти камни спустить их в шахты. Проехав линию железной дороги, верстах в двух я встретил движущийся караван с трупами. Часов в 9 - 9½ вечера мы пересекли линию железной дороги (в «Записке» в это время только покидали рудник*), где и решили перегрузиться на грузовик». До поворота на Ганину Яму от переезда четыре версты. Значит, встреча произошла на полпути. Во всяком случае, машины и телеги встретились не там, где об этом указано в «Записке».

Старым большевикам Юровский рассказал, что «дождавшись вечера», он распорядился трупы погрузить на телегу (не на телеги) и вывезти их на дорогу, где дожидался грузовик, «в таком месте, где он как будто был гарантирован от опасности застрять». Далее трудно понять, что же на самом деле произошло. С одной стороны встреча с грузовиком произошла там, где дорога была проезжая, но трупы как будто бы продолжали везти на телеге, в то же время дважды сумели застрять настолько, что пришлось вылезать и сгружать трупы (с телеги?). Определённо Юровский указывает, что трупы были погружены на грузовик после того, как «переехали полотно железной дороги».

Постсоветское следствие представило свой вариант. С Ганиной Ямы трупы вывезли на телегах (не на телеге), какое-то время, видимо, ещё ехали по коптяковской дороге, а потом «переложили в грузовик». На обратном пути участок от урочища до железнодорожного переезда оказался вдруг почему-то особенно труднопроходимым, так как дважды автомобиль увязал в грязи «настолько, что для того, чтобы его вытащить, пришлось сгружать трупы». Но трупы снова возвращали в кузов грузовика и везли дальше и после пересечения переезда их уже с телег на автомобиль не перекладывали. Расследование уголовного дела прокурором-криминалистом установило, что трупы пересекли железнодорожный переезд в кузове грузовика. Это важная деталь, ибо Соловьёв далее пишет: «Неподалеку проследовав переезд 184 км около 4 час. 30 мин. в Поросёнковом логу грузовик застрял окончательно», то есть почти тут же, как пересекли железнодорожный переезд. «Я.М. Юровский, - продолжает прокурор-криминалист, - принял решение о захоронении трупов посредине дороги на Коптяки».

У Юровского эта сцена представлена гораздо драматичней и сложнее. «Часов в 9 - 9½ мы пересекли линию железной дороги, - пишет он, - где и решили перегрузиться на грузовики (не грузовик). Меня уверили, что здесь дорога хорошая. Однако на пути было болото (он уже забыл, что несколькими строками ранее сам же поведал о том, как определил «каким путём будет удобнее ехать», приказав обследовать одновременно обе дороги, ведущие к Ганиной Яме: старую коптяковскую и объездную*). Поэтому мы взяли с собой шпал, чтобы выложить это место. Выложили. Проехали благополучно. Шагах в десяти от этого места мы снова застряли. Провозились не менее часа. Вытащили грузовик. Двинулись дальше. Снова застряли. Провозились до 4 утра. Время было позднее» (скорее ранее*). Если внимательно проследить путь, которым следовал караван Юровского, то картина вырисовывается такая: болото, выложив шпалами проехали благополучно, застряли впервые в десяти шагах от него, из которого выбрались и ещё проехали какое-то расстояние, пока не застряли окончательно. ^ «Я решил использовать болото» (то есть похоронить в болоте, которое то ли не проехали, то ли проехали, но хоронить решили вернувшись назад*).

С большевиками Юровский не стал углубляться в сложные воспоминания. Рассказ его был коротким и конкретным. Пересекли железнодорожный переезд, перегрузили трупы и вскоре «заселю». «Пробившись часа два, - вспоминает Юровский, - мы приближались уже к полуночи. Тогда я решил, что надо хоронить где-то тут». Однако из краткого этого рассказа вырисовывается совершенно неожиданная картина, которая вступает в противоречие с тем, что известно было из «Записки» советского историка, да и от самого Юровского. Два часа возились с застрявшим в болоте автомобилем. Значит, железнодорожный переезд пересекли после десяти часов вечера, ибо хоронить начали не в четыре часа утра, а вскоре после двенадцати. И это, скорее всего ближе к истине, ибо, как пишет Покровский, Ганину Яму покинули в 9 часов вечера. А на допросе у следователя Соколова сын путевого сторожа показал: «Около 12 часов ночи по дороге от Коптяков проехал через наш переезд грузовой автомобиль, должно быть тот самый, который первый прошёл из города ночью... грузовой автомобиль проехал на город прямо от нашего переезда. Там в Логу у них автомобиль застрял».

У Юровского такие просчёты встречаются (да не только у него), когда память даёт сбой и событие вспоминается не так, как его следует интерпретировать по заданной схеме, а как оно происходило на самом деле. Выше приводился пример с бриллиантом, который нашли там, где **сжигали трупы**. Для прокурора-криминалиста всё ясно. Машина с трупами, переехав железнодорожный переезд, застряла в Поросёнковом Логу, и тут же Юровский соорудил могильник, в этой самой яме, откуда только что вытащили грузовик. И хотя Соловьёв аттестует так называемую «Записку Юровского» как «воспоминания» главного участника и как наиболее достоверный свидетельский документ, почему-то в данном случае он предпочитает остановиться на своей версии. По тому, что известно из следственного дела Соловьёва - грузовой автомобиль с трупами после пересечения переезда (в 4 часа 30 минут), застрял сразу и окончательно, едва проехав сто сажень.

Теперь посмотрим, как этот финальный эпизод запечатлел автор «Записки». После того, как трупы перегрузили на автомобиль, а это произошло тут же по пересечению железнодорожного переезда, Покровский пишет: «Ехали с трудом (но всё же ехали*), вымачивая опасные места шпалами (не место, а места*), и всё же застревали несколько раз (значит, не один и не два раза и каждый раз машину удавалось вытащить и ехать какое-то расстояние всё дальше от железнодорожного переезда, в то же время минув «опасные места». Если

внимательно читать «Записку» и согласиться с тем, что там написано, то становится ясно, что застревали не раз и что возились не на одном месте, а хоть и с трудом, но всё же двигались вперёд*). Около четырёх с половиной утра 19-го машина застряла окончательно, оставалось не доезжая шахт, хоронить или жечь». С Ганиной Ямы выехали в 9 часов вечера. Застряли окончательно в половине пятого. Значит, семь часов преодолевали коптяковское бездорожье. Интересно, что предыдущие двое суток по тому же самому «бездорожью» сновали грузовые автомобили с бензином и легковые с начальством туда и обратно и нигде не застревали. Это так чудесным образом «не повезло» Юровскому в последнюю «беженскую» ночь.

Место где «машина застряла окончательно», из сочинения советского историка понять нельзя. Во всяком случае, если бы Рябов стал искать «царскую могилу» по сведениям, извлечённых из «Записки Юровского», он никогда бы не додумался начать раскопки в Поросёнковом Логу. Путеводная звезда Покровского увела бы его далеко от железнодорожного переезда. Да и Авдонин об этом сказал достаточно определённо: «Следуя «Записки Юровского» (то есть тому, что написал Покровский*), места сокрытия останков не найти. Правда, на экземпляре «Записки», имевшемся в архиве Покровского было отмечено расстояние до места железнодорожного переезда. Но об этом нам стало известно значительно позже, чем мы нашли это место и вскрыли его». Рябов о том же заявил ещё задолго до Авдонина. В его «бессмертном» труде, напечатанном в журнале «Родина» читаем: «Вот записка Юровского. Она мною получена из рук А.Я. Юровского, старшего сына коменданта Дома особого назначения... Рукой Я.М. Юровского написано: «Копия. Т. Покровскому дан подлинник 20 г.». (На самом деле всё было как раз наоборот. Никакого «подлинника» Юровский не передавал Покровскому. Это ему два года спустя после убийства Царской Семьи Покровским или от Покровского была вручена инструкция, версии которой он обязан был следовать неукоснительно).

А уже в 1991 году, когда могильник в Поросёнковом Логу был вскрыт, Рябов прокурору свердловской области Гуйкову, вспоминая встречу с сыном «коменданта Дома особого назначения», сказал: «В беседе с ним (А.Я. Юровским*) он передал мне одну из копий записки отца о событиях того времени в адрес правительства». Передал «одну из копий», в которой, понятно, никакой «приписки», с указанием точных координат «царского могильника», сделанной рукой «известного историка», быть не могло.

Это Соловьёв, чтобы как-то сбалансировать возникшие нестыковки, в официальном документе Генеральной Прокуратуры присовокупил к «Записке Юровского», которую Рябов получил от сына царевни, координаты из экземпляра, хранящийся в Главном Российском Архиве, или как уверяет Авдонин, в архиве Покровского. Так прямо, без всяких оговорок, и написал: «К моменту раскопок Г.Т. Рябов располагал экземпляром «Записки Юровского», переданного ему сыном Юровского - адмиралом А.Я. Юровским, где было указано место захоронения трупов». Этот, якобы следствием установленный факт придумал прокурор-криминалист, то есть совершил действие, которое, наверное, имеет в криминалистической терминологии определённую формулировку. А нам остаётся лишь поразмышлять над рассуждениями тех, кто уверен в том, что Соловьёв всё своё прокурорское рвение направил не на поиск истины, а на её сокрытие.

Итак, если одновременно взглянуть на финальный акт, представленный четырьмя документами (сочинением сов. историка, двумя версиями главного исполнителя и постсоветским следствием) приходится только констатировать, что как в квартете известного баснописца между вышеназванными «музыкантами» полного согласия нет. Каждый поёт немножко на свой лад.

Покровский - основной официальный источник информации - трупы погрузил на грузовик в полуверсте после пересечения линии железной дороги, а потом ещё несколько раз застревал, прежде чем добрался до места вынужденного погребения. Юровский по одной версии (исповедь палача) перегрузил трупы сразу же после пересечения железнодорожного переезда, какое-то расстояние проехал, устлая дорогу шпалами, первый раз выбрался из трясины, на втором - засел в болоте основательно. По версии другой (стенограмма) - перегрузили трупы на грузовик сразу за переездом и тут же застряли.

От Соловьёва же становится известным, что всё приведённое выше в той или иной степени действительности не соответствует. Расследование уголовного дела, им произведённое, установило, что «Записка Юровского» вовсе не является безупречным документом. Оказывается, трупы никто не «перегружал», и железнодорожный переезд оные пересекли на грузовике, который тут же сразу в Поросёнковом Логу «застрял окончательно». С точки зрения логики, Соловьёв, конечно, прав. Грузовику, после того как он переехал линию железнодорожного переезда, чтобы окончательно застрять в двухстах метрах от этого самого переезда, негде было перегружаться и потом буксовать «несколько раз». Для Соловьёва это было абсолютно ясно. Ясно было прокурору-криминалисту и то, что Покровский внёс исправление в «Записку» тогда, когда до него дошли сведения, которые ранее ему известны не были.

В отличие от прокурора-криминалиста Покровский, когда писал «Записку», ещё не знал, где Юровский организует «царский могильник», а потому так неопределённо долго «спотыкался» после железнодорожного переезда. Примерное место, где грузовик должен «застрять окончательно», ему, конечно, было известно, где-то вскоре за переездом, но приписал координаты «царского» могильника в конце машинописного экземпляра своей «Записки» Покровский позднее, когда ему доложили, что захоронение произведено и указали где. И только тогда он собственноручно вписал точное место, где Юровский «ранним утром 19 июля 1918 года, после двух суток бессмысленного пребывания на Ганиной Яме», при крайне неудачно сложившейся ситуации и от полной безнадёжности, посреди «Старой Коптяковской дороги», в знаменитом ныне Поросёнковом Логу, зарыл жертвы своей кровавой ночи.

«МИР НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ...»

Если бы Покровский на самом деле, как утверждает прокурор-криминалист Соловьёв, записывал за Юровским его «воспоминания», то тогда он не блуждал неопределённо по Коптяковской дороге, а сразу же, совершенно уверенно, указал бы место «царского могильника». Не морочил же Юровский голову члену Президиума ВЦИКа, который по поручению Калинина или самого Ленина снимал показания с главного исполнителя? То, что Покровский задним числом к «свидетельству» Юровского приписал «точные координаты», говорит лишь о том, что никакого отношения к этому документу Юровский не имеет. Покровский представляет Юровского в роли главного действующего лица, а сюжет закручивает по своему усмотрению, то есть не по своему личному, а исходя из тех потребностей, которые диктует политическая обстановка. Фактологические обстоятельства используются постольку, поскольку это соответствует поставленной задаче. Поэтому вся «Записка» состоит из постоянных, мягко говоря, несуразиц и, противоречий, что в своё время Покровского никак не беспокоило, но таковая «беспечность» ныне уличает автора «Записки», в том, что версия им сочинённая и событие, произошедшее в реальности, не одно и то же.

С одной стороны Покровский, когда писал, не имел ввиду белогвардейское расследование, которое установило многие факты с версией советского историка вовсе не совпадающие, с другой - ложь для большевистской идеологии являлась основным дипломатическим инструментом и самой сутью власти во все её времена.

Екатеринбургская трагедия тому красноречивый пример. Пришли ночью и увели на смерть, а лгали, что ведут в безопасное место, спасая от налёта белогвардейской контрреволюции. Лгали даже в самый последний момент земной жизни Царственных Мучеников, когда Юровский заявил обречённым, что расстреливают их как бы вынуждено, в отместку заграничным родственникам, которые рвутся свергать советскую власть и освободить своего Царя. Лгали потом на весь мир, что убили только Николая II и вовсе не от злодейской своей суп, а потому, что раскрыт был заговор неких монархических злоумышленников.

И эта лживая схема злодейской расправы выдумана вовсе не для екатеринбургского сценария. Обман, ложь, провокация - это аморальный лик большевизма. Достаточно вспомнить знаменитую «Операцию Трест», эту «дерзостно-смелую и хитроумную операцию, организованную и блестяще осуществлённую по инициативе Ф.Э. Дзержинского против монархистов», как её аттестовала советская идеологическая пропаганда, которая на самом деле представляла из себя грандиозного масштаба мистифицированную провокацию, стоившую многим жизни. Провокаторы с Лубянки, под видом действующей в Советской России тайной монархической организации, завлекали из заграницы русских эмигрантов, которых, естественно, арестовывали и уничтожали. Не всех сразу. Некоторым устраивали «театральное представление»: организовывали вояжи по стране, встречи с «главными монархистами», в роли которых выступали переодетые чекисты и завербованные ими представители бывшей царской бюрократии, как военной, так и штатской. Попался на эту «приманку» и монархист Шульгин, который побывал в трёх столицах и вернулся в эмиграцию в полной уверенности, что в России зреет мощная подпольная организация, имеющая связи и поддержку во всех слоях общества...

Если же ограничиться только представителями династии Романовых и их ближайшим окружением, то по той же (ипатьевской) лживой схеме расправились с Великим Князем Михаилом Александровичем и его секретарём. За ними пришли ночью и увели в неизвестность. «Сначала похищенные, - вспоминает один из похитителей, - вели себя спокойно, потом стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде». А на следующий день объявили на весь мир, что Великого Князя выкрали, естественно, белогвардейские монархисты. «Политическая и криминальная акция чекистов по похищению и убийству Великого Князя Михаила Романова в Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 года, - написал историк В. Хрусталёв, - была генеральной репетицией того сценария, по которому в дальнейшем развернулись трагические события в Екатеринбурге и Алапаевске». В Алапаевске так же явились, когда уже все отправлялись ко сну и велели собираться в путь. Потом устроили целый спектакль с погоней и перестрелкой, убили даже для большей убедительности некоего мужичка, специально для того приготовленного, а печатно объявили его одним из налётчиков, которые напали на Нагорную школу, где содержались Великие Князья и увезли их неизвестно куда. Обманно расправились с графиней Гендриковой и гоф-лестрисой Шнейдер, содержащихся в Пермской тюрьме. Об этом рассказал Волков, камердинер Государыни, единственный свидетель, которому чудом удалось спастись от кровавой расправы. И только благодаря этому открылась жестокая правда. Не удалось сохранить лживую историю похищения узников Напольной школы: трупы все до одного были обнаружены в нескольких верстах от города, живьём сброшенные умирать в глубокую шахту. Большевики много оставили кровавых отпечатков своего революционного «героизма».

В этом отношении судьба Царской Семьи сложилась трагичнее. Убийцы сумели следы свои запутать и явные улики уничтожили. Не без оснований хвастался в пьяном откровении советский полпред. Знал он то, что совершенно было на самом деле, знал как и знал также, что молчать заказано, а когда возникала необходимость темы этой касаться, то наверное, врал, как и его екатеринбургские коллеги и как ввали его хозяева в Кремле.

Врали от имени власти по свежим следам, врали во все последующие советские годы, врут и ныне, почти сто лет спустя и тоже не от имени безответственного частного лица.

Здесь уместно вспомнить, что вся история с Царскими останками началась ещё в восьмидесятые годы прошлого века когда Генсек ЦК КПСС, каковым в то время являлся Михаил Сергеевич Горбачёв, пообещал Английской Королеве к её приезду в СССР предать гласности посмертную судьбу последнего Российского Императора и Его Семьи. Наверное, Горбачёв был абсолютно уверен в том, что никаких проблем с доказательствами у него не возникнет, ибо сразу же по его возвращению из Великобритании было объявлено, что в пригороде Екатеринбурга обнаружена могила, где в 1918 году были зарыты Царственные узники, расстрелянные в доме Ипатьева Тут же следом в печати появился документ, написанный главным действующим лицом, в котором излагалась вся страшная картина, тогда там произошедшая. Но так сложилась судьба самой СеСёЭровской империи, что она в одночасье рухнула бесславно вместе со всей системой большевистского «единомыслия». Ушёл в небытие и сам Горбачёв.

Тема обнаружения Царской могилы, благодаря политическим и идеологическим изменениям в стране, пробудила в широких общественных кругах особый интерес к судьбе Царской Семьи и безудержную реакцию раскрепощённой прессы. Свежеиспечённая демократическая власть, впадшая от неожиданной своей удачи в головокружительную эйфорию, таковому интересу никак не препятствовала, скорее даже наоборот, подогревала его, тем более, что на государственной арене бурного переустройства заметную роль стала играть, освободившись от подконтрольного гнёта, Русская Православная Церковь. В канун 75-летней годовщины (1993 год) убийства последнего русского Царя вновь избранный Святейший Патриарх обратился с письмом в адрес Президента с призывом «возобновить детальное расследование», совершённого злодеяния в Екатеринбурге.

Созданная в том же, 1993 году, Правительственная Комиссия специально якобы для того, чтобы исследовать и решить вопрос посмертной судьбы Царской Семьи, сразу же пошла по следам большевистской лжи. В самом названии уже был определён её конечный результат: «Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и **перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его Семьи**». То есть, о каком исследовании могла идти речь, если без всяких «изучений» априори известно, что останки царские. Уже на первом заседании Комиссии за подписью Главного судебно-медицинского эксперта Минздрава РФ В.О. Плаксина, Бюро Главной Судебно-медицинской экспертизы представило на имя Председателя Комиссии Ю.Ф. Ярова «Справку о ходе выполнения судебно-медицинской экспертизы костных останков из места предполагаемого захоронения семьи бывшего Императора Николая Второго», в которой было сказано: «**Установлена** принадлежность останков пяти конкретным членам семьи Романовых». А в самом начале 1994 года тот же Главный эксперт Минздрава на очередном заседании Правительственной Комиссии заявил: «Экспертиза екатеринбургского захоронения закончена с категорическими положительными результатами, идентификацией пяти членов царской семьи», и добавил: «Мы считаем, что на этом этапе результаты, которые существуют, позволяют в категорической форме сказать об (завершении*) идентификации останков и закончить проведение этих исследований». Но случилось так, что самоуверенный оптимизм судебно-медицинской экспертизы растянулся на многие годы. Причиной тому стала твёрдая позиция, которую заняла Русская Православная Церковь в вопросах доказательной базы проводимых как медицинских, так и исторических исследований.

В сентябре 1995 года митрополит Кирилл, ныне Патриарх Московский и Всея Руси, на встрече с членами Правительственной Комиссии, объясняя настороженное отношение Православной Церкви к выводам, к которым пришло следствие, сказал, что через двадцать лет имена членов Комиссии никто не вспомнит, а вот то, что «Их хоронил Патриарх» будут знать все, и весь груз ответственности ляжет на плечи Предстоятеля Русской Православной Церкви. Действительно, кто сегодня может назвать хоть одну фамилию кого-либо из членов бывшей Правительственной Комиссии, тем более, что подавляющее большинство её членов являлись представителями номенклатуры, которые к тому же менялись «как перчатки», в зависимости от колебаний, происходивших в самой власти. Комиссию, за пять лет её работы, посменно возглавляли четыре Председателя в ранге вице-премьеров из которых поминают только последнего, ныне скандально-известного демократа, а тогда ярого поборника ельцинского режима, Бориса Ефимовича Немцова и то потому, что на нём Комиссия завершила свою деятельность официальным признанием того, что останки, извлечённые из коптяковской дороги, принадлежат государю Императору и Его Семье, и принятием решения о торжественной церемонии перезахоронения оных в Императорской усыпальнице Санкт-Петербурга. Тогда Немцов ходил в «наследниках» Ельцина и очень самоуверенно чувствовал себя в Белом Доме. А вся заслуга Немцова заключается в том, что единственная подпись под документом, поставившему последнюю точку в исследовании и изучении костных останков из коптяковского могильника, его подпись. Немцов явился на смену предыдущему вице-премьеру когда наверху решили, что надо заканчивать публичные баталии и прикрывать «контору». Явился со знанием предстоящей ему миссии, сменив бесцветного Игнатенко, третьего Председателя Комиссии.

Самым деятельным, при котором Комиссия регулярно заседала, был первый её Председатель, Юрий Фёдорович Яров, прослуживший на этом посту более трёх лет. При нём собран был весь следственно-экспертный материал, вошедший в официальную документацию, и сформулирован вывод, удостоверяющий подлинность так называемой «Записки Юровского», на основании которой якобы было установлено место погребения Царской Семьи. В январе 1996 года Яров был смещён с поста вице-преьера и покинул Правительственную Комиссию.

Немцов на должность Председателя Правительственной Комиссии был назначен в конце 1997 года. Первое заседание с новым Председателем состоялось 3 ноября. Открывая заседание Немцов прежде всего отметил, что «решение вопросов, связанных с идентификацией останков российского Императора и членов его Семьи, неоправданно затянулось» объявив следом, что «Комиссия завершает свою работу в январе 1998 года». Это во-первых. Во-вторых, члены Комиссии были поставлены в известность, что «Решения Комиссии оформляются протоколом заседания за подписью Председателя Комиссии», то есть без коллективного либерализма. И в-третьих, предписывалось «выработать рекомендации Президенту Российской Федерации о месте и времени захоронения останков российского императора Николая II и членов его семьи». Отдельным пунктом указывалось, что «проведение дополнительных исследований исторических аспектов, обстоятельств расстрела и захоронения семьи Романовых, не связано со сроками завершения работы Комиссии и оформлением её итоговых документов». Следовательно, все вопросы исторического характера, злодейская расправа в Ипатьевском доме, тайные коллизии вокруг уничтожения следов преступления, на осмыслении которых настаивал академик Алексеев, из сферы ответственности Государственной Комиссии были волею председателя просто исключены без каких бы то ни было даже формальных объяснений.

Последнее заседание Правительственной Комиссии было назначено на 30 января 1998 года Повестка заседания состояла из трёх пунктов:

1. Вступительное слово Председателя Комиссии Б.Е. Немцова.
2. О завершении судебно-медицинских исследований и идентификации останков российского императора Николая II, членов его семьи и лиц из их окружения, обнаруженных под г. Екатеринбургом в 1991 году.
3. Об издании материалов Комиссии (этот пункт чисто демагогическо-пиарного свойства, ибо, естественно, никакие материалы изданы не были).

В своём вступительном слове Немцов, отдав дань формальной вежливости, заявил, что «целью данного заседания является принятие решений, завершающих работу Комиссии».

По второму пункту с докладами выступили директор Республиканского Центра судебно-медицинских экспертиз Минздрава России В.В. Томилин и прокурор Генеральной Прокуратуры В.Н. Соловьёв. Признав отчёты Минздрава и Генеральной Прокуратуры «удовлетворяющими Комиссию», было принято Решение «поручить Председателю Комиссии Б.Е. Немцову доложить Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину о результатах работы Комиссии».

Немцов миссию свою исполнил в полном соответствии с тем, что ему было предписано, а предписано было поставить точку во всей этой, затянувшейся на пять лет «исследовательской» эпопее. Комиссия в одночасье прекратила своё существование. Как последний аккорд правительственной «увертюры» объявлено было, что «в результате работ по идентификации останков с применением доступных современной науке методов исследований получен исчерпывающий материал», в связи с чем, говорилось далее, «нет необходимости в дальнейшем сохранении останков царской семьи». Власть стала готовиться к торжественным похоронам в Петропавловском Соборе, назначив оные на день восьмидесятилетней годовщины совершённого Екатеринбургского злодеяния.

Как известно, Церковь отказалась принимать участие в сомнительном «мероприятии»), что правда «сильных мира сего», воспитанных на основе «научного атеизма», нисколько не смутило. Церковь для этой публики является всего лишь пропагандистским пиаром. С постсоветских времён вдруг стало модно публично демонстрировать свою приверженность православной вере и власть имущие внешне очень стараются быть замеченными на сей ниве: со свечами в руках усердно выстаивают на Патриарших Праздничных службах, крестя размашисто свои лбы в объективы телекамер. Не случайно народная молва публику эту очень образно обозвала «подсвечниками»...

Власть, конечно, попытку подчинить Церковь предприняла: для общественного эффекта, присутствие высшего Духовного Лица во главе похоронной процессии было бы очень желательно, но когда стало ясно, что Святейший Патриарх ни к каким компромиссам не склоняется, власть провела чисто светскую церемонию при полном отсутствии синодального духовенства и без необходимой по такому случаю торжественной поминальной службы. От Патриархии был назначен приходской батюшка, которому предписано было отслужить краткую панихиду по неким безвестным жертвам большевистского террора, в то время как сама власть в Екатерининском предделе Петропавловского собора, с соблюдением по такому случаю внешнего церемониального ритуала, хоронила прах последнего Государя Российской Империи и Его Августейшей Семьи.

Странно, но присутствующих на торжественной церемонии представителей Романовской Династии, прибывших по этому поводу в Санкт-Петербург, никак не смутило то обстоятельство, что священник ни разу не помянул поимённо тех, кому воздавались почести, ни разу не вспомнил в своих молитвах имени Помазанника Божиего, стоя перед гробом, покрытым царской мантией. Их не смутило так же и то, что ни один европейский монарх не счёл для себя обязательным по сему случаю прибыть в бывшую столицу Императорской России, хотя все Королевские Дома заблаговременно получили соответствующие уведомления и приглашения. Ни один европейский монарх не только не счёл необходимым присутствовать собственной персоной, но даже не проявил чисто дипломатического лицемерия, и не делегировал к присутствию вместо себя какого-либо малоприметного королевского представителя.

Наоборот, великокняжеские потомки легко вошли в светскую атмосферу постсоветской демократии, удачно вписавшись в рамки почётных гостей Возглавлял сей родственный клан Николай Романович Романов

из Швейцарии, самозвано подписывавший письма свои княжеским титулом, ибо князей Романовых в русской истории никогда не существовало (были Великие Князья и Князья Императорской крови: морганатические потомки титул утрачивали), который подлинность царских останков не только признавал, но и выступал всегда за срочное их погребение ещё задолго до того, как Правительственная Комиссия вынесла свой вердикт. Так, например, уже в январе 1994 года в письме на имя А.Л. Адамишина, тогда заместителя министра Иностраннных Дел, Николай Романович в частности писал: «Время торжественного исторического события погребения останков Екатеринбургских жертв, приближается... Романовы, со мною Князем Николаем Романовичем во главе, будут присутствовать с волнением и внутренней радостью»... В 1995 году Председателю Комиссии Ярову Николай Романович писал снова: «Время похорон Екатеринбургских жертв приближается». Далее он сетует по поводу не слишком почтительного отношения в свой адрес. «Я выражаю, - пишет он, - моё глубокое удивление, что до сих пор ни я, ни один из 14 совершеннолетних Князей Дома Романовых не были осведомлены ни о предстоящих похоронах, ни об их обряде. Князья и я имеем право не только быть полностью осведомлёнными о подготовке похорон в Санкт-Петербурге, но должны иметь возможность изъяслять наши желания»... А в последнем письме, уже в адрес Немцова, преисполненный радостным оптимизмом, Николай Романович написал: «Как глава Дома Романовых я, конечно, следил с особенным вниманием за ходом трудов идентификации останков найденных близ Екатеринбурга. До меня дошло достоверное сведение, что окончательное решение по этому делу будет объявлено 27 января сего года. Я не сомневаюсь, что результат последних исследований подтвердит, что найденные останки без сомнения принадлежат убитым членам Царской семье»).

Действительно, Николай Романович никогда не сомневался не только в подлинности самих останков, но и во всей той информации, что исходила из официальных источников, ни он сам, как глава семейного клана Романовых, ни все его четырнадцать «совершеннолетних князей». В подлинность екатеринбургского могильника они поверили сразу же, как только о том было объявлено ещё в коммунистическом Советском Союзе, и без всяких колебаний и собственного осмысления поверили в большевистскую ложь, сфабрикованную первым советским «историографом», а уж всё то, что исходило из недр постсоветского официоза, воспринималось «князьями Романовыми» как истина безусловная, не оставляющая никаких вопросов для недоверия.

И нисколько не смутило потомков Патриарха Филарета то, очень красноречивое обстоятельство когда, в канун торжественной церемонии в Царской усыпальнице Санкт-Петербурга, Русская Православная Церковь объявила о своём неучастии в этой самой церемонии и Святейший Патриарх, весьма символично, в тот памятный день совершил торжественную панихиду по убиенному Государю и Его Августейшей Семье в главном соборе Троице-Сергиевой Лавры.

Очень комфортно «князья Романовы» чувствовали себя в атмосфере светского окружения, может быть уже не воинственно-атеистического, но во всяком случае равнодушного к церковной обрядности и далёкого от православной веры. Станным образом таковая коллизия никак не оскорбила сердца и души тех, чьи предки во все три столетия перед Святым Престолом венчались на Царство и с молитвы начинали каждый день своего монаршего служения. Как, видимо, весьма справедливо в то время сказал протопресвитер Александр Киселёв, глубоко знакомый с эмигрантской средой, что большая часть членов Дома Романовых, «не знают русского языка и крестятся не по православному».

А жаль. Если бы весь клан Романовых в единомыслии и гласно, по благословению главы Зарубежной Церкви и в соучастии с родственными Королевскими Домами Европы, воспринял бы всю эпопею, связанную с историей обнаружения останков, кои предположительно могли принадлежать последнему Русскому Императору и Его Августейшей Семье, не как возможность из полного забвенья напомнить о своём существовании, а как свой долг всячески сопутствовать поиску истины, то, может быть, по другому пути пошли исследования Правительственной Комиссии, и может быть, Поросёнков Лог не стал бы символом противостояния Ганиной Яме. Может быть, тогда по другому сложилась историческая канва многострадального нашего Отечества, и в Юбилейный Романовский год Государство в полном единении с Православной Церковью особо почтило своим вниманием Царственных Страстотерпцев и напомнило бы своим согражданам о мученическом завершении трёхсотлетнего русского Царства. Но, увы, свою лепту потомки Романовых возложили на «алтарь» безбожного большевизма.

Правительственная Комиссия, проигнорировав всё, что в той или иной степени расходилось с официально утверждённым «историческим» событием, объявила останки, извлечённые из группового могильника на старой Коптяковской дороге, принадлежащими Царской Семье на 99 процентов. Один процент то ли не сумели дотянуть, то ли специально оставили для демонстрации как бы собственной своей «научной» щепетильности. Правда, теперь от прокурора-криминалиста стало известно, что всё же до нужной стопроцентной нормы «дотянули».

Поборники мемориала в Поросёнковом Логу всячески хулят «упрямство» церковной братии, где больше всего достаётся Екатеринбургской епархии с её многотысячными крестными ходами из Храма-на-Крови в монастырь на Ганиной Яме, выросший как град Китеж вокруг шахты, где «были уничтожены останки Святых Царственных Страстотерпцев». «На том месте, - читаем в календаре Юбилейного года, изданного монастырём, - где пытались когда-то погубить память Святых Страстотерпцев, ныне совершается усердная молитва», в отличии от безмолвия, царящего вокруг официального места «обретения», что особенно приводит в ярость тех,

кто пытается убедить мир в том, что версия, придуманная на заре советской власти, является абсолютным историческим фактом.

А Церковь почему-то проявляет настороженность.

Это болезненно задевает самолюбие прокурора-криминалиста Соловьёва, заглушая деликатность и профессиональное хладнокровие. «Сотни тысяч людей, - пишет он, - уже прошли через «опытных экскурсоводов» в Храме-на-Крови и на Ганиной Яме, грубо извращающих суть происходивших в 1918 году событий. Церковь сомневается в истинности обретенных останков, ни говоря ни «да», ни «нет», но склоняется к версии следователя Н. Соколова... Не знаю, является ли это мнение официальным, но митрополит Викентий утверждает, что истинный «антиминс», то есть останки, превратившиеся в «слой извести», были обнаружены на месте сгоревшей в 2010 году церкви в районе Ганиной Ямы». «Митрополит Викентий, - изохряясь в глумлении продолжает прокурор-криминалист, - производит «чудо» и превращает даже не воду в вино, а кучу извести в «святые мощи». Наивные и доверчивые... с восторгом проглатывают этот цирковой фокус». И уже совсем освободив свой пыл от всяческих рамок приличия православный следователь по особо важным делам, молившийся не один год перед иконным образом «с птичкой» и совершавший паломничество к старцу Илию в Оптину Пустынь, в бурной полемике на сайте форума «Русской Народной Линии заявил: «На ближайшие сотни лет некоторые церковные деятели, пытаются выдать нам скотские кости за «святые мощи». И там же ещё откровеннее, опять же от лица, которое всячески в себе обнаруживает признаки добропорядочного христианина: «Я поздравляю Вас, дорогие участники Форума, с тем, что благодаря Вашим общим усилиям, усилием «Царских заступников», на Ганиной Яме молиться теперь нужно, даже не идолу поганому, а обозначенном митрополитом Викентием какой-то известковой мусорной куче, оставленной нерадивыми строителями и выдаваемой за «Мощи» Императорской Семью).

Не тогда родился старший советник юстиции. Жить бы ему и процветать в эпоху «Безбожной пятилетки» и под началом Минея Губельмана (скрывавшегося под псевдонимом Емельяна Ярославского) в рядах «Союза Воинствующих Безбожников» трудиться бы на ниве борьбы с «поповско-монашеским мракобесием»... Ну да это так, к слову... А то, что смута в умах не устранена и что для православного человека останки, извлечённые из Коптяковской дороги не превратились в Святые мощи и Поросянок Лог не стал местом поклонения и паломничества - это факт. И то, что Церковь не приняла официальные выводы следствия и вердикт, вынесенный Правительственной Комиссией - это тоже факт.

«Священный Синод принял решение не признавать «екатеринбургские останки» принадлежащими Царской Семье, - в одном из интервью сказал Патриарх Кирилл, и объяснил на чём сие решение основывается. «Мы не знаем, - сказал он, - какие останки исследовались. Нам остаётся только верить тому, что нам сказали. Но в таких вопросах одного честного слова мало, здесь нужны неоспоримые доказательства. Останки найденные под Екатеринбургом сравнивали с останками родственников Государя Императора и его Семьи, взятыми из могилы Петропавловской крепости. Мы настаивали на получении образцов и тех и других с тем, чтобы мы вместе с представителями государственной комиссии могли их передать в независимую исследовательскую лабораторию... Мы предлагали на выбор лаборатории в Лондоне, Нью-Йорке или в Японии. Нам отказали».

Раз отказали, значит тому была веская причина. Вернее опасение, что всплывёт что-то, что не должно было бы всплыть. Ведь если скрывать нечего, то как раз наоборот: Правительственная Комиссия должна была бы всячески стремиться к тому, чтобы авторитет Церкви подтвердил достоверность, как самих экспертиз, так и исследуемого материала. Такого стремления ни Правительство, ни следствие не обнаружили.

Во всей этой истории стрелочником оказался прокурор-криминалист Соловьёв. Вся критика сыплется по его адресу, его обвиняют во лжи и в фальсификации исторических фактов, ему предъявляют претензии по линии юридической недобросовестности, он как бы ответственен и за все судебно-медицинские и исторические экспертизы, а на самом деле власть использует следователя по особо важным делам, хорошо засветившегося на арене исследования останков из коптяковского могильника, в качестве отвлекающей мишени, прикрывая тем самым тайные свои закулисы. С одной стороны можно было бы ему посочувствовать, с другой же - вроде бы не с чего. Не под расстрельной статьёй взвалил сей груз на свои плечи, а добровольно пошёл служить тому, что именуют Фемидой. Пошёл, зная наперёд, что со стороны Оной, ни одно его даже явно фальшивое слово никогда не будет вменено ему в упрёк и тем более в ответственность. Потому в полемике с оппонентами держится уверенно: можно сколько угодно, устно и печатно, уязвлять его в голословности и бездоказательности тех или иных фактов, которые следствием представлены, как события исторической данности, можно уличать в постоянных противоречиях на основе его же собственных документов, в фальсификационных измышлениях и прочих «грехах», можно приводить аргументы, которые искажают гладкость сформулированной им версии и на убедительных примерах констатировать нарушение профессиональной этики - всё это можно, но всё это совершенно бессмысленно, ибо есть «документ», который опровергает «и без того неубедительные позиции» оппонентов, и который «закрывает навсегда все догадки и споры, ибо Дело заканчивается той самой «Запиской»...

И этот документ признан и утверждён властью в лице Правительственной Комиссии, Генеральной Прокуратуры, Следственного Комитета и официальной исторической науки.

Конечно, для оптимизма нет никаких оснований и, наверное, здравый смысл склоняет к смирению:

Пётр Лазаревич Войков, бывший комиссар по продовольствию Уралсовета, уже давно предсказал, что «мир» никогда до истины не достигнется. А ныне, как и в былые большевистские времена, с высокой трибуны продолжают «величать» последнего Русского Царя «Николаем Кровавым».

И всё же... финальную черту подводить преждевременно, даже при той безысходности, в которой ныне обретается всё, что связано с историей печально-знаменитого Поросёнкова Лога. Надежда на то, что где-то в тайных анналах засекреченного ведомства хранится «нечто», могущее пролить свет на эту мрачную страницу Российской истории, не затухает.

Академик В.В.Алексеев когда-то сказал:

«Политическая точка была поставлена. Но как историк я считаю, что исторической точки в этом деле нет. Незавершённость исследования приводит к ещё большим разногласиям в этом вопросе. Эту работу надо завершить ради памяти, ныне живущих, авторитета российской державы, спокойствия в обществе».

*

Ради истины...